

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК

ВОЛГА

№1 2021

Литературно-художественный журнал

16+

СОБЫТИЯ И ЛИЦА САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ А. Н. МИНХА

А. Н. Минх

Вид Никольской улицы в Саратове (ныне ул. Радищева).
Рисунок А. Н. Минха. 1867 г.

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 1 2021

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России (Москва)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов Союза
писателей России (Москва)

САРАТОВ
2021

№ 1 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД

Валентин НЕРВИН. **Рассерженный воздух** 3

ОТРАЖЕНИЯ

Алексей МАНАЕВ. **Час печали, год любви (Окончание)** 8

ПОЭТОГРАД

Валерий СУХОВ. **Родник** 40

СТАТЬИ

Вячеслав ЛЮТЫЙ. **На рассвете завтрашнего дня** 46

ОТРАЖЕНИЯ

Владимир КРУПИН. **Громкая читка** 50

Александр ПОНОМАРЁВ. **Два рассказа** 98

ПОЭТОГРАД

Наталья ДЖУРОВИЧ. **Лоскутки** 104

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Василий КИЛЯКОВ. **Предстояние** 109

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Иван ПЛЕШАКОВ. **Потаённые думы** 118

ПЬЕСА

Светлана ПАНКРАТОВА. **Когда будешь большая....** 151

РЕЦЕНЗИИ

Валерий КРЕМЕР. **С любовью к людям и России** 191

**Валентин
НЕРВИН**

РАССЕРЖЕННЫЙ ВОЗДУХ

Под занавес Лета Господня
тепло не даётся в кредит.
На русской равнине сегодня
рассерженный воздух гудит.
Я чувствую, как поневоле
природа сдаётся «под ключ»
и мечутся ангелы боли
и молнии мечут из туч.
Душа в дождевой паутине
состарилась и замерла.

Сегодня на русской равнине
кончается время тепла.

Иногда ночами снится
и покоя не даёт,
будто молодости птица
перелётная поёт.
Было времечко вначале,
было дело, да прошло –
поперёк былой печали
много водки утекло.
Годы в памяти маячат,
и дорога далека,
по которой птицы плачут
и кочуют облака.

-
- Валентин Михайлович Нервин родился в 1955 году. Член Союза российских писателей, автор 12 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им. Н. Лескова (Россия) и им. В. Сосюры (Украина), специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии-2013), Международной Лермонтовской премии (2014). Стихи переводились на английский, немецкий, румынский, украинский языки. Живёт в Воронеже.

На фоне заката,
на лоне природы
мы жили, казалось, у края земли,
когда по фарватеру шли пароходы
и сонные воды, как время, текли.
Судьба нагадала
навек проститься,
и мы выпадали из времени, где
над нами летали красивые птицы
и тени сновали по лёгкой воде.
Чем дальше по жизни,
тем сумерки ближе –
махни на прощанье рукой вдалеке.
Во сне запоздалом однажды увижу
огни парохода на тихой реке.

НА ПТИЧЬЕМ ЯЗЫКЕ

1

Когда брожу в лесу,
особенно под осень,
осмысливая свой
неправедно-земной,
гляжу на листопад,
и птиц разноголосье
нисходит на меня,
восходит надо мной.
Пора бы поумнеть,
а всё не понимаю,
что наши голоса
ломают звукоряд,
а те, кого я знал,
и те, кого я знаю,
на птичьем языке
со мною говорят.

2

Наутро,
но ещё пока ты спишь,
как бабочка ночная обессилев,
пространство сна пересекает стриж,
стригущий небо ножницами крыльев.
И скоро
ты проснёшься налегке,
поняв по интуиции, что это
Бог говорил на птичьем языке,
наивно отделяя тьму от света.

В ЛЕСУ

В лесу, где кроны шелестели
жёлтофиолевой листвой
и птицы сказочные пели
над непутёвой головой,
подумалось о том, что лето
вернётся только через год
и песня молодости спета
по мере наших непогод.

У птицы пёстрая окраска,
в лесу не холодно пока,
но сказка потому и сказка,
что кончится наверняка.

Электричка уходит без четверти восемь.
Отпоют остывающие провода,
и потом на Земле начинается осень –
электрички уже не заходят сюда.
Постою напоследок у края платформы,
за которой неистовствует листопад,
по-осеннему низкие звуки валторны
долетают на Землю почти наугад.
Ни гроша за душой, ни души на перроне,
ни последнего пира во время чумы –
почему ничего не предвидится, кроме
долгой осени и бесконечной зимы?..

Электричка уходит без четверти восемь.

Любовь начинается как листопад,
кончается – пуще неволи:
наивные листья покорно летят,
как жёлтые ангелы боли.
Куда мы уходим от наших сердец,
какие следы замечаем,
о чём вспоминаем, когда наконец
до самой земли долетаем?..

ПАУЗА

Пахнет опавшими листьями –
время любви позади.
Слушать банальные истины
поздно, сама посуди.
Тянется долгая пауза
по существу бытия,
на остановке «Икаруса»
тень промелькнула твоя.

Что разговаривать попусту,
если с годами ясней:
нет и не будет автобуса
на остановке моей.
Близится похолодание –
ты абсолютно права.
...Разве мы знали заранее,
как опадает листва?

Живая радость быстротечна:
трава устанет зеленеть,
любимая не будет вечно
хрустальным голосом звенеть.
Импровизация былого
уходит в будущее, но
сопроводительное слово
по жизни произнесено.
Так облака над головами
летят в соседнюю страну,
сакраментальными словами
сопровождая тишину.

Когда мы отправимся в царство теней,
которые свет охраняют,
окажется, что ни друзей, ни коней
на этом пути не меняют:
никто не умрёт, никого не убьют,
красивые лошади скачут,
живые друзья на застолье поют
и русские женщины плачут.

ВОРОБЫШЕК

Жена заплачет,
ангел отвернётся,
и за душой не будет ни копыя,
когда на сердце будто встрепенётся
простая птица, вроде воробья.
Она свободно
крылышки расправит,
и медики руками разведут,
а кто-нибудь из космоса представит
земную жизнь за несколько минут.
Душа бывает
праведной и грешной,
но всякий раз у жизни на краю
чирикает воробышек сердешный
бесхитростную песенку свою.

Уже опадают последние листья
и как заводные летят облака,
а я вспоминаю приметы и лица
друзей,

окликающих издалека.

По самому краю моих сновидений
они оставляют свои адреса,
и неуправляемый ветер осенний
разносит

оставшиеся голоса:

– Давай попрощаемся у поворота,
ведущего по лабиринту зимы,
как люди, стоящие вполоборота
на пересечении

света и тьмы.

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

1

Как не затосковать
в осенних городах?
Всё кажется чужим
и всё не слава богу;
последние цветы
на клумбах и в садах
стоят как фонари
и гаснут понемногу.
А за полночь снега
нагрянут свысока
на эти берега,
сведённые мостами,
и как бы невзначай
осенняя тоска
уйдёт за облака
осенними цветами.

2

Вот и осень по жизни пришла,
листья заживо падают в спешке;
у кого ни попросишь тепла –
ни золы тебе, ни головешки.
Что романсы, когда наяву,
сообразно развитию темы,
остаётся посыпать главу
лепестками больной хризантемы.
Выше неба и ниже земли,
о весне поминая некстати,
полетели мои журавли,
догоняя тепло на закате.

**Алексей
МАНАЕВ**

ЧАС ПЕЧАЛИ, ГОД ЛЮБВИ

Окончание. Начало в № 9–10 2020

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Глава восьмая

Гуляя по улице, ловлю на себе любопытные взгляды прохожих. Я понимаю их. Не часто даже в Москве увидишь семидесятилетнего седовласого аксакала с полуметровой длины объективом в добром японском фотоаппарате.

Фотоаппарат – моя гордость и слабость. Мечтал о нём с детства. Хотя бы о дешёвенькой «Смене». Но и она была нашей семье не по карману. Подрос. Пошёл на работу. Появились деньги. Теперь оказалось в дефиците время. Некогда было возиться с проявителями-закрепителями, гоняться за натурой. Так и жила мечта между двумя дефицитами. Дефицитов, конечно, было больше. Но остальные то появлялись, то исчезали. А эти ложились со мной спать, ходили на работу и даже, бывало, не отставали на торжественных официальных мероприятиях. Только когда стал свободным художником в ранге пенсионера, появились цифровые камеры, и тогда я понял: пришло моё время – время фотографа-любителя.

Хобби моё – как капризная барышня. Иногда натура так и просится в кадр. Нащёлкал усердно, заранее замирая от восторга. Пришёл домой – и вновь неожиданность: в сотне снимков ни одного, от которого бы встрепенулась душа. В такие минуты хочется искромсать всю эту дорожную японскую технику, хочется сказать себе: всё, парень, пора с фотографией завязывать.

И тогда на помощь приходит кумир – фотомастер Виктор Антонович Тёмин, работы которого часто анализировали на лекциях, делая акцент на тесных связях Тёмина с Татарстаном.

– Не печалься, – будто бы говорит, – всё образуется. Творчество подобно розе: без шипов неммыслимо.

Верю ему, потому что знаю, сколько шипов на его долю выпало. Виктор Тёмин родился в семье священнослужителя в городе Царёвококшайске Казанской губернии (ныне Йошкар-Ола, Республика Марий Эл). У него была, пожалуй, одна страсть – фотография, которой увлёкся в Татарстане, в провинциальном городке Мензелинске, куда перевели отца. За короткое время парень

сделал головокружительную карьеру. В 1929 году главная газета республики «Красная Татария» поручила Виктору сделать серию фотографий бывшего в Казань Максима Горького. С поручением справился достойно и в качестве презента получил из рук «буревестника революции» фотоаппарат «лейка», служивший верой и правдой Тёмину не одно десятилетие. А в тридцатых годах он уже покориł Москву, работал фотокорреспондентом главной газеты страны – «Правды».

Он делал фоторепортажи о спасении челюскинцев и дрейфе станции «Северный полюс-1». Он запечатлел атаки на озере Хасан и на реке Халхин-Гол, бои в ходе советско-финского конфликта. Он зафиксировал на плёнку начало Великой Отечественной войны и её завершение. Его кадры – главные свидетели Нюрнбергского трибунала.

Чтобы выполнить задания одно сложнее другого, надо было идти в атаку вместе с наступающими и держать фронт вместе с отступающими. Ради одного снимка в газете надо было рисковать жизнью.

Рисковал.

Вот он-то и смотрит на меня с укором в минуты неудач и будто упрекает: «Что, сдрейфил? Эх ты...»

Я стараюсь постичь тайны его творчества. В газетах и журналах узнаю много интересного. Но кое-что настораживает. Имя фотомастера всё чаще обрастает легендами. Как ни парадоксально, больше всего мифов связано с фотографией поверженного рейхстага. Многих удивляло и удивляет не то, что была сделана уникальная документальная работа, а то, что в «Правде» она была опубликована 3 мая 1945 года – на следующий день после водружения Знамени Победы над рейхстагом. По всем расчётам выходило, что за такой короткий срок доставить снимок из Берлина в Москву неправдоподобно. Лондонское радио даже сообщило, что русские отпечатали газету в немецкой столице или в её пригороде.

Разыгралось воображение и у некоторых отечественных коллег, которые тоже внесли немалый вклад в копилку легенд. Согласно одной из них, 2 мая 1945 года фотокорреспондент «Правды» Виктор Тёмин, чтобы доставить в редакцию знаменитый снимок «Знамя Победы над Берлином», угнал личный самолёт командующего Первым Белорусским фронтом Жукова. Разгневанный Жуков будто бы лично звонил редактору «Правды», требуя расстрелять Тёмину, на что редактор ответил: «К сожалению, товарищ маршал, это невозможно. Только что звонил товарищ Сталин и просил передать вам его благодарность за предоставленный самолёт, а фотографа наградить».

Не убывает коллег, желающих эти легенды распутать. Хочу остановиться на публикации в Интернете писателя и журналиста Юрия Гладкова «Виктор Тёмин – король фоторепортажа». Автор утверждает, что в 1980-е навестил легендарного фотокора в Москве на его квартире и услышал правду о знамени, рейхстаге и доставке снимка в Москву из первых уст.

Цитирую. «Ночью наконец пришло долгожданное известие: есть наш флаг над рейхстагом! Ночью не сфотографируешь, но и наступившее утро не порадовало: от рвущихся снарядов стоял дым от разрывов. Сплошная пелена! И тогда Тёмин мчит на полевой аэродром, находит лётчика Ивана Вештака, объясняет ситуацию. Надо сказать, был у фотокора волшебный пропуск, подписанный самим Сталиным. Он позволял Тёмину беспрепятственно бывать на всех фронтах. Авантюрист Тёмин распорядился им по-своему. Он не стал со своей «лейкой» и блокнотом мотаться по столице Третьего рейха... Сначала он «выбил» себе... танк. На «тридцатьчетвёрке» одним из первых ворвался в Берлин, снимал уличные бои, а потом «завла-

дел» личным самолётом «По-2» с лётчиком – младшим лейтенантом Иваном Вештаком.

И вот Иван и Виктор летят в сторону рейхстага. Вспышки зенитных снарядов, на земле пулемётная, автоматная стрельба, дым, огонь от горящих зданий и поверженной техники... Рейхстаг! Самолёт дрожит от раздающихся рядом разрывов. Успевают только один раз облететь «ощипанную» цитадель. Тёмину удаётся щелкнуть «лейкой» лишь три раза. А в радиции звучит: «Немедленно возвращайтесь! Трибунал!»

«Когда самолёт сел, Витюша успел передать подбежавшему авиатехнику кассету с запиской, кому и как передать, чтобы она немедленно была доставлена в Москву, – комментировала Тамара (жена фотомастера. – А.М.). – И тут же их арестовали.»

На что Виктор Антонович усмехнулся, слабо махнул рукой...

Тёмин попросил меня сесть поближе.

– Только тебе скажу, – полущёпотом начал он. – На моём снимке нет знамени. Сам рейхстаг есть, а знамени – нет. Почему – сам не знаю. Скорее всего, мы не с той стороны летели. А может, немцы его сбили...

– Но вот он... флаг, – я указал на большое фото на стене.

– Все так думали. И думают доселе... Дело в том, что в редакции, когда такое увидели, решили: негоже – и художник-ретушёр его дорисовал.

– Но ведь Кантария... – не унимался я.

– Халдей снимал его уже после. Это был постановочный снимок...»

Есть у меня великое сомнение, что писатель и журналист Юрий Гладков (или тот, кто скрывается за этой фамилией) искренен, что его очерк – не очередная легенда. Почему? Просто нужно открыть «Правду» от 3 мая 1945 года, посмотреть, что там опубликовано, и сравнить с тем, о чём судачит автор. Быстро выяснится, что его фантазии не имеют реальной основы.

Не пойму, зачем потребовалось наводить тень на плетень, да ещё устами самого Тёмина? Правда, журналист и писатель оговорился, что фотохудожник приболел и больше рассказывала его супруга. Она могла что-то, конечно, напутать. Но чтобы так напутать, надо и впрямь быть не в своём уме. А может, всё проще? Героев очерка давно нет среди нас, а сенсации нужны каждый день. И рождаются мелодии, которые можно придумывать не вставая из-за стола!

Лично я считаю, что тайны об истории победной фотографии и её публикации в «Правде» давно раскрыты самим автором – в книге «Журналисты рассказывают», вышедшей в издательстве «Советская Россия» ещё в 1973 году. Цитирую с сокращениями.

«...С первого и до последнего дня Великой Отечественной войны я был на различных фронтах, выполняя задания редакции. И вот наступил 1945 год. Все мы уже чувствовали, что победа над фашизмом близка. Запечатлеть исторический момент водружения Знамени Победы над рейхстагом в Берлине я считал для себя задачей номер один. Сделать этот снимок было для меня делом чести: ведь знамёна Победы, водружённые нашими войсками в боях с японцами у озера Хасан и реки Халхин-Гол, в Финляндии, на взорванных дотах «линии Маннергейма», были тоже засняты мной. Началось зимнее наступление Советской Армии. 1 марта я положил мой план проведения съёмки водружения Знамени Победы над рейхстагом в Берлине и оперативной доставки снимков в Москву перед бывшим в то время редактором «Правды» Петром Николаевичем Пospelовым. В докладной на его имя всё предусмотрено: и технику фотографирования, и варианты доставки негативов в редакцию через 6–10 часов после съёмки. Мой план был одобрен редколлекцией.

И вот я под Берлином. Выясняю, какие части находятся в первом эшелоне, и сразу еду в первый танковый корпус генерал-лейтенанта С. М. Кривошеина.

С 23 по 30 апреля бригада Вайнруба прогрызла оборону немцев, танкисты воевали за каждую улицу, за каждый квартал, всё ближе и ближе продвигаясь к рейхстагу. То, что творилось в городе в часы последнего штурма, не поддаётся описанию. Гитлеровцы мешали сдаваться тем, кто понимал бесполезность сопротивления. Когда гитлеровские солдаты, находившиеся в подземельях метро, потребовали капитуляции, фашистские офицеры заперли их и пустили в подземелье воду.

В двухстах метрах дымится рейхстаг. Над ним уже реет советское Знамя Победы. Но бой за рейхстаг продолжается. Вместе с кинооператором Романом Карменом мы приближаемся к зданию рейхстага. Это совсем непросто. Вокруг стреляют. Я лихорадочно щёлкаю затвором. Наконец-то у меня на плёнке Знамя Победы! Ещё несколько часов идут бои. Наконец гитлеровцы капитулировали. Победа!

Бегу к Бранденбургским воротам. 6 часов вечера. Надо торопиться. Снимки, исторические снимки, как обещано, должны быть быстро доставлены в Москву, в редакцию «Правды». Из Берлина не выбраться. Все улицы забиты нашими войсками. Но у меня наготове самолёт «ПО-2». С большим трудом добираюсь до него и немедленно лечу с пилотом Иваном Вештаком в штаб фронта. Там знают о важности моей миссии. Уже 7 часов вечера. Звоню командующему фронтом маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, прошу помочь быстрее отправить самолёт со снимками в Москву. Внимательно выслушав и узнав, где я нахожусь, маршал сказал: «Ждите звонка». Через пять минут он лично позвонил: «Все указания о вашей отправке в Москву даны. Счастливого пути!»

На специальном самолёте ровно в 21.00 поднимаюсь в воздух. Плёнка с заветным снимком у меня на груди, под шинелью. Чтобы со мной ни случилось, плёнка должна быть доставлена в редакцию газеты «Правда» 3 мая 1945 года. По указанию командования мне в Януве (Польша) предстояло пересаживаться на ночной бомбардировщик, который должен был доставить меня в Москву. Это потеря времени. Ломаю голову над проблемой, как бы обойтись без пересадки. Лётчик по радио запрашивает у своего командования разрешение лететь в Москву. Ответа нет. Тогда беру всю ответственность полёта на себя и даю указание пилоту, не делая остановки в Януве, лететь в столицу. Лётчик подчиняется.

Дело в том, что тогда каждому лётчику для перелёта через границу Советского Союза ежедневно давали новый пароль. Так как мне самолёт дали только до Янува, лётчик пароля не знал. Пришлось с борта самолёта дать радиogramму в Ставку Верховного Главнокомандующего о том, что везём важный материал о взятии Берлина и просим о пропуске нашего самолёта через границу Советского Союза. Мы надеялись, что приказ зенитным войскам будет дан, пока мы подлетим к границе, но нас взяли в такие шоры, что, как потом выяснилось, наш самолёт получил 62 пробоины. Пришлось болтаться в воздухе, ожидая приказа, ещё полчаса... На высоте почти трёх тысяч метров подлетаем к Наро-Фоминску. Даю последнюю радиogramму: «Настаиваем посадке Центральном аэродроме». Получаем сердитый ответ: «Вас посадят, где указано. Если не подчинитесь, Московская зона ПВО откроет огонь». И всё же разрешили посадку на Центральном аэродроме.

2 часа 38 минут. На аэродроме ждёт машина. Через полчаса уже вхожу в кабинет редактора тов. Пospelова. Подхожу к редактору и торжествен-

но говорю: «Снимок Знамени Победы над рейхстагом в Берлине доставлен!» Трудно передать те минуты. Мы, конечно, все взволнованны, рады. Часы в редакторском кабинете показывают 3 часа 10 минут.

А вскоре я уже держал в руках свежий номер газеты «Правда» от 3 мая 1945 года, в котором были напечатаны приказ Верховного Главнокомандующего о взятии Берлина 2 мая 1945 года и мои снимки: «Знамя Победы над рейхстагом в Берлине», «Митинг танкистов генерала Кривошеина у колонны Победы» и «Пленные немцы через Бранденбургские ворота возвращаются обратно в Берлин».

В 7 часов утра 3 мая мы взяли на борт самолёта несколько тысяч свежих экземпляров «Правды». Бойцы-победители у стен рейхстага читали «Правду» в тот же день. Известие об этом стало сенсацией. Лондонское радио поспешило сообщить, что на улицах Берлина жители читают русскую «Правду», которая якобы была напечатана в Берлине. 4 мая газета «Таймс» опубликовала мои берлинские снимки, переданные по бильдаппарату из Москвы в Лондон. Наш корреспондент ТАСС из Лондона сообщил: в ранних изданиях «Ньюс хроникл», «Дейли телеграф энд морнинг пост» и других газетах на видном месте первых полос напечатаны мои переданные по бильду из Москвы фотографии.

Я, конечно, понимал, что маршал Жуков, давший мне свой самолёт до Янува, очень сердит на меня за самовольный угон самолёта в Москву. Но когда редактор Поспелов сказал мне, что Жуков дал приказ расстрелять меня за это, честно признаюсь, я порядком струсил. И всё-таки я не мог поступить иначе. Народ должен был видеть наше алое Знамя Победы над поверженной столицей врага. Доставка снимка в редакцию была моим журналистским долгом, делом чести. Снимок должен был быть опубликован в день приказа о взятии Берлина. Только так, чего бы это мне ни стоило!

Когда я 3 мая летел в Берлин с газетами на борту, я решил объяснить с Жуковым. Я опасался одного: что арестуют меня раньше, чем я сумею с ним поговорить. Но Жуков принял меня. Я прошёл прямо к столу, за которым он сидел, и положил перед ним газету «Правда» за 3 мая 1945 года с моими снимками. «Чтобы вовремя доставить редакции эти снимки, – начал я объяснять, – мне пришлось нарушить ваш приказ, товарищ маршал». Жуков взял газету, быстро просмотрел её. Его нахмуренное лицо прояснилось. «За свою работу ты достоин звания Героя, – сказал он, – но за то, что угнал самолёт... – Жуков помолчал, посмотрел на меня и, безнадежно махнув рукой, улыбнулся и добавил: – Получишь орден Красной Звезды».

Почему доверяю этому объяснению и не доверяю остальным? Да потому, что в легендах всё сводится к инициативе пусть талантливого, пусть пронырливого, инициативного фотомастера. Не нашлось бы его, значит, не было бы снимка со Знаменем Победы над рейхстагом.

Могло и так случиться? Да ни при каких обстоятельствах!

Четыре с лишним года страна ждала победного дня и часа. Сотни дней и ночей наши войска сначала пятились до Сталинграда, а потом, теряя лучших своих сыновей и дочерей, нащупывали вражескую границу.

Несколько лет мы уговаривали союзников открыть второй фронт. Несколько лет мы утверждали: «Наше дело правое, победа будет за нами!» И вдруг не известить мир доброй фотографией о нашей исторической победе? Да вы что?

Мы знаем щепетильное отношение Сталина к любому нашему успеху. И вдруг Сталин ни с того ни с сего машет рукой: мол, и без фотографии обойдёмся? Трудно допустить, чтобы о том, как и когда сообщить о падении

рейхстага, не задумывалась даже не редакция «Правды», а Ставка Верховного главнокомандования. И потому, что задумывалась, пересылка фотографии в редакцию прошла без сучка без задоринки. И о событиях 2 мая 1945 года в Берлине опубликована не одна фотография Виктора Тёмина, а три. Да и вариантов фотографий с рейхстагом, судя по всему, было несколько. Именно такая канва событий, как мне представляется, ближе к истине.

Есть ещё один рой легенд – о том, как Тёмину удалось запечатлеть подписание на линкоре «Миссури» Акта безоговорочной капитуляции Японии. Касаться их нет смысла. Лучше опереться на свидетельства самого фотомастера.

«...Запечатлеть это событие 2 сентября 1945 года прибыло около 200 корреспондентов различных стран мира. Всем указали места для съёмок. Советских журналистов поставили в 70 метрах от стола, где будет подписываться акт о капитуляции.

Я пришёл в отчаяние. Телеобъектива у меня не было. А это значит, что съёмка обречена на провал. Многие наши журналисты выражали своё неудовольствие таким местом расположения, но продолжали оставаться на своих местах. Передо мной стояла проблема. Если я не сфотографирую капитуляцию, газеты вынуждены будут печатать снимки английских или американских агентств. Этого нельзя было допустить. Нужно искать выход. Но чтобы подобраться поближе к столу, заняв выгодную позицию для съёмки, нужно пройти три цепи охраны американских солдат. Приблизившись вплотную к молодому парню из охраны первой цепи, я решительно протянул ему зажатую в руке банку чёрной икры. Он улыбнулся и сказал: «О'кей», затем негромко окликнул товарища из второго кольца оцепления, показал банку и кивнул в мою сторону – «О'кей».

Лучшее место для съёмки занимали корреспондент и кинооператор одного из американских агентств. Специально для них у борта была сделана специальная площадка. Я сразу оценил место и поднялся на площадку. Сначала меня встретили недоброжелательно, но скоро мы уже хлопали друг друга по плечам, как старые друзья. Этому способствовал запас в моих карманах и сумке банок с чёрной икрой и московской водки, часть которых я тут же выложил, предложив распить за нашу победу после съёмки, что и было с восторгом принято. Нашу оживлённую беседу прервали два американских офицера: «Прошу вас удалиться на места, отведённые советским журналистам... Это место закуплено американскими агентствами, они уплатили 10 000 долларов, и если вы немедленно не уберётесь отсюда, то будете выброшены охраной». Я был возмущён. Что делать?

В это время к столу, где будет подписываться акт о капитуляции, мимо меня прошли представители союзных стран. Я увидел, что на борт поднимается делегация Советского Союза, которую возглавляет прекрасно знающий меня генерал-лейтенант Кузьма Николаевич Деревянко. Я прорываюсь сквозь цепь охраны и бегу ему навстречу. Пристраиваюсь и, шагая рядом, шепчу: «Мне не дают места для съёмки...» Деревянко, не оборачиваясь, тихо говорит: «Следуйте за мной». И я шагаю по палубе с делегацией Советского Союза. Офицеры идут сзади, не упуская меня из виду. Навстречу Деревянко выходит глава американской делегации Макартур. Деревянко представляет советскую делегацию. «А это – специальный фотограф Сталина Виктор Тёмин, – говорит Деревянко. – Где вы хотите стать для съёмки?» – обращается он ко мне. «Здесь», – уверенно говорю я и показываю на площадку, где расположились американские коллеги. «Надеюсь, вы не возражаете?» – обращается Деревянко к Макартуру. «О'кей!» – отвечает тот и взмахом

руки как бы отсекает от меня следующих по пятам за мной двух офицеров. Я смотрю на них торжествующе. Они отдают честь и уходят. А я забираюсь на подмости и становлюсь напротив стола, где будет подписываться капитуляция. Я доволен: у меня всем точкам точка.

Никому из наших корреспондентов, как я и предполагал, снять это событие с той позиции, на которую их поставили, к сожалению, не удалось. Николай Петров снимал с помощью телеобъектива, но остался доволен снимком. Мой снимок напечатала «Правда». Редколлегия отметила мою находчивость, оперативность. Правительство наградило орденом Красной Звезды. Снимок хвалили мои коллеги. Я радовался, потому что это был последний снимок войны».

Имя орденоносца, заслуженного работника культуры РСФСР Тёмина принадлежит истории. Истории Великой Отечественной войны. Не хотелось бы, чтобы это доброе имя фотохудожника заслонило очередной рой легенд и домыслов, чтобы кто-то имел основание небрежно бросить: «Ах, это тот, кого чуть не расстрелял Жуков?»

Мне, конечно, далековато до Тёмина, с которым познакомила Казань. Я фотолюбитель. Но каждый день, выходя из дома с фотоаппаратом, снабжённым полуметровым объективом, я счастлив хотя бы тем, что дышу его воздухом.

Пьянящим воздухом творчества.

Глава девятая

Мне довелось общаться с дважды Героем Советского Союза лётчиком-космонавтом СССР Анатолием Филипченко. Шестнадцатилетним парёнком, освоившим специальность слесаря и работавшим на разбомблённом фашистами машиноремонтном заводе, он поступил в Воронежскую спецшколу Военно-воздушных сил. Вопреки названию, школу, возвратившуюся из эвакуации, разместили в полуразрушенном здании в пригороде Липецка: в Воронеже даже такого строения для неё не нашлось.

Война была в самом разгаре. Не хватало всего. Учебная часть поощряла отличников тем, что выдавала по 20 тетрадей, разрешала брать из библиотеки полный комплект учебников, предоставляла право пользоваться всем фондом литературы в школьной библиотеке в любое время её работы, не ограничивала отличникам время подготовки к урокам часами самоподготовки. Но и в этих условиях, рассказывал он, в спецшколе преподавали бальные танцы. Середина двадцатого века, далеко позади революция, а ребят учат танцам царского времени. На вечерах лихо отплясывали польку, чардаш, падеграс, паде-спань, па-де-катр, мазурку. Страна не скупилась на то, чтобы будущие офицеры (о космонавтах тогда речь не шла) были людьми всесторонне развитыми, способными при необходимости пригласить на танец даже королеву.

Поинтересовался у Анатолия Васильевича, не довелось ли с королевой отплясать польку.

– Конечно, довелось. Да ещё с какой королевой – с будущей женой! – вполне серьёзно ответил космонавт.

Мои знакомые тоже удивились, узнав, что штудировали мы в университете. Экономика промышленности и сельского хозяйства переплеталась с историей музыки и театра, история народов Поволжья – с историей живописи и эстетикой и ещё многим из того, что, на первый взгляд, вовсе не обязательно. И мы благодарны университету, Казани за то, что нам дали возможность хотя бы слегка прикоснуться к этим предметам.

Потому что мы, студенты, не были детьми Арбата. Имею в виду не только своих сокурсников. Владислав Фронин, выходец из Ульяновской губернии, более двух десятков лет отдавший редактированию «Комсомольской правды» и «Российской газеты», шёл на два курса позже меня. Вот цитата из его интервью:

«Я жил в деревне Крестово-Городище на берегу Волги вместе с бабушкой, там же пошёл и в первый класс. Бабушка была слепой и преподавала систему Брайля: ездила по деревням к таким же незрячим и учила их читать по точкам. Обычный был мальчишка, но имел, как и все деревенские, достаточно забот. Ещё на велосипеде гонял на почту и привозил бабушке оттуда книги, которые высылала областная библиотека из Ульяновска – «Жизнь Клима Самгина», скажем, умещалась в 36 толстых томах... Электричества летом не было, да и зимой его регулярно отключали. Но когда дом погружался в темноту, бабушка читала мне, ещё совсем маленькому, того же Драйзера... Была, правда, ещё радиоточка – на этом связь с большим миром заканчивалась.

Вокруг нас жили замечательные люди! Мне кажется, отношения с ними и между ними – это и есть та основа, на которой формируется человек. У бабушки были пенсия 45 рублей и огород 25 соток. Нам, мальцу и ей, надо было его вспахать, засеять, убрать и сохранить в погребе картошку. А потом я продавал её в Ульяновске на рынке – по десять копеек за кило. Как я радовался этим деньгам!

Распутинские «Уроки французского» – это всё из жизни... Да, мы жили небогато, зато у нас был сосед, дядя Вася-фронтовик. Он пахал свой огород, а заодно и наш. А другой дед возил воду в больницу и, видя на нашем крыльце пустые вёдра, наполнял их водой – без всяких просьб. Чтобы не надо было бежать к колонке. И в банный день соседи пускали в баню».

Так жили все – помогая друг другу. Просто и естественно. Разве это можно забыть? Меня подмывает процитировать биографии других именитых выпускников университета, моих ровесников, но, думаю, в этом нет нужды. Потому что если не все, то абсолютное большинство из нас были детьми сельских улиц и переулков провинциальных городков, той среды, в которой, сельтору Фронина, увидев обросшего ученика, директор просто выстригал у него поперёк головы бороздку, а там уж родители дома исправляли ситуацию.

Этика или эстетика, история музыки или театра в наши дома заглядывали редко, если заглядывали вообще. А тут им отводили целые семестры. Здорово!

Говорят: образование – то, что остаётся после окончания вуза. Не буду абсолютизировать эту формулу. Вспоминаю маленькую историю, которая случилась во время зачёта по серебряному веку русской литературы. Лекции читал молодой преподаватель, и слушали мы его затаив дыхание: о многих поэтах этого периода мы либо знали кое-что, либо не знали ничего. Даже Есенина, Блока, Бальмонта, Северянина открывали как бы заново. И вот зачёт. Очередь демонстрировать знания подошла к однокурснице, девушке с комплексами школьной отличницы. Подводило одно: маленькая, щупленькая, как воробышек, она предпочитала туфли на высоченных каблуках и ходила поэтому, вся подавшись вперёд, сутулясь. К тому же злоупотребляла помадой, пудрой и прочими дамскими «освежителями молодости».

Мы подтрунивали над ней, но без её аккуратных конспектов иной раз не обходились. Поэтому считали, что проблем с зачётом у неё не будет.

И вот эта всезнающая наша спасительница молчит.

- Почему вы молчите, девушка? – удивляется преподаватель.
- Я текст забыла, – будто первоклассница, отвечает она.
- Могу помочь? – интересуется экзаменатор.
- Назовите страницу учебника, где ответ на вопрос.

Преподаватель, улыбаясь, достаёт учебник и называет номер страницы.

И моя однокурсница оживилась. Она не пересказывала содержание главы. Она знала её вплоть до каждой запятой. Может, для неё это и есть образование, может, она будет помнить этот раздел всю жизнь. И всё-таки мне кажется, что её усердие, как и моё абитуриентское усердие по механическому заучиванию «Горя от ума» – зубрёжка, начётничество.

Давно заметил: в памяти остаётся только то, что легло на душу. Поэтому я бы сказал так: образование – это воспитание.

Воспитание чувств.

Да, именно так.

На лекциях по истории живописи преподаватель часто обращал внимание на художников, имевших казанские корни. Меня зацепила необычная судьба Николая Фешина. Его имя услышал впервые, а запомнил потому, что, оказывается, Фешин был учеником Ильи Репина, истоки творчества которого восходят к росписи церкви недалеко от тех мест, где я родился. Но только тогда, когда побывал в Казанском художественном музее, убедился: мой художник.

В особняке, где разместился музей, в начале прошлого века была резиденция командующего полками Казанского округа генерала Сандецкого. Имя генерала овеяно историями, одна невероятней другой. Советскую власть Сандецкий не принял, во время ареста и допросов вёл себя вызывающе и, когда его поставили к стенке, якобы сам построил роту солдат и скомандовал: «Пли!»

Рассказывают, что «породистость» особняка и именитость его владельца натолкнули одного из студентов университета на необычный поступок. Он устроился в музей ночным сторожем, но зарплата интересовала его в последнюю очередь. Потому что решил: в здании должны быть припрятаны сокровища. Студент раздобыл план особняка и начал его исследовать. Судьба, казалось бы, улыбнулась кладоискателю: он обнаружил в плане маленькую комнату.

Разбирая по ночам кладку, сторож проник в действительно существовавшее помещенье, но удача лукаво подмигнула кладоискателю и испарилась: кроме пустых штофов, маленького письменного стола и стула, чернильницы в виде пушки-единорога с прикипевшим пером-шомполом и именного револьвера с единственной пулей в барабане, в комнате ничего не оказалось. Лежащий на полу скомканный листок оказался предсмертной запиской генерала, в которой он просил не трогать семью и указал место, где хранятся ценности. Генерала, утверждают, арестовали так стремительно, что револьвером он воспользоваться не успел.

История и в самом деле увлекательная. Но кажется мне, что она тоже из разряда легенд. Если бы генерала арестовали в этой комнате, то вряд ли в ней остались и револьвер, и предсмертная записка. А какой смысл был в том, чтобы замуровывать помещенье со всем его содержимым в более поздние времена?

В отличие от сторожа-студента, я кладоискательством не занимался. Но именно в музее при первом его посещении сразу же нашёл клад – в виде работ известных мастеров. И наиболее неожиданными находками оказались картины Николая Фешина. Они заставляют трепетать душу благодаря стрем-

лению художника запечатлеть не историю жизни, а её летучие мгновения. Это может быть улыбка, взгляд, поза – всё, что живёт только миг и исчезает безвозвратно. Сложилось впечатление, что, уловив трепетное, ускользающее мгновение, художник считал свою задачу выполненной и поэтому не всегда стремился придать полотну законченный вид – как, впрочем, все экспрессионисты. Резкие, нетерпеливые, размашистые мазки создавали настроение и тем, что само полотно выглядело вздыбившимся, напружиненным, колючим.

Иногда беру альбом с репродукциями картин Фешина, вглядываюсь в его «Обливание» и вспоминаю летние деревенские дни. Колодец был местом встреч кумушек, подруг, влюблённых. Сойдутся то ли случайно, невзначай, то ли преднамеренно договорившись. Налют вёдра воды и, подцепив их коромыслами, стоят, изливая душу и почему-то держа эти коромысла с переполненными водой вёдрами на плече.

Смотришь и чувствуешь, что это нас, зрителей, окатили из ведра, и мы, охнув от неожиданности и выгнувшись хворостиной, как девчонка на картине, стоим, онемев одновременно от ужаса и трепетного восторга от облегчающего зной омовения ледяной водой.

Живопись Фешина лишена рассудочности, потому что адресована чувству. А письменное завещание эмигрировавшего в США живописца адресовано, наоборот, нашему разуму: «Я часто думаю о прожитом и прихожу к заключению, что люди не должны покидать своей страны. Весь духовный фундамент человека закладывается с самого детства и растёт вместе с окружающим до самого конца. В чужой стране он существует только физически, находясь в постоянном одиночестве». А ещё ценю художника за то, что, уехав из страны по мировоззренческим соображениям, он остался верен родной земле. Мастер просил похоронить его в Казани. Спустя годы дочь Фешина выполнила его волю.

Казань, волжские просторы явили миру другого живописца – Константина Васильева.

Впервые услышал это имя от журналистов. Я вознамерился покорить достаточно серьёзную для местного культурного ландшафта вершину – журнал «Чаян». Начать восхождение решил безо всякой подготовки и тренировки. Заразительные примеры были. Один однокурсник, едва получив студенческий билет, успел прославиться на всю страну юмореской, прочитанной в передаче Всесоюзного радио «С добрым утром». Другой закрепился на близлежащей к Олимпу поэтической высотке. На правах рано состоявшегося поэта он донимал местное отделение Литературного фонда просьбами о поддержке. Не творческой, естественно, материальной. Правда, и тот, и другой не выдержали неожиданно свалившейся на них славы и сошли со студенческого марафона, едва стартовав.

Слухи об их успехах больше не доходили. Наверное, ребята были действительно одарёнными. Но мне кажется, что учиться, расти можно тогда, когда ты, будто поднимаясь на цыпочки, тянешься за кем-то или за чем-то.

Я – тянулся. Я решил покорять «Чаян» «подручным материалом» – небольшими юморесками из сельской жизни. Пришёл раз, другой, третий. Однако в журнале мой пыл быстро охладили, указав на очевидные огрехи юмористического жанра в моём исполнении.

Однажды пришёл в редакцию с очередной юмореской. Сотрудник, который учил меня уму-разуму, был занят, и я коротал время, просматривая старые подшивки журнала. Внимание привлекла неприятная карикатура. Кучка людей «не нашего» обличия сгрудилась у ставшего на ребро, под-

боченившегося доллара и подобострастно кланялась ему, а в стороне стояла на облаке растерянный одинокий Всевышний, который оказался лишним в этой компании.

– Не ново, но любопытно, – поделился я с журналистом.

Он коротко бросил:

– Это Васильев. Слышал о таком? Способный парень!

Подружиться с «Чаяном» так и не удалось. В архиве остались короткие рецензии на мои юмористические труды. Зато благодаря журналу подружился с творчеством Константина Васильева. Помню первую выставку его работ в Зеленодольске. Тогда, в конце 60-х годов, у него ещё не было многих ныне известных полотен, но уже тогда чувствовалась его одарённость. Особенно легли на душу портреты композиторов-классиков. Скупыми художественными средствами живописец выразил и характеры его героев, и кредо их творчества. Перун Бах... Мефистофель Вагнер... Певец надежды Бетховен... Мечтатель Моцарт... Чародей Шопен... Врачеватель душ Чайковский... Но уже тогда раздавались голоса, отказывающие художнику, окончившему, как и Николай Фешин, Казанское художественное училище, в таланте.

Наверное, не только я заметил в оценке творчества отечественных писателей, поэтов, кинематографистов одну особенность, идущую с давних времён. Листаю альбом репродукций картин Васнецова, представляю себе выставочный зал, зрителей, переходящих от полотна к полотну. Вот шествует надменный, с залысинами и аккуратно подстриженной бородой Иван Аксаков. Бросил сквозь очки взгляд на «Алёнушку» и с негодованием отвернулся, отметив для себя, что лубочная картина ничего общего с искусством не имеет, её безобразие до такой степени очевидно, что доказывать его совершенно излишне. Вот язвительная усмешка исказила лицо критика Сергея Маковского, обнаружившего в картинах Васнецова плохого живописца, беспомощного рисовальщика и очень условного колориста. Вот преподаватель художника Павел Чистяков, воспитавший плеяду выдающихся отечественных живописцев. Да, думает, был у меня один настоящий ученик, Виктор Васнецов, да вот не допёлся. И это об авторе «Алёнушки», «Богатырей», «Витязя на распутье» и других полотен, олицетворяющих вершину мировой живописи!

Что-то похуже происходило и происходит с творчеством Васильева. Когда его звезда только возшла на художественном небосклоне, на выставке в Москве было не пробиться. Третьяковская галерея время от времени устраивает вернисажи знаменитых живописцев, привлекающие толпы народа. Но даже они не идут ни в какое сравнение с тем ажиотажем, который вызывали у столичной публики выставки Васильева. Москвичи и приезжие стояли в очередях по пять-шесть часов, чтобы увидеть его картины. Но были и есть критики. Время от времени слышится их едкий газетный шепоток: нет-нет, не художник; смотрите, у него не лица, а иконы, маски; чего тут рассуждать – беспомощный рисовальщик и очень условный колорист.

И они, эти мнения, оттого, думаю, что Васильев продолжил Васнецова. Посмотрите на картину любимого мной художника Крамского «Неизвестная». Прекрасная картина! А теперь задайтесь вопросом, кто на ней изображён. Да кто угодно: французенка, полька, чешка, шведка... А кто изображён на картине почитаемого Валентина Серова «Девочка с персиками»? Тоже кто угодно. А кто герои полотен Васнецова? Все скажут: наших кровей, русичи. Кто по большей части герои полотен Васильева? Уверен: ответ будет таким же.

Только Васнецов зачастую брал героев из сказок и былин и «вписывал», «вдавливал», «вштамповывал» их в жизнь, находя веские для этого осно-

вания. Не он открыл тему народа, говоря суконным языком. Но на многих полотнах талантливых живописцев этот народ «подавался», как правило, забитым, униженным, холопствующим, вызывающим сочувствие, сострадание.

Васнецов ушёл от изображения холопов. Он пробуждал в человеке человеческое не состраданием – гордостью за его внутренние силы. Он будто воскресил былинных защитников Древней Руси – Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алёшу Поповича – и стремился на пороге XX века связать воедино героическое прошлое нашего народа с его великим будущим.

На этот путь ступил и Васильев. Кажется мне только, что Васнецов шёл от былин и сказок к жизни, а Васильев пытался приподнять жизнь до эпоса. Потому, может быть, у многих его героев и лица как у символов – иконообразны. Пишу «пытался» потому, что слишком рано ушёл художник и слишком много осталось нереализованным. Одно очевидно: он поднял на былинную высоту человеческое в наших соотечественниках. Это богатыри по духу, готовые на подвиг. И кажется мне: господствующие в большинстве полотен ало-жёлтые тона – призыв к нам, ныне живущим, не пасовать, не паниковать во время, когда вокруг страны гуляют недобрые тучи.

Глава десятая

Несколько лет кряду на военной кафедре университета из нас раз в неделю настойчиво лепили командиров мотострелковых взводов. Кто-то решил, что мы, журналисты, филологи и историки, наиболее подходящий материал для этой лепки. Начальник кафедры, полковник, походивший на офицера царской армии выправкой и седой, клинышком, бородкой, построив нас, курсантов, в две шеренги, спрашивал:

– Что такое скульптура? Это глыба гранита, у которой отсекали всё лишнее. Что такое офицер? Это похожая на бесформенную глыбу гражданская личность, у которой тоже надо отсечь всё лишнее. Отсечём!

Кто-то из шеренги:

– Голову тоже?

– Отставить. Можете не беспокоиться: у вас отсекал нечего. Вижу, вы уже всадник без головы.

В день, когда нам отсекали всё лишнее, у наших однокурсниц не было занятий вообще. Таким образом, мы, потенциальные защитники Отечества, уже защищали от лишних нагрузок лучшую половину нашего курса – девицью гвардию. Провожая на занятия, они не плакали, как Ярославна, но ехидничали словами из популярной песни:

– Служите, мы вас, может, подождём.

– Не подождёте – пожалеете, когда станем генералами.

– Если обещаете стать маршалами – точно подождём!

На кафедре нас одевали в солдатскую форму, и целый день мы штудировали устройство автомата и пистолета, гранатомёта и гранат, грузовой машины и бронетранспортёра. Мы учились пользоваться топографическими картами, компасом и многими другими премудростями, необходимыми командиру мотострелков. Мне почему-то особенно запомнился маленький приборчик для определения расстояния на карте, который называется курвиметром. Может быть, потому, что одного из дотошных офицеров-преподавателей мы за глаза называли именно так – Курвиметр.

После четвёртого курса летом нас вывезли под Казань на лагерные сборы. Позже выяснилось, что сюда прибыли будущие командиры из многих

высших учебных заведений Поволжья. По вечерам то здесь, то там слышались заливчатские песни марширующих рот. Одни хором уговаривали не плакать девчонок. Другие призывали радоваться предстоящей дальней дороге (веселей, солдат, гляди!). Третьи гордились часовыми родины – тремя танкистами экипажа машины боевой. Пела, разумеется, и наша рота, но как-то не в лад, без энтузиазма и молодого задора. Потому что наш куратор, подполковник, отклонил все претензии на современные солдатские страдания про девчонок и приказал выучить и запевать песню его молодости «Дальневосточная – опора прочная...». Только этим – вышедшей из армейской моды песенкой – наша рота и отличалась.

Военный городок располагался в живописной местности. Небольшие перелески перетекали один в другой, образуя хоровод рощ и полян. Лагерь был спланирован продуманно. На бетонные фундаменты, которые, говорят, построили в тридцатые годы, мы натянули палатки цвета хаки, внутри из досок соорудили лежанки, поверх которых бросили матрасы – и жильё для учебного отделения в одиннадцать человек было готово.

Служили мы как в регулярных войсках. Нам, курсантам, выдали бельё и обмундирование, установили банные дни. Правда, вода в бане – огромном деревянном дырявом помещении – была чуть тёпленькой, цинковые тазы – покореженными и ржавыми, но на эти мелочи никто внимания не обращал. После дневных строевых и вводных, после обустройства окопов во весь рост рады были освежиться даже ледяной водой.

Мы несли караульную службу и ходили в наряды. Мы стреляли из автоматов, пистолетов и гранатомётов, бросали настоящие гранаты. Не обходилось без происшествий. Однокурсник, намереваясь отправить боевую гранату в яму, имитирующую окоп, так растерялся, что не смог удержать снаряд в руках, и он, уже без чеки, плюхнулся у ног. Несчастья не случилось: командир роты, кадровый военный, капитан, успел подскочить к горе-курсанту и ногой направил гранату в окоп. Раздался ленивый хлопок. Из окопа выглянул серый дымок и тут же растаял. Может быть, потому, что всё обошлось, о происшествии тут же забыли, хотя теоретически знали, что с наступательной гранатой РГ-42 лучше не шутить. Занятия продолжились как ни в чём не бывало.

И всё-таки лагерные сборы для нас были больше игрой, нежели службой. Отцы-командиры, за исключением командира роты, были в возрасте, который не обещал новых должностей и звёзд на погоны. Они, конечно, не могли бросить служебные вожжи совсем, но особо и не усердствовали, опьянённые свежим воздухом и запахами июльского разнотравья. Наш куратор, подполковник, был большой специалист по теме «Рота в обороне». Он выводил нас в лес и оставлял на глухой поляне, предварительно, на всякий случай, выставив на тропинке часового. В лесу, в укромном местечке, куратор раздевался до длинных, в полоску, семейных трусов и с удовольствием принимал солнечные ванны. Тем же занимались и мы, прижав нагретые автоматы к телу. Курсант спит – служба идёт. Но идти она может только тогда, когда твоё оружие рядом, как любимая. Это мы усвоили прочно.

Так и катилась наша служба по наезженной колее. Близился «дембель». И вот тут-то роту поджидало одно нешуточное испытание: неожиданный пятидесятикилометровый марш-бросок.

По тревоге нас подняли часов в пять утра. Мы выскакивали из палаток всклокоченные, кое-как одетые, на ходу приводя себя в порядок. Тревогу объявляли и раньше. Отцы-командиры обходили строй, шутя комментировали наш непарадный вид, и этими комментариями всё заканчивалось.

Но теперь удача отвернулась от роты. Выходило, что ожидает нас дорога дальняя, что отправиться в путь мы должны с автоматами, противогазами, шинельными скатками, с сапёрными лопатами и подсумками с патронами. Иначе говоря, с полной боевой выкладкой.

Отправились, на ходу досыпая, то и дело наступая впереди идущему на пятки. Едва вышли из лагеря, пошёл дождь. Он будто поджидал нашего марша и шёл не переставая до глубокой ночи.

Дождь был для нас благом. На сборах нам выдали кирзовые сапоги. Редко кому достались кирзачи по ноге. Как правило, они были на размер, а то и на два больше. Ногу надо было сначала спеленать портянкой, похожей на вафельное полотенце, а потом просунуть в раструб сапога. Орудовать портянкой мы не научились, не придавая этому искусству значения. Подполковник и на своей большой, бело-синей, костлявой, с шишковатыми пальцами ноге показывал, как сделать, чтобы нога в портянке походила на куколку, и на изгибающемся в виде ступни полене – всё напрасно. Ноги в портянках ходили не на коконы, а на растерзанные коршуном существа.

– Мать-перемать, – злился подполковник, – интеллигенция гнилая! Высшее образование в кармане, а ноги портянками обернуть не умеют. Это вам не на свидание к девкам бегать. Это армия!

Почему высшее гуманитарное образование должно было автоматически научить нас умело пользоваться портянками, мы не знали. Но что в такой обуви далеко не уйдёшь, понимали. Но и только.

Не пойдя дождь, рота уже на первых километрах встала бы, набив кровавые мозоли. Потоки воды размягчили ссохшиеся кирзачи и портянки. Наверное, поэтому никто к концу марш-броска не вышел из строя.

Но дождь был и наказанием. Шинели, собранные в скатки, впитывали влагу, как вата. Скатки набухли и вскоре стали неподъёмно-свинцовыми. Добро бы, если бы мы шли просто так. Ротный, в гимнастёрке и бриджах, в хромовых надраенных сапогах, в офицерской фуражке с подведённым под подбородок ремешком, видимо, решил нам показать, почём фунт курсантского лиха. По его командам рота то рассыпалась цепью и залегала, имитируя отражение противника, то, маскируясь, ползла по почти болотистой местности, то вновь собиралась в колонну и продолжала марш.

Хорошо сказать – рассыпалась, собиралась... Но если твоё место в третьем отделении третьего взвода и ты явно не Гулливер, то тебе надо было дополнительно пробежать туда-сюда тройку километров. Три-четыре раза сбегал, и всё – ты в отстое. А ещё по команде: «Газы!» – в считанные секунды ты должен был напялить на лицо липкий, непослушный противогаз и в ускоренном темпе преодолевать заражённую местность. Бежишь и чувствуешь, как воробышком колотится, подступая к горлу, сердце. Пот заливает глаза. Дышать нечем. Рука непроизвольно тянется к противогазу, чтобы сорвать его с лица немедленно. И в самую последнюю секунду раздаётся команда: «Отбой!». Только тогда понимаешь, какое это счастье – идти ротной колонной просто так, без противогаза и без приказа рассыпаться цепью. Блаженство!

Я военным не стал. Но вспоминаю тот пятидесятикилометровый марш-бросок с особым благоговением, как человек хоть однажды реально преодолевший себя.

Глава одиннадцатая

Поездки студентов «на картошку» сейчас относят к разряду образования «совкового» периода. Лично меня «картошка» не напрягала. Напротив, считал и считаю её обязательной формой образования. Такой же, как производственная практика.

В школе нам часто говорили о Волге, называя её великой русской рекой, измеряя эту великость кубометрами и километрами. Кубометры и километры впечатляли. В нашей округе рек не было вообще. Весна заводила себе на потеху в логах и балках ручейки, чтобы было с кем поиграть. Дня три-четыре ручейки бурлили, потом мурлыкали, как котята, а потом от них оставались грязные лужицы, в которых любили принимать ванную воробьи. Но и лужицы быстро пересыхали, оставляя взявшуюся рыбьими чешуйками серую землю.

А ближайшая речушка была в километрах двадцати. Открыл её в десятом классе. На школьной машине послали за песком. Называлась речка ласково – Потудань. Но, хотя я и видел настоящую реку в первый раз, впечатления особого не произвела: её ширина сводилась к метрам, а кое-где – пожалуй, и к сантиметрам. Тот же ручей, только с ленивой водой, спрятавшейся в зарослях камыша.

Иное дело – Волга. Впервые увидел её, направляясь в Казань на вступительные экзамены. Поезд будто специально замедлил ход, въезжая на мост, чтобы я лучше рассмотрел водную гладь в оправе кудрявых берегов. Было погожее утро. Солнце повисло над рекой. Вместе со мной, приникшим к окну вагона, оно любовалось её мощью и статью. Невдалеке от моста на синей воде резвилась стая спортивных яхт, приветствовавших большими разноцветными парусами нас, пассажиров.

«Так-так, так-таки-так», – торжественно перебирает колёсами поезд. «Так-так, так-так», – весело стучит моё сердце.

А поезд всё идёт и идёт. А паруса рано пробудившихся яхт приветливо желают доброго утра. И мне кажется, что у Волги нет берегов.

Судёнышко, изрядно обтёршееся во время швартовок, было с норовом. Раза два-три оно опробовало свой хрипловатый голос и топталось у причала, как привязанный к забору конь. Ну что ж, это тоже корабль! Не корыто же. Пассажирский салон мало чем отличался от пригородной электрички. Я выбрал местечко подальше от двери, чтобы не раздражали глухие её хлопки, и поближе к окну, чтобы наблюдать за рекой. По двое, по трое подходили однокурсники. Так, разбившись на пары и на тройки, мы бы иплыли, наверное, до пристани с непонятным названием Дербёшка, если бы не семейная пара, поднявшаяся в самый последний момент.

Вид у неё был необычный. У широкоплечего плотного мужчины вместо правой ноги по колено деревянный протез. Нога с протезом была меньше левой ноги, и от этого мужчину слегка перекашивало. Через плечо переброшены две связанные красной тесёмкой туго набитые брезентовые сумки. Женщина правой рукой поддерживала спутника за локоть. А левый рукав белой кофты был пуст. Она засунула обшлаг в карман шерстяного джемпера, и сквознячок слегка поколыхивал пустой рукав.

– Ну, слава Богу! Теперь, считай, на месте, – вздохнула облегчённо женщина, осторожно освобождая супруга от неудобной поклажи и бережно опуская её на пол: – Теперь уж точно скоро будем у сына. Погостюем в кои-то веки...

В это время обслуга кораблика засуетилась, что-то закрывая и прикрывая, и он, вздрогнув всем корпусом, медленно отошёл от причала. Женщина огляделась и обратилась ко мне:

– Сынок, рядом свободно?

– Устраивайтесь, не буду мешать, – сказал я.

Супружеская чета распотрошила сумки и увлечённо рассматривала содержимое – обновки, купленные в Казани. В основном детские вещи. Попутчики с первозданной непосредственностью любовались крохотными пинетками, яркими носочками и платящими.

– Как думаешь, сынок, носить будут? – любопытствовала женщина, держа на ладони, как драгоценность, тёмно-красную с синими цветочками сандалию, похожую на крупную бабочку.

– Красивые, – одобрил я покупку, – как не носить подарок от любимой бабушки?!

– Детям ничего не досталось, так хоть внуков побалуем, – сказала женщина, продолжая рассматривать на вытянутой ладони сандалию. – Пусть добрым словом вспоминают деда с бабой.

– А почему не досталось? – удивился я. – Вроде не бедствуем.

– Военной поры они, – с готовностью ответила собеседница. – Марией Ивановной меня зовут, – как бы укорила она меня за стремление вступить в разговор, не познакомившись. – Тётя Маша.

Я заметил, что в дороге люди легко сходятся. Видать, оттого, что не тяготит ни прошлое, ни будущее. Пооткровенничали и разошлись, уверенные в том, что откровенность с попутчиками позже не обернётся неприятностями. Тётя Маша и на этом фоне смотрелась по-особому. Не могу сказать, чем – доверительным ли тоном, мягким, обволакивающим грудным голосом, всем видом аккуратной, обстоятельной деревенской женщины, ненаигранной непосредственностью – она располагала к общению.

Мария Ивановна между тем продолжила:

– Мы с дедом ранние пташки были. По 19 стукнуло, а мы уже поженились. В 38-м году одна дочка появилась, в 39-м – другая. А тут его в армию призывают. Думали на год-два, а оказалось – на четыре года расстались. Война, будь она неладна. Война, деточка...

Разговаривая, тётя Маша пыталась по привычке жестиковать. Левая рука то ложилась на грудь, то поправляла, прихорашивала тронутые сединой вьющиеся волосы, то вытирала платочком благородное, будто с иконы, лицо. Другой рукав лишь чуть-чуть всколыхивала какая-то неведомая сила.

– У родителей, саратовцев, нас было трое. Три дочери-погодки. Я старшая. На четвёртый день, как война началась, говорит батя: собирайтесь, девки, в военкомат, все на фронт пойдём. Сказал как отрезал: все на фронт пойдём. Матушка, царство ей небесное, в слёзы. Одумайся, старый, у неё двое детей, на кого их оставить? А тот: а на кого оставим страну? Ежели что – государство воспитает. Да мы долго не задержимся, месяца через три домой жди.

В военкомате батя в самокритику ударился. Так и так, мужик я никакой. Настрогал одних девок. Но война есть война. И меня записывайте на фронт, и мой девичий батальон, хорохорился он. Всех записали, а вот мне пришлось пороги пообивать – еле-еле уговорила. Оказался батя под Ленинградом. Там и сгинул. Одна сестра, зенитчица, в Сталинграде упокоилась, танки немецкие прямой наводкой выбивала. Другая, бедовая, регулировщицей была. До Берлина дошла. Домой возвращаясь, заглянула в Прагу. И не стало моей сестры.

Одной мне повезло: к концу 42-го года уже дома хозяйничала. Правда, без руки. Направили меня на курсы санинструкторов, а оттуда на фронт. Летом 42-го прижали наш батальон немцы, вернее, мадьяры, под Воронежем. Отбивались чем могли. Помню, бежит на меня розовощёкий мадьяр. Кабан-кабаном. Стреляю – мимо. Стреляю – мимо. Хорошо, хоть сосед выручил, гранатой сшиб. Мне немецкий автомат достался. Думала, теперь повоюем. А тут миной накрыло... Очнулась – все пластом лежат. Бой далеко укатился. Слышу, кто-то стонет. Оказалось, такая же, как и я, бедолага, только связистка.

Перевязали мы друг друга, огляделись. Направились в ложбину, в лесок. А там деревенька домов в тридцать к косогору притулилась. Набралось нас в том леске человек пятнадцать. Деревенские всем раны обмыли, перевязали, накормили чем бог послал. Но на третий день венгры нагрянули и вновь нас накрыли. Вывели за хуторок, к оврагу, вместе с хуторянами и давай из автоматов поливать. Мы с телефонисткой Надей как стояли вместе, так вместе и упали, держась за руки. Не стовариваясь, упали. Интуитивно, будто от пуля. А сверху на нас народ посыпался как горох. Лежим. Я не отпускаю её руку, чувствую пульс. Значит, живы.

Жара несусветная. Ни повернуться, ни шелохнуться. Думала: все, на этот раз – прощай, белый свет. Обошлось. Кое-как до ночи дотянули. Ночью местные жители, кто в живых остался, пришли за родственниками и нас высвободили из мертвецких объятий, переправили за линию фронта. Благо, он недалеко откатился. Но от жары и грязи рана загноилась, и руку врачи спасти не смогли. Так я дома раньше срока оказалась. Немного погодя муж явился не запылится. На одной ноге. Где ж, спрашиваю, другую ногу-то оставил? С «Катюшей» воевал, у «Катюши» и оставил. А ты где руку позабыла?

Шутим, а самим не до шуток. Инвалиды во цвете лет. На двоих три руки и три ноги. Да ещё дети дичатся. Старшая спрашивала у матушки: бабушка, а кто этот дядя Миша с одной ногой? Не Карабас ли Барабас? Уже большенькие вроде были, но одни с нами в доме не оставались, боялись. Еле-еле признали за мать с отцом. Мы ещё трёх малышей за погибших сестёр на свет народили. Этот народец с двумя руками да ногами одеть, обусть, накормить непросто. А с одной – и подавно. Дед додумался мне сумарек сладить. Приспособились. Ходила с этим сумарьком наподобие кенгуру. Картошку почистить, корову подоить, дров наколоть, пельменей слепить – это его, деда, забота, пока дети не подросли. А где ноги быстрые нужны да язык острый – это моё было.

– Тётя Маша, – говорю, – может, в город податься? Инвалиды войны. Квартиру бы получили...

– В город? – переспросила собеседница. – Расскажу тебе, сынок, историю. В одном краю жил-был царь-государь. Позвал он однажды четырёх сыновей. Дети мои, говорит, хватит вам батюшку сторожить. Поездите по свету, полюбопытствуйте, может, где места лучше наших найдёте? Разъехались они на быстрых конях. Кто на север, кто на юг подался, кто на запад, кто на восток. Через неделю домой возвращаются. В чём дело, спрашивает царь-государь. Не пустили нас в заморские места иноземные стражники, отвечают. Тут подходит к царю-государю его дочка. Отправь меня, говорит, батюшка, в чужедальные места. Я всё разумею. Долго думал царь-государь и согласился. Год проходит, второй минует – нет дочери. Только на третий домой заявила – повзрослевшая, возмужавшая. Всё разведала, батюшка, докладывает. Тот удивляется: мол, как удалось, ведь бра-

тьям твоим на границе от ворот поворот дали. А я, отвечает, превратилась в реченьку и побежала где склоном, где долом, где лугом. Так до самого синего моря добралась. Всё окрест рассмотрела, всех от мала до велика выслушала. И так скажу: лучше нашего края места в мире нет.

Я с этой легендой согласна... Насмотрелась в своё время разных краёв... Может, и получили бы в городе квартиру, – собираясь с мыслями, продолжила тётя Маша, – только недаром говорят: хорошо соловью в клетке, да не то, что на ветке. А город после наших просторов клетка и есть. Нам помогали и помогают. Даже мотоколяску трёхколёсную выделяли. Раза два на ней прокатились. На третий сломалась. Крутили-вертели – не смогли наладить. Куры облюбовали её для гнёзд. Хохлатки даже чаще нестись стали на сиденьях с пружинами.

Подняли мы молодую поросль. Все уже после институтов-техникумов, при должностях. Последнего в университет проводили. А между делом гостинцев внукам и внучкам прикупили. Всё радость.

– Правильно говорю, отец? – спросила она мужа.

– Ты в своём репертуаре, семь грехов в святой день! Как наседка, – густым басом недовольно пророкотал супруг, – будто нас одних война потоптала. Скажи спасибо, что живы остались. Ты вон счетовод, я – кузнец. Дети при деле, внуки при догляде. Нам, инвалидам, щепоть счастья досталась, да какой – жизнь! А многим и на понюшку не пришлось. Расквохталась, семь грехов в святой день...

– Да разве ж я жалуясь и разве ж мы с тобой инвалиды, отец? – встала тётя Маша. – Инвалиды – те, у кого души переломало. А мы с тобой не инвалиды, а грешные праведники. За то, что грешные, судьба покалечила. За то, что праведники – жизнь подарила, детьми-внуками наделила. Жить надо азартно, взахлёб. Правильно я говорю?

– А я говорю, не квохчи, – опять пророкотал муж. – Не квохчи – не наседка, семь грехов в святой день...

– Ладно, ладно, – согласилась тётя Маша, – не сердчай, я ни буквы кривды не сказала. А ты тоже бранными словами не раскидывайся. Заладил своё: семь грехов, семь грехов... Люди подумают, рехнулся, старый. Они не знают твои измерения жизни. По твоим понятиям жизнь человека – святой день, который омрачают грехи. Для каждого православного это гордыня, алчность, зависть, гнев, похоть, чревоугодие, уныние. А у моего рязанского деда, наверное, как у каждого фронтовика, свои главные грехи.

Потом, помолчав, что-то прикидывая, тётя Маша согласилась с супругом:

– А и впрямь расквохталась. Уж и вечерять пора. Давай с нами, мил человек. Глядишь, на пристани сойти сможешь. Куда путь держишь, если не военная тайна?

Я представился студентом-первокурсником, направленным со товарищи «на картошку» в Актанышский район.

– С товарищами, говоришь? Так зови к нам товарищей. В тесноте – не в обиде.

И работа закипела. Я стеснительно выложил на застланную газетами скамью провиант: два плавленных сырка «Дружба» в мятой фольге, банку каспийских килек в томате с овощами и батон хлеба. Однокурсники были побогаче. На импровизированном столе множилось яства: свежие и солёные огурцы и помидоры, курятина, сало, вяленая рыба, картошка в мундире. А украсил стол настоящий деликатес: полукопчёная колбаса золотисто-коричневого цвета с просвечивающимися беловатыми кусочками шпика. Называлась она «одесской» и очень аппетитно, по-домашнему пахла чес-

ноком. Но что такое колбаса без спиртного? На стол были водружены три бутылки наливки «Золотая осень» с вазой, наполненной фруктами, на этикетке.

Вино сближает быстро. А попутчиков, у которых за душой нет чёрных мыслей, особенно. Мы роем вилась у импровизированного стола, и каждый норовил быть поближе к тётё Маше, чтобы поухаживать за ней, подать кусочек поаппетитней.

Глава двенадцатая

Что вино у нас появилось – не удивительно. Удивительно, что к нашей компании, пользуясь поздним часом и поэтому нарушая все мыслимые инструкции, приблизился служивый – матрос. Прибился не один – с гитарой. К тому времени почти всё было съедено. Гостю достался кусок вяленой рыбы, две картофелины и два-три глотка вина. За это он решил компанию отблагодарить, лихо пройдясь по струнам гитары и затянув длинную песню-балладу:

*Палуба сгибается и стонет,
Под гармошку палуба чарльстонит,
А на баке, тоненько моля,
Пробует пробиться одичало
Песенки свербящее начало:
«Граждане, послушайте меня...»*

Я узнал стихи Евтушенко.

Евгений Евтушенко ненадолго заглянул в Казань, чтобы собрать материал для поэмы «Казанский университет», приуроченной к столетию Ленина. Затем заглянул ещё раз – с уже готовой поэмой. Мы ходили гордые: надо же, светило отечественной поэзии снизошло до университета. Мы чувствовали себя так, будто автор строки «поэт в России больше, чем поэт» решил написать поэму персонально о каждом из нас.

Во время гостевых визитов Евтушенко читал стихи в университетском актовом зале. Мы принимали превентивные меры для того, чтобы оказаться в числе участников вечеров. Разжалобленный редактор газеты «Комсомолец Татарии» выписал даже временное удостоверение сотрудника газеты. Не помогло. На входе в зал мой пыл остудили. Удостоверение при мне осталось, но путь в зал был забаррикадирован. Я был, наверное, сотый студент, которому хочется приобщиться к прекрасному с помощью липовых документов.

Зато на майской демонстрации шёл в окружении поэта. О том, что Евтушенко намерен пройти со студентами по улицам праздничной Казани, нам официально не говорили. Но разве можно что-либо скрыть от студенческой братии? Похоже, это была самая многочисленная университетская колонна демонстрантов со дня его основания.

День был солнечный, но ветреный, прохладный. Транспаранты. Флаги. Музыка. Долгий путь по извилистым казанским улицам до площади Свободы. Поэт то и дело попыхивал забугорными сигаретами. И мне на секунду показалось, что Евтушенко больше гордится не тем, что он автор многих популярнейших лирических строк, а тем, что покуривает «Винстон» и уже поэтому входит в число избранных.

С высоты своего роста он смотрел на окружающих с прищуром. Наверное, не от поэтического величия, величия кумира. Видимо, уже тогда у него мучительно рождались строки поэмы. А вокруг вилась газетная братия, друзья, которыми гость успел обзавестись, ещё не отторгнутые претенденты и претендентки (их был целый рой) на дружбу, ну и мы, будущие журналисты. С большим трудом протиснулся к Евтушенко и протянул для автографа подаренную друзьями фотографию, на которой поэт читал стихи в полосатой, похожей на пижаму рубашке.

Манера поэта одеваться мне никогда не нравилась. Рубашки казались нарочито вычурными, обесценивающими гражданские ноты его творчества ребяческой крикливостью. Поэт расписался на фотке, хотя и бросил недовольно, что он не эстрадная певица и поэтому дарит автографы только на своих книгах. Обалдевший от счастья, я нёс фотку с автографом, прижав двумя руками к груди, чтобы в давке не увели. Но она не уцелела. В общезжитии фотографию, хранившуюся в книге великолепных репродукций отечественных и зарубежных живописцев, кто-то всё-таки позаимствовал. А с ней и книгу.

...На кораблике, однако, исполненный устами матроса призыв Евтушенко к гражданам «послушать его» никого не тронул.

– Ты вот что, парень, дай слово нам, ветеранам, – сказала Мария Ивановна, окорачивая струны гитары. – Споём, Михаил Николаевич?

– А почему не спеть, споем, семь грехов в святой день, – неожиданно сразу согласился супруг, наверное, разомлевший от вина и молодой непоседливой компании. – Раз душа просит, споём!

Он повернулся к жене спиной, извинившись, вытянул на скамейке ногу с протезом, попил воды. Мария Ивановна притулилась к его спине своей спиной и затихла на мгновение, закрыв глаза и как бы набираясь сил.

– Ну, начинай, – прошептала тётя Маша.

Я подумал, что дуэт будет исполнять а-капелла то, что слышал в деревне не раз: «Живёт моя отрада в высоком терему...», «Ах вы, кони мои вороные» или что-нибудь ещё из этого ряда – лихое, удалое, залётное. Оказалось, ошибся.

*Старый клён, старый клён,
Старый клён стучит в стекло,
Приглашая нас с тобою на прогулку...*

– уняв рокотанье, исповедально, почти шёпотом начал Михаил Николаевич модную тогда в молодёжной среде песенку из кинофильма «Девчата».

*...Отчего, отчего мне так светло?
Оттого, что ты идёшь по переулку,*

– ловко подхватила Мария Ивановна.

Они вместе повторили последние две строки. Чувствовалось, что «Старый клён» супруги исполняют не впервые, мелодия им по душе. И, прижавшись спина к спине, они защищают своё настоящее и будущее от лихого военного прошлого, от обыденности, от повседнещины. Голос Михаила Николаевича накатываемой волной рождался где-то вдалеке-вдалеке, креп, становился басовитее, плотнее, а голос Марии Ивановны светлее, оттеночней. И думалось мне, что это, поднимаясь и опускаясь, накатывает и накатывает

вает на меня, на нас упругая волжская волна, на вершине которой мерещится перо чайки.

Так, под песни, добрались мы до маленькой пристани на Каме. Раннее утро группа встретила на дебаркадере пристани Дербёшка, а к обеду добралась до конечного пункта назначения – деревни Чишма.

Глава тринадцатая

«Чишма» в переводе – родник.

Время от времени рассматриваю в Интернете сделанную из космоса карту Чишмы. Там, где должно быть селение, вначале появляется синий кружок – действительно нечто вроде родничка. Потом, по мере уменьшения масштаба, проявляются две улицы деревни и её окрестности. Вот большой зелёный массив. Я знаю, это роща. Необычная роща.

Степные просторы, особенно нераспаханные, для меня предпочтительнее лесных чащоб. Мне кажется, что лес – для закрытых душ, для тех, кто хочет уединиться, затаиться, спрятаться. А здесь вышел во двор – простор до горизонта.

Но ведь и степные картины не заменяют и не могут заменить загадочной жизни леса. Однажды во время вынужденного простоя в Чишме решил сходить за околицу – в рощу. Осень поспевала медленно, нехотя. Дни стояли погожие. Синева, солнце и покой. Задумчиво иду по проторённой дорожке, следя за серенькой мышкой-полёвкой, которая, не сворачивая, спешит впереди меня по своим делам. Наконец юркнула в траву. Я поднял голову и остолбенел: вот она, оказывается, какая величавая берёзовая роща!

Всматриваясь в космическую карту, мысленно прогуливаюсь по двум улицам сельца, пытаюсь определить, в каком доме мы жили во время картофельной страды.

Меня, выходца из глубокой белгородской провинции, не должна была удивить глубокая татарская провинция. А ведь удивила! Дома, дворовые постройки – всё из отборных, потрескавшихся от времени и почерневших брёвен. Крыши тесовые. Резные покрашенные наличники делают окна похожими на лукавые глазки сельских красавиц. В домах не земляные, подмазанные глиной полы, как у нас, а дощатые, покрытые домоткаными дорожками. Зимой в таком доме, говорят, тепло, а летом – сам убедился – прохладно. И даже печь со своим секретом: в её нутро вделан казан, предназначенный для варки еды от супа до плова. Очень удобно!

Ни Чишма, ни любое другое село в наши молодые годы не могли обойтись без помощи шефов – горожан: не хватало рабочих рук, техники. И уборочная страда превращалась в совместную с научными работниками, студентами, рабочими битву за урожай. Участие горожан в этой битве проходило под кодовым названием «поездка на картошку», хотя убирать приходилось всё, что выросло на щедрых полях.

В Чишме вместе с военнотружущими-автомобилистами заготавливали кукурузу на силос. Мне в пару был определён высокий военный с очень коротко подстриженными волосами, чёрными густыми бровями вразлёт и хищноватым орлиным носом.

– Сержант Ангелков, – представился он, козырнув.

– Получишь офицерские погоны, сразу станешь Ангеловым или Ангелом, – уязвлённый официозом, попытался пошутить я.

– Никак нет, офицерская служба в мои планы не входит, – возразил Ангелков, протянув руку для примирения и назвав имя: – Иван.

Мы обнялись, будто давние знакомые, и на второй день пребывания в сельце включились в уборочную страду. Работа физически не изматывала. К деревянным бортам Иванова «газона» колхозные умельцы приладили по несколько досок, увеличив объём кузова раза в два.

– Крылья тебе, Ангелков, увеличивают, – вновь пытался острить я.

– Не мне, а тебе, студент. Набросашь вилами полный кузов силоса, сразу взлетишь, – беззлобно шутил тот.

На дно кузова укладывали волокушу – бревно с прикрепленной по концам длинной цепью, в середине которой было толстое кольцо. Получалось нечто вроде треугольника. Комбайну хватало десятка минут, чтобы навалить на волокушу измельчённую кукурузу. У фермы гусеничный трактор помогал «газону» взобраться на силосное ложе. Я отстёгивал задний борт, прикреплял кольцо волокуши к тросу трактора, тот вытягивал груз из машины. Оставалось только вновь уместить волокушу в машину и «застегнуть» задний борт.

На силосном кургане мой напарник старался поставить грузовик так, чтобы кузов был ниже кабины. Тогда трактор стягивал всю зелёную массу, и мне не нужно было орудовать вилами.

В поле, стоя в кузове, я давал команды Ангелкову. Стукну по левой части кабины, значит, машину надо держать поближе к комбайну. Стукну по правой – слегка от комбайна отъехать. Стукну посередине, ехать тише. Стукну посередине кабины два раза – надо ускориться. Таким макаром «зелёнка» равномерно распределялась по всему кузову и не переваливалась через борта.

Иван скрупулёзно подсчитывал рейсы и на следующее утро докладывал, довольный:

– Мы опять всех обскакали.

– Орден дадут.

– Не дадут, не надейся.

– Тогда к чему прыть?

– Нас позвали на помощь, а не перемячи есть. Надо помогать по-честному.

Каждый день вечером он доставал из левого кармана гимнастёрки маленький календарик и ставил жирный крестик на прожитом дне, приговаривая:

– Вот и ещё на один день сократилось расставание с тобой, Глафира.

– Слушай, сам так Ангелков, а зазноба – какая-то Глафира...

– Запомни на всякий случай: не Глафира она и не зазноба, Верой зовут.

Это я так, чтобы не зазнавалась.

– Показал бы фотку.

– А не сглазишь?

– Постараюсь.

– Тогда разглядывай.

Ангелков достал из того же нагрудного кармана портрет девушки, запаянный в толстый прозрачный плексиглас, и протянул мне.

На меня смотрела миловидная брюнетка. На голове задорный пучок волос, игривые губы будто отдыхают после долгого поцелуя.

– Ну как? – нетерпеливо спросил напарник.

– Что – как? Сам видишь – красивая.

– Меня дождётся?

Я знал, что это один из самых коварных вопросов. Лучше выбрать нейтральное. Типа «есть все основания».

Но я почему-то решил подперчить ответ, остудить слишком счастливого Ангелкова и заявил хоть тоже неопределённо, но менее обтекаемо:

– Может и не дожждаться.

Ангелков схватил меня за грудки:

– Ты, очкарик, думаешь, что говоришь? Сейчас из кабины выкину. Пророк нашёлся.

Мы не разговаривали день. Сержант Ангелков о чём-то неотрывно думал. Наконец не выдержал, признался:

– Очкарик, решил я сбежать из армии суток на двое на машине. Надо показаться хоть часа на полтора дома. А то и в самом деле не дожждётся. Езды до нашего саратовского села отсюда часов восемнадцать, столько же обратно. Ну и дома на два-три часа задержусь. Как в кино.

Я мог думать о чём угодно. Но мне и в голову не могло прийти, что сержант Ангелков, расчётливый, практичный человек, решится на безрассудный поступок. Вразумляю:

– Ты божий дар с яичницей не путай. Кино есть кино. Тогда, между прочим, война была, и солдата домой отпустили. А ты намереваешься самовольно драпануть. Проще говоря, дезертировать. Воля твоя, драпай. Возвращаешься, а тебя лет на пять в дисбат. Знаешь такое лекарство от любви? Вот тогда точно красавица Глафира тебя не дожждётся.

Мы не разговаривали ещё день. Но намерение сержанта тревожило меня всё больше и больше. А что если и в самом деле уйдёт в самоволку с машиной? И виной этого безрассудного поступка буду я. Действительно, пророк хренов.

Надо было предпринимать что-то срочное.

– Сержант Ангелков, – говорю, – чего губы надул? Это я предположил насчёт твоей Глафиры, то есть Веры, так, чтобы подзадорить. Ты ведёшь себя, будто завоевал девушку раз и навсегда. А Глафиры любят, чтобы их завоёвывали каждый день, – с видом опытного сердцеда разглагольствовал я. – Для начала, если хочешь, я статью о тебе в районку напишу. Пусть почитает, какой бравый у неё кавалер Ангелков. Потом ты своей Глафире, единственной в мире, письма из деревни пишешь? Нет? А надо.

В тот же день мы начали повышать авторитет Ангелкова в глазах неведомой мне Глафиры-Веры. Я написал заметку, главным героем её был сержант, который за день перевозил столько кукурузы к хранилищу, сколько не перевёз ни один его сослуживец. Называлась заметка мистически: «Сколько весит день». Дней через десять, к концу страды, получил бандероль с районкой, в которой на первой полосе под рубрикой «Так служат земляки» было опубликовано моё творение в несколько десятков строк.

С той поры ситуация изменилась. Если раньше я был как бы ведомым у сержанта, то теперь он безоговорочно уступил своё место ведущего и почти со всем соглашался. Со всем, кроме одного, – с содержанием писем.

Мы приступили к совместному ежедневному беллетристическому творчеству, как Ильф и Петров. Я старался подобрать Вере-Глафире слова особые, приподнятые, напомаженные любовной романтикой. Но мои лирические мотивы не находили у Ангелкова отклика.

– Не поверит, что я писал, – резюмировал он.

Поэтому длинный монолог о местной кухне, о том, как хорошо погложим днём на виду у всей деревни полакомиться свежим мяском, укладывался у него в одну строку: кормят хорошо, на обед дают кусок мяса величиной с пивную кружку и кружку чая такого же объёма. Обедаем в поле. Описание красот деревни свелось к фразе: деревня похожа на нашу, только наша у реки в балке, а эта в чистом поле. Восхищение кукурузными плантациями было тоже преобразовано в несколько слов: кукуруза выше черёмухи,

что под вашим окном. А когда я предложил написать сакраментальное слово «целую», он опешил:

– Что значит – целую? Да я её ни разу не поцеловал. А ты – целую... А вдруг родители прочтут, что скажут?

Судя по всему, послания адресат получал, и Ангелков ответные послания тоже, потому что не ходил – летал. Но мне показал лишь одно. Девушка сообщала, что «газета со статьёй о тебе, дружок, в селе зачитана до дыр».

Глава четырнадцатая

Обитали мы у немолодой семейной татарской четы. Дети разлетелись – кто в Набережные Челны, кто в Казань. Супруг ещё работал механизатором, а супруга была на заслуженном отдыхе – так опозитизированно называется пенсионный возраст. Но поэзии в нём мало. Одна сермяжная проза. От тяжёлого многолетнего труда дояркой пальцы на руках нашей хозяйки еле сгибались. Натирала их какими-то снадобьями и не могла ухватить щепотью даже купюру. Но со всем управлялась. В доме чистота была едва ли не глянцевою.

Не имея возможности присматривать за своими детьми и внуками, родительскую заботу они выплёскивали на постояльцев. Вечером нас ожидали налаженная банька, мягкая перина и белоснежные простыни, утром постиранная и выглаженная рабочая одежда, пропитывающаяся за день тёмно-зелёным кукурузным соком.

На страду нас провожал начищенный до блеска самовар с чаем, свежим маслом, крендельками и какими-то татарскими вкусностями. Вечерние посиделки мы тоже проводили за самоваром. Этот предмет татарского быта был столь популярным, что я перестал сомневаться в утверждении, будто миру известны самовары болгарского производства, а, стало быть, болгары причастны к их рождению. Какие могут быть сомнения, если любого гостя любой день встречают и провожают неспешным самоварным застольем?

Хозяева были немногословны. Нашими делами они интересовались лишь тогда, когда мы сами начинали о них рассказывать. Хозяин спросил, откуда я и знаю ли татарский. Я ответил, что приехал с Белгородчины и татарского не знаю.

– Это где Курская дуга?

– Да, самое её пекло. В ста верстах от моего дома.

– Помню. В войну на танке прогуливался.

Он задумался, то ли вспоминая танковые рейды, то ли прикидывая, стоит ли рассказывать нам о фронтовых дорогах. Решил, что не стоит, и сказал шутя:

– Учи, учи, сынок, татарский. В первую очередь запомни фразу: «Мин сине яратам». Запомни: «Мин сине яратам». Пригодится. У нас много кому можно сказать эти слова. По крайней мере, я бы в твои годы нашёл, кому сказать.

Каждый день, улыбаясь, хозяин спрашивал, выучил ли фразу, чем немало приводил в смущение супругу. Фразу я, конечно, запомнил. Она действительно отдаёт волшебством: я тебя люблю. Жаль только, что не довелось ни разу произнести её. Услышать от девушек – тоже.

Ни в Чишме, ни позже – в Казани.

Очень жаль.

За неделю до отъезда из Чишмы наш экипаж увеличился на нештатную единицу. Она представляла собой семилетнего бутуза, напоминающего добродушного медвежонка, не ходившего, а подпрыгивавшего словно мячик. Бутуза попросил прокатить отец. Сказал, что парень мечтает проехать на военной машине. Катали целый день. А потом ни нам, ни ему расставаться не захотелось.

В мальчишке удивительным образом уживались детская наивность, непосредственность, раскованность и взрослая расчётливость, обстоятельность, степенность.

Интересуюсь, почему родители назвали его Наилем?

– Почему, почему... Потому что русское имя.

– Какое же оно русское – Наиль?

– Потому что папа сказал. Он сказал, что моё имя расшифровывается по-русски так: наш Илья. Пусть вон Ангелков попробует своё имя расшифровать? Не расшифрует ни по-русски, ни по-татарски, ни по-каковски. Иван и есть Иван. Да, Ангелков?

Оттого, что заманил нас в тупик, Наиль задорно хохотал, всплёркивая руками и весело поглядывая то на меня, то на сержанта.

Чишма – селцо моноэтническое. Но Наиль говорил по-русски чисто, с едва уловимым акцентом. Иногда, тараторя и забываясь, он жонглировал то татарскими, то русскими словами. Спросил, кто помог русский выучить? Услышал в ответ: папа, телевизор и радио. Мол, хочешь жить, умей вертеться.

– Кто тебя заставляет вертеться?

– Как кто – жизнь. А ты что, хотел бы, чтобы я с мамой-татаркой и папой-русским с переводчиком разговаривал? А если женюсь на французке, придётся учить французский, – обречённо подытожил Наиль.

– А если на африканке?

– На африканке не женюсь. Придётся в Африку ехать. А там, папа говорил, жара. Я жару терпеть не люблю.

– Что значит – терпеть не люблю?

– Не переносу. Вот и терпеть не люблю.

В день отъезда Наиль пришёл опечаленный. Нам выделили грузовую машину с обтянутым тентом кузовом, на которой предстояло ехать в Казань через Мензелинск, Набережные Челны, Чистополь. Колхоз был щедр: каждому не только начислили по 70 рублей – сумма тогда для студента сказочная, но и затарили полкузова отборной картошкой. Мы суетились, получая деньги, укладывая груз, сдавая инвентарь. Наиль терпеливо ждал. Потом, отведя глаза в сторону, протянул красную картонную коробку. В ней татарская тюбетейка, расшитая бисером.

– На, на память, – сказал сердито. – Приручил, а сам уезжаешь.

Мы прощаемся, обнимаясь. Наиль, часто моргая, не смотрит на меня. Чувствую, что что-то внутри меня ворочается льдиной в весенний паводок, мечется от одного берега к другому, терзая душу.

Я попросил Наиля идти домой, а он всё стоял и стоял.

Он всё махал и махал рукой – парнишка в фуражке со сдвинутым на затылок козырьком.

А рядом стоял в ступоре сержант Ангелков и будто не понимал, что происходит.

И было в них что-то общее, родственное.

Глава пятнадцатая

Проснулся, казалось, тотчас, от того, что на меня кто-то смотрит – многоглазый и многорукий. Я вскочил, сел в позу падишаха и начал протирать глаза, не понимая, куда занесло. По вагону разнеслось:

– У-р-р-р-р-а-а-а-а...

Только после этого я пришёл в себя. Купе было открыто. Сквозь окно коридора просачивалось скупое январское солнце, высвечивая в полутьме двух молодых людей чуть постарше меня. Это они склонились надо мной, растопырив пальцы и выпучив глаза. Потом выяснилось: близнецы. Близнецы были скроены грубовато: крупные скулы и носы с горбинкой, длинноватые руки. Грубоватая внешность, как ни странно, парням была к лицу: они казались мужественными, уверенными в себе, много повидавшими зрелыми мужчинами. Познакомились. Я продолжал сидеть в позе падишаха, завернувшись в одеяло, а они привставали, слегка кланялись, протягивая для пожатия руку и называя имена.

– Александр.

– Сергей.

Манерничали.

Оказалось, что попутчики тоже студенты и тоже едут на побывку домой. Александр осваивал премудрости филологии в МГУ, досрочно сдал экзамены и заглянул к брату в Казань, а Сергей штудировал юриспруденцию в нашем университете.

– Ты даёшь, старик! – сказал Александр, картавя. – Вечером зашли в купе – спишь. Утром проснулись – спишь. Одиннадцать минуло – спишь. В анабиоз впал. Думаем, неужто на всю зиму, как медведь? Хотели врача искать по вагонам. Слава Богу, не пришлось.

– Сессия вымотала.

– Привет тебе. Ты, видать, ещё сессиями не обкатан, – философствовал Александр. – Из тех, кто считает, что может выучить китайский за сутки до экзаменов. Запомни: это чушь. Будешь шустрить в течение семестра, не придётся в анабиоз впадать. Подойдут экзамены и зачёты, а тебе «автоматец» – один, другой, третий. Вот он, настоящий праздник знаний, вот пиршество предусмотрительности! Так, брат мой?

– Так, вождь бледнолицых, так, – поддельваясь под игривый тон, кивал головой Сергей.

Решили позавтракать. Разговялялись салом, яйцами и сушками, припасёнными моими попутчиками. Запивали всё это чаем, заказывая его у рябой, нерасторопной, бочкообразного вида проводницы. Она приносила кипяток в стаканах, торчащих из фигурных подстаканников, молча ставила их на стол и, уходя, обязательно задевала то дверь, то пристенок, отделяющий купе от коридора, и тихо материлась. Стаканы были не тонкого стекла, а гранёные, напоминающая о том, что из них можно пить не только чай, но и кое-что покрепче. И что проводница готова это «что покрепче» подать к столу.

На больших станциях поезд надолго замирал, выжидая, пока хмурые осматриватели простукают колёсные пары. Мы выбегали из вагона и покупали, отчаянно, для фарса, торгуясь с местным возрастным предпринимательским сообществом, дымящуюся на морозе варёную картошку, солёные огурцы и помидоры, хлеб, мочёные яблоки, а в станционных буфетах пиво.

Походы за съестным привели к открытию: кроме нас и трёх девушек, занимавших купе в противоположном конце вагона, пассажиров больше не было. Соседей пригласили на картофельные посиделки. Те вначале отне-

кивались, но потом освоились. Гости были очень похожи. Русоволосые, синеглазые, в расклешённых юбках в клетку. Белые, ручной вязки свитера бережно поддерживали гладко причёсанные головки.

Перекидывая из руки в руку горячие картофелины, девушки с нескрываемой иронией слушали наши рассказы об экзаменах.

А они, наверное, были похожи на истории, которые рассказывали сотни лет до нас и будут рассказывать после нас. Кому интересно знать, что дни и ночи напролёт студент корпит над учебниками и конспектами, судорожно пытаясь за два-три дня вместить в пустующие кладовые памяти всё, чем эти кладовые надо было загружать в течение семестра?

Поэтому мы фантазировали. Вернее, фантазировали мои попутчики. Выходило, что профессора, которых именовали не иначе, как пропессорами, недотёпы, недалёкие, не знающие жизнь люди, а они – brave гусары, для которых нет преград. Одна из девушек, улыбнувшись, спросила:

– Это не о вас диалог? Вспомните: «Ну, вы мой полк не марайте. Мои орлы газет не читают, книг в глаза не видели – никаких идей не имеют!» – «Не надо перехваливать, Иван Антоныч...»

– О нас, о нас, – угадав цитату из фильма «О бедном гусаре замолвите слово» и поддельваясь под тон блондинки, поддакнули друзья. – И «Оперция «Б!» о нас, и мультяшник «Ну, заяц, погоди!» тоже о нас. Прототипы...

– А где же в таком случае волк?

– Один из нас и есть сменивший ампулу волк. Отгадайте – кто?

Начали гадать, дурачась и изнемогая от хохота.

Лишь я почти не участвовал в этом праздном флиртовом действе.

– А что-то ваш друг невесел? – удивилась соседка, юбка которой особо подчёркивала круглые, весёлые коленки.

Я нехотя признался в причине пассивного восприятия их ярких монологов.

– Ох, какой же ты зелёный студент, ох, какой зелёный! – сказал Александр. – У нас, к примеру, античную литературу на первом курсе вела профессорша. Она на «Илиаде» помешанная. Ей не надо пересказывать аналитические благозвучия. Ей подавай личное отношение к «Илиаде». Личное, так личное. Беру билет, а там Эсхил, которого терпеть не могу, и читал поэтому через строчку. Но! Я знаю слабости препода. И бросаю будто невзначай, наобум: прежде, чем проанализировать творчество Эсхила, нужно подчеркнуть его созвучность с героями «Илиады» и «Одиссеи». «Подчёркивайте», – холодно цедит мне профессорша, неприветливо сжимая тонкие губы и улавливая какой-то подвох. Наверное, думала, что буду вешать лапшу на уши про эти мифические созвучия. Шалишь, брат, шалишь! Я воробей стреляный. Говорю: «Мой тезис можно раскрыть на примере одного из главных героев «Илиады» – Ахиллеса. Ахиллес... Ахиллес... Ахил... лес...» И – как зареву! Слезы градом... Реву без удержу... Ищу платочек, которого нет. «Что с вами, молодой человек?! Что с вами? Успокойтесь, успокойтесь!» – профессорша дрожащими руками подаёт стакан воды. «Не могу, – говорю, рыдая, – не могу! Мой самый любимый литературный герой погиб только потому, что у него было незащищённым лишь одно местечко – пятка. Лишь одно. У некоторых вообще ничего не защищено – и хоть бы хны. А он...» – «Давайте вашу зачётку, ставлю отлично. Вы меня порадовали. Только мой совет: не надо воспринимать литературных персонажей так, будто они – реальные люди. Это ж всё-таки литература. Иначе никакого здоровья не хватит».

Александр помедлил, сделал пару глотков чая и продолжал:

– Выхожу из аудитории, рыдаю. Все думают: завалил экзамен. А я от удовольствия – так вошёл в роль, что остановиться не могу. Пришлось даже «Илиаду» с «Одиссеей» перечитать. Вот она – столбовая дорожка образования.

– Ох, и заливать вы любите, гусары! Мы ведь тоже студенты-химики-технологи. У нас допоухих пропессоров что-то не водится, – возразила та, что с весёлыми коленками.

– То-то у тебя на коленях сквозь капроновые чулки формулы проступают. Несмыаемыми чернилами шпоры писала? – съязвил Александр.

Почему формулы любви у девушек на коленях, я понял значительно позже. Но из этого шутейного разговора уяснил: уныние – делу не помощник. Живут же некоторые студенты без стипендии и находят выход из положения. Найду и я. И ещё вспомнил слова первой учительницы: «Мы всё можем, надо только верить в себя...»

Ситуация выталкивала в длинные ряды вечерников или заочников. Пополнять их когорту не хотелось. По всему выходило, что придётся совмещать работу с очной учёбой. Найти тихую гавань, которая бы даровала материальную самостоятельность и не обкрадывала знаниями, теоретически было возможно.

Алгоритм постепенно вырисовывался простой. Лучше всего что-нибудь срочно разгрузить в выходные и праздничные дни. За это полагалась двойная или даже тройная оплата. Наш заработок зависел также от объёма груза и его вредности. Организации, которых достали контролирующие органы из-за того, что грузы долго томятся в вагонах на подъездных путях, опустошая кассы на внушительные суммы штрафа, тоже готовы были выкладывать немалые деньги, не облагаемые подоходным налогом. Учувяв, выследив добычу, мы налетали на неё стаяй и расправлялись за день. Размер стаи зависел от объёма работы, но меньше трёх персон в ней никогда не было.

Наш опыт иногда подводил. Кажется, чего проще – разгрузить вагон угля? Открыл специальные шлюзы, и потёк себе груз рекой, только успевай принимать. Но он не потечёт, если вагон открытый и груз залило водой, а потом прихватило морозом. Ковыряться будешь до посинения. И ковырялись на первых порах. Кто разгружал рефрижераторы с мясом, тоже хорошо знает, что и с этим грузом лучше не связываться. Парадокс: в те времена мясо было в большом дефиците. По всем приметам мясная река вот-вот должна была истощиться, но Казанский мясокомбинат оказался забит отборнейшими телячьими полутушами. Их надо было погрузить в специальные тележки, поднять эти тележки на лифте в многоэтажный холодильник и подвесить на специальные крючки. Замороженную полутушу не обнять, к себе не прижать. Она то и дело норовит выскочить из уставших рук и грохнуться на пол; руки мёрзнут, крючки непослушны и капризны. Пока определишь груз в висящую на крючках шеренгу полутуш, семь потов сойдёт. Единственная отрада: с учётом особых условий работы мы наделили себя правом умыкнуть у мясокомбината целый ящик говяжьих почек. Но риск оказался неоправданным. Почки надо уметь готовить. От этого деликатеса, просто сваренного в воде, отворачивалась даже не избалованная разносолами общезжитская особа – кошка.

Грузовой вагон, может быть, и не самая подходящая аудитория для учёбы, но тоже учит. Доходит быстро. Приступая к работе, я окинул взглядом друзей. Ислам повыше меня, но на внушительные бицепсы природа явно поскупилась, а накачивать мускулы он не стремился. Второй напарник, биолог, тоже не из атлетов. Я же трижды в неделю ходил в спортзал, приютив-

шийся в церковном сводчатом помещении рядом со знаменитой колокольной на Баумана. Там терзал штангу, а штанга меня. Прогресс был заметный. Тренер похвалит – а ты и рад стараться. Со 180 килограммами присесть? Конечно! На штанге 200! Одолеем и этот вес. Поэтому я посматривал на ребят свысока.

– Что, хлюпки, попались? – спросил самодовольно и подначивающе. – Пупки крепко затянули? А то вдруг развяжутся.

– Посмотрим, у кого развяжутся, – неопределённо сказал Ислам.

И в семь утра в субботу мы начали демонстрацию такелажных способностей. Какая-то церквушка колокольным звоном долго поддерживала нас. Вначале было, конечно, легко. Штабеля рядом с кузовом. Сдвинул похрустывающий мешок на плечо, отнёс в кузов. Сдвинул – отнёс, сдвинул – отнёс.

Я петушился. Ребята по одной ходке, я – две, ребята по две, я – четыре. Часов пять прошло в таком темпе.

Потом обнаружилось, что штабеля становятся ниже и потихоньку отдаляются от машины. Теперь, чтобы положить на плечо мешок, его надо поднять с пола и нести не два-три шага, а десяток-другой-третий. И на пол кузова поклажу нужно опускать бережно, как спелёнутого ребёнка, иначе мешок может лопнуть, обдав тебя облаком негашёной извести. Тогда – беда, работу придётся прекращать. А на складе нужно было тянуться, чтобы положить груз в подростские штабеля. И я почувствовал, что с каждой ходкой мешок становится тяжелее и тяжелее, будто наливаясь свинцом.

Ислам носит и носит груз на плече как ни в чём не бывало.

А у меня сил поднять груз на плечо нет. Прижимаю мешок к животу и буквально бегу к кузову.

Обнаружилась и ещё одна беда: мелкая дисперсная пыль извести неведомыми путями выбиралась из мешков наружу, вступала в реакцию с потом, и на запястьях рук кожа сначала покраснела, потом стала алой, а под конец начала покидать моё брэнное тело, оголяя всё, что под ней. Боль и усталость оглушали, отупляли.

...А Ислам носит и носит груз на плече как ни в чём не бывало.

А я к семи вечера последние «рейсы» делаю, положив груз на полусогнутые ноги и на карачках добираясь до кузова.

– Не развязался пупок? – подтрунивал Ислам. – Пупки они такие, капризные.

Как бы там ни было, вагон мы разгрузили, заработав за 12 часов по 200 (двести!) рублей каждый. Примерно 30 тысяч на нынешние деньги.

Руки ныли, ноги сводило и подкашивало, спину будто взяли в свинцовую оболочку.

Лекарство было испытанное – танцы!

Студенческий совет организовывал их почти каждую субботу на первом этаже нашего общежития. Здесь приютился красный уголок, который выполнял роль технического отсека, а главное действие проходило в прилегающем к нему просторном холле. Сюда стекались будущие физики и химики, математики и геологи, историки и биологи, филологи и юристы. Словом, будущие мужья и жёны.

И вот часов десять вечера. Свет в холле приглушён до минимума. Модный тогда бельгийский певец итальянского происхождения Сальваторе Адамо томно призывает тебя к чему-то щемяще-сладостному, греховному. Призывает молитвенно час, другой, третий.

Разве почувствуешь кровотокающие от извести ожоги на запястьях, если на твоих плечах тополиным пухом лежат, подрагивая, пухленькие молодые девчончьи руки и ничто не в силах унять эту дрожь?

Разве не променяешь всё на свете за ошалелые девичьи глаза с расширенными, будто от медицинских процедур, зрачками?

Глава шестнадцатая

Середина июня. Сдан предпоследний экзамен весенней сессии. После полудня мы решили расслабиться у воды. Она недалеко. Стоит только где по пропитанным шпалам, где гуськом по отполированным колёсами рельсам пройти с километр – и вот она, вожденная Казанка.

Расположились табором.

Четыре девчонки и я, барон, предводитель. Вода тёплая. Песок шелковистый. На окрестных дачах недалеко не утихают соловьи. Благодать!

Принимаем солнечные ванны, лениво играя в карты и полизывая мороженое. Я всегда проигрываю. Настоящий кавалер обязан проигрывать в карты девичьему полу.

Вдруг одна моя сокурсница, окинув взглядом акваторию, заметила небольшой островок с пышной зеленью. Тут же возникло предположение, что на этом атолле уже давно томится Робинзон Крузо и нам надо его проведать. Девчонки горохом ссыпались в Казанку и поплыли на свидание с этим Робинзоном.

– Айда с нами! – кричат. – Ждём на острове!

Легко сказать – айда. Я ни разу в жизни не плавал. Я заходил в Казанку по шею и, стоя на дне, подгрёбал под себя воду руками. Мошенничал. Негде было учиться плаванию.

Но как не поплыть, коль тебя просят царевны-девчонки?! На миру и смерть красна!

Я выбрал самый короткий до острова путь метров в сто, зашёл в воду по уши и только тогда попытался плыть. Допускаю, что со стороны моё плавание выглядело барахтаньем человека под градусом, благодаря которому была потеряна координация. Но я плыл, плыл, как потом выяснилось, по-собачьи, и таинственный остров потихоньку приближался.

А сокурсницы уже возвращались назад, сказав, что Робинзона на острове нет. Возвратиться с ними я не мог – не хватило бы сил. Не оставалось ничего другого, кроме как лично убедиться в отсутствии Крузо на атолле. Может быть, моё каботажное плавание и закончилось бы без происшествий, если бы не маленький прогулочный кораблик. Он вынырнул откуда-то справа, из излучины и оказался метрах в двадцати от меня. Кораблик приближался быстро.

Угрожающе быстро.

Ещё несколько секунд, и...

Я прошмыгнул перед самым носом катерка.

Я оказался на острове совершенно обессиленный, обалдевший от едва не случившейся беды.

Выяснилась ещё одна неприятность. Остров на самом деле оказался зарослями ядовито-зелёного камыша высотой метра в три с половиной. Только метровые кущи возвышались над водой. Остальное – под водой. Я, конечно, пытался достать ногами дно – безрезультатно. Что оставалось делать? Уцепился за камыши, отдыхаю на плаву.

Силы возвращаются медленно.

Вечереет.

Вода становится прохладной.

Девчонки требуют, чтобы возвращался на берег – пора домой.

Я ору, чтобы шли без меня, потому что нашёл Робинзона Крузо и беседую с ним.

Они уходят. Я не знал, что делать. Кричать о помощи не позволяла гордость. Надеялся, что проплывёт мимо какая-нибудь случайная лодка и подберёт меня.

Время шло, а лодки не было. У меня уже зуб на зуб не попадал. Наконец я пустился в обратный путь.

Плыву минут двадцать. Берег явно не спешит ко мне навстречу. Плыву только на руках. Ноги опущены. Пытаюсь ловить ими дно.

Гребок, гребок, ещё гребок.

Дно ушло на прогулку.

Гребок...

Гребок...

Ещё гребок...

Нет дна...

Гребок...

Гребок...

Ещё гребок...

Дно с прогулки не возвращается.

Я пытаюсь лечь на спину – слышал, что так можно отдохнуть. Попытка закончилась тем, что наглотался воды. Сил не остаётся. Сознание ускользает, становится сумеречным.

И тут откуда-то издалека, из облаков на меня наплывает портрет мамы. Она шепчет мне:

– Держись, сыночек, держись. Всё будет хорошо. Ты только держись.

Прошептала раз, другой, третий, четвёртый.

И я плыву. Плыву из последних сил. Плыву в прострации. И тут – чудо: ноги почувствовали дно! Оно скорее угадывалось, нежели ощущалось.

Гребок...

Ещё гребок...

Опять интуитивное ощущение дна.

После двух-трёх последних гребков я оказался-таки на мелководье. Плечусь по берегу, спотыкаясь и падая. Сил хватает, чтобы найти одёжку и забиться в близлежащие кусты тальника. Вода льётся из меня фонтаном, будто я успел проглотить половину Казанки. Тело бьётся в конвульсиях. Я не плачу – я рыдаю, никого не стесняясь. Благо, рыдаю на пустынном берегу...

Глава семнадцатая

Теперь, в конце повествования, я задаю себе вопрос: все, что случилось со мной, что это? Игра капризных обстоятельств или судьба?

Не знаю. Наверное, всё-таки судьба. Но не предписание, закодированное во мне кем-то свыше. Мой жизненный фарватер определяли другие указатели. Не заклинания, а самые простые слова, долетающие из прошлого капелью.

Совет мамы в редкие минуты отдыха:

– Учись во что бы то ни стало!

Кап... Кап... Кап... Кап... Кап... Кап...

Совет степенного Эти не налегать на пупок.

Тарелка в номере гостиницы «Казань», гроздь винограда, 25 рублей, подаренные подполковником Андреем, и фраза из его записки: «Не в долг, а в честь!»

Теплоходик, Мария Ивановна, которую фашисты расстреливали, но не смогли расстрелять:

– Жить надо азартно, захлёб!

Оценка песни Людмилы Зыкиной, утверждение сержанта Ангелкова:

– Солдат – символ государства!

Наставление тракториста из Чишмы:

– Политики кормят обещаниями, а крестьяне – хлебом. Мы за страну отвечаем.

Упрёк мальчишки Наиля из той же Чишмы:

– Приручил, а сам уезжаешь..

Тихий шёпот мамы мне, утопающему:

– Держись, сыночек, держись!

Услышишь ли ты эту капель, друг мой, читатель? Услышал ли?

Я очень старался, чтобы ты непременно услышал.

Непременно...

**Валерий
СУХОВ**

РОДНИК

РУССКАЯ СКАЗКА

Я с небес в степное разнотравье
Соколом у камня упаду.
Словно вёрсты – крылья разметаю
И на росы расколю беду.

Обернусь я молодцем плечистым,
Оседлаю доброго коня.
Три дороги есть во поле мгlistом.
Каждая дорога – для меня.

Нас на то и матери рожали,
Чтобы в путь опасный провозжать.
Заповеди каменной скрижали
Наугад Ивану выбирать.

Мёртвого меня живой водою
Старый ворон сможет воскресить,
Чтобы я с царевной молодой
На пиру смог мёд и пиво пить...

Все мы, люди русские, по сути,
Сказочной мечтой в душе живём.
Только Русь, как витязь на распутье,
Замерла в раздумье роковом.

Воронье тучи над полями.
Кровью налились глаза росы..
Сыновья полёгшие костями
Насмерть в землю русскую вросли.

-
- Валерий Алексеевич Сухов родился в 1959 году в селе Архангельское Городищенского района Пензенской области. Окончил Пензенский педагогический институт и аспирантуру в Московском педагогическом университете. Кандидат филологических наук. Лауреат Международной премии имени Сергея Есенина в номинации «Взыскующим взглядом». Автор семи сборников стихотворений. Стихи печатались в «Литературной газете», в журналах «Сура», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Простор», «Аргатак», «Нижний Новгород». Член правления Пензенского отделения Союза писателей России и редактор отдела поэзии журнала «Сура». В 2009 году за сборник «Архангельский мой собор» удостоен Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова, в 2020 году стал второй раз лауреатом премии имени М.Ю. Лермонтова за сборник «Холмы земные».

ЭХО

Душа напиться не успела,
Как горло холодом свело.
И небом полное ведро
Сорвалось в сруб заледенелый.

Ударив в колокол колодца,
Я слышал гулкий взрыв на дне.
И эхо боли отдаётся
Во мне, как память о войне.

Открылась и сомкнулась бездна.
Журавль колодезный парил..
Скрипел разохшимся протезом
ИОВ – мой дядя Михаил.

ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ В ТАШКЕНТЕ

Что может быть страшнее смерти?
Когда уже надежды нет..
Военный госпиталь в Ташкенте.
Калеки в восемнадцать лет.

Мать, дрогнув, входит в дверь палаты.
Кровати выстроились в ряд.
На них, как на крестах распяты,
В бинтах её сыны лежат.

Им соловьи любви отпели.
Не нянчить матери внучат.
Распилами берёз в апреле
Обрубки тел кровоточат.

Войной изломанные жизни.
Нет рук и ног, а всё болят.
...И – как немой укор отчизне –
Глаза тех стриженных ребят.

КРЕЩЕНИЕ

Меня крестила бабушка мальцом
Тайком от матери с отцом
И под подушку положила крестик.
Не он ли мне сейчас во мраке светит?!
Дожившему до возраста Христа –
Без веры, без надежды, без креста..
По звёздам, как по утренней росе,
В конце концов придём мы к Богу все.
И я за то, что всё же был крещён,
Быть может, буду Господом прощён..

ДВУПЕРСТИЕ

Снег морозно визжит под полозьями.
Юродивый в рубище крестится истоиво.
Цепями звеня, черница Морозова
Шлёт в народ проклятья Антихристу.

Очи в обводях горят исступлённо.
Стала веригами старая вера,
И раскололась Русь, как икона,
Вся – от царя до последнего смерда.

«Знать, не по ндраву боярыне дровни», –
Дьячок в бородёнку ощерился, бестия.
Но выше Ивановой колокольни
Вознеслось восковое двуперстие!

МАРИЯ

Россию распри истерзали.
Судьба на муки обрекла.
И беженкою на вокзале
Мария сына родила.

И молча милостыню просит,
Ребёнка замотав в тряпьё.
Бывает, мелочь кто-то бросит,
Наткнувшись на глаза её.

Они бездомны и бездонны.
Их солью выела беда.
Нет молока в груди Мадонны.
И нечем ей вскормить Христа.

РОДНИК

Ю.П. Кузнецову

Я воду пил из родника,
Обняв замшелый сруб.
Срывались каплями века
С моих дрожащих губ.

И на меня смотрела Русь
Из бездны, словно миф.
На материнский лик молюсь,
Колени преклонив.

Исток обжёг устами струй
Горючих русских слёз.
Земли родимой поцелуй
Так я в душе унёс.

ПРОЩЕНИЕ

*Меня, великого грешника перед Родиной,
сама Родина простила.*

А. И. Куприн

Снисходительно блудного сына
Принимала в объятья страна.
Иссякала былая сила
На чужбине у Куприна.

Скуден быт эмигрантских буден.
Сплетни-мухи в сетях паутин:
«О любви снова пишет Бунин.
И по-прежнему пьёт Куприн».

Колесом судьба переехала.
Не прижился среди парижан.
И всё больше походит на Чехова
Поседевший «татарский хан».

Лик России на панагии.
В горле – с пашни российской ком.
Волком выл он от ностальгии:
«До Москвы хоть сейчас пешком!»

По кровавому насту с хрустом
Босиком босяком нагим.
Что такое «шестое чувство»?
Любят Родину чувством таким!

Жить надеждой на возвращение.
Даже думать о том не сметь...
Даровали ему прощение,
Дав на Родине умереть.

Даровала грехов отпущение
Благороднейшая страна,
Принимая за укрощение
Возвращение Куприна.

ВЕРА

Половодьем разлился закат вдалеке.
Я с крутого обрыва спустился к реке.

И увидел, как вдруг от прощальных лучей
Загорелись на вербе сердечки свечей!

Протянул к ним озябшего сердца ладонь –
И согрел меня верой их мягкий огонь.

ЮЛОВКА

За берег твой высокий
Судьбу благодарю.
Мальчишкой босоногим
Я здесь встречал зарю.

Смеётся речка детства,
Петляя как юла.
Милей на свете места,
Душа, ты не нашла.

Жизнь познавать я начал
В затоне ясных дней,
Когда с отцом рыбачил,
Когда купал коней.

Таким счастливым не был
Нигде я никогда.
Здесь ласточкою в небо
Нырнуть бы навсегда

С высокого обрыва.
И кануть на века.
Лишь облако бы плыло,
Лишь бы текла река.

ОТ ЗЕМЛИ

Пью из чаши небесной прозрачную синь.
Тень в траве побраталась с былыми веками.
Моё сердце пронзила стрелою полынь –
И прозрели глаза васильками.

На кургане стою, ветром горьким дыша.
Поседел я от облака пыли дорожной.
В поле боли осталась живая душа.
Обернулась она в оберег – подорожник.

Горьким млеком меня напичкал молочай.
От татарника скулы достались косые.
Повителью сплелась материнства печаль.
Целовала роса мои ноги босые.

Я корнями за землю родную держусь.
Каждой жилкой в тяжёлый суглинок врастаю.
Смерть с размаху подкосит меня – ну и пусть!
Встав травой молодой, вновь я всё наверстаю.

Потому-то и песни мои от земли
Так шумят под дождём заливным разнотравьем.
Потому-то и счастлив я так от любви,
Что навеки сроднился с простором бескрайним.

ХОЛМЫ ЗЕМНЫЕ

Дохнул прохладой августа закат.
Устало стадо возвращается под вечер.
Коровы понимают русский мат
И пастухам покорно не перечат.

Бредут бурёнки тихо, как века.
Глаза полны какой-то грустью древней.
И оживает русская деревня,
Испив с устатку молока...

Звенит вчорошник. Коровы видят сон.
Им снится луговое разноцветье,
Жужжанье пчёл, кузнечиков трезвон,
Густой туман и росы на рассвете.

Вместилась жизнь в коротких три глотка.
И глиняная крынка запотела.
Сдувает ветер пену – облака –
И к небу приникает то и дело.

Родным повеяло издалека.
Холмы земные солнышком налиты.
И запахом парного молока
Полны полынной родины молитвы.

**Вячеслав
ЛЮТЫЙ**

НА РАССВЕТЕ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Современная русская поэзия до сих пор во многом несёт на себе печать так называемого «шестидесятничества» – стихотворной публицистики, рассчитанной на мгновенное понимание и незамедлительный отклик читателя и слушателя. Нет сомнений, прямое поэтическое слово в иные моменты жизни и истории для художника очень важно. Но вся беда в том, что нынешняя поэзия словно бы забыла о своей сокровенной задаче, «приравняла перо к штыку», сменила протяжную песню на маршевые ритмы; точные, содержательные строки – на гневную, аффектированную речь; тихие слёзы – на оглушительные вскрики погребальной плакальщицы. В каждом из этих предпочтений нет ничего предосудительного, однако чувство меры забыто. И вот уже слова заболтаны, гнев становится дежурным, боевые возгласы не трогают уставшее сердце... Реально: художник встал перед выбором – быть глубоким, вдумчивым, тонким живописцем и мыслителем или выбрать путь плаката, отражающего злобу дня и живущего очень недолго, доколе этот скудный день продлится. По существу, перед нами противостояние искусства и журналистики как ремесла. Нравственные акценты тут ни при чём – речь о фактуре письма.

Среди поэтов русской провинции имя Валерия Сухова известно с конца 80-х годов прошлого столетия. В многообразном своде его стихотворений масса вещей этого первого, журналистского толка. Они наполнены страданием и нежностью к людям и родному краю, но их эскизность по прошествии времени вызывает в читателе непродолжительные чувства, «послесвечения» поэтических строк мы здесь не найдём. Хотя дневник тяжких лет России эти стихи, безусловно, пополнят.

-
- Вячеслав Дмитриевич Лютый – литературный и театральный критик, публицист, автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. В настоящее время – заместитель главного редактора журнала «Подъём». Публиковался в журналах «Детская литература», «Подъём», «Сура», «Дон», «Донской временник», «Русское эхо», «Коростель», «Наш современник», «Москва», «Дом Ростовых», альманахах «Тёплый стан», «Академия поэзии», а также газетах – «Завтра», «Литературная Россия», «Литературная газета», «День литературы», «Российский писатель». Лауреат премии «Русская речь» журнала «Подъём» за 2004 год, премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры». Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

Двадцатилетие, обозначенное хаосом перестройки, бесчеловечностью 90-х годов и робкими надеждами первых лет нового века, породило гигантскую болевую волну в нашей поэзии. Её напор пригибал к земле всё светлое, радостное и жизнеутверждающее. Без преувеличения можно сказать, что это было неуловимое дыхание смерти. Но русский дух выстоял, преодолел инерцию распада всего и вся и обьял собой до сих пор ещё прекрасный отчий простор. Теперь, возведя взор от выжженной и разорённой пяди скорбной почвы – к горизонту и затем к небесной выси, русский человек распрямился и обрёл устойчивость. А безмерная боль умалилась и заняла положенное ей в земном распорядке место. Болят раны, и вздрагивает душа, вспоминая горестное вчера. Однако это уже – признак живого, которое может быть разным, одновременно – счастливым и грустным, сильным и слабым, умирающим и нарождающимся вновь...

*Занесённая снегом Россия.
Позабитая Богом земля.
Тяжкий крест до небес возносила,
Подставляя, как плечи, поля.*

*Видно, русское нужно терпенье,
Чтобы верить под вражьей пятой:
«Это с божьего благословенья
Русь за муки назвали святой!»*

(«Терпенье», 1993)

Так и в поэзии Валерия Сухова повторяющиеся образы «поля боли», «полюны» в разных вариациях сменяются сокровенным переживанием коллизий Священного Предания: притчи о блудном сыне, жертвенности агнца, крестных мук Спасителя. Автор видит мистические приметы в бытовом течении жизни, и голос его сдержан, в нём нет надрыва, но есть мудрая бесстрастность иконописи, в особенности – сюжетов о мучениках за веру Христову.

Евангельский отблеск в стихах Сухова совсем не демонстративен. Сначала перед нами предстаёт реальность, очень точно прописанная словами, а уже затем проявляется её бытийный шлейф, как бы говоря нам: так было прежде, и смысл происходящего тогда не был понят. Евангелие предстаёт путеводителем смыслов человеческой истории и человеческой жизни. Эта позиция – одна из самых сильных в поэтике Валерия Сухова:

*Тень вздымается зыбко.
Брёвна в древней резьбе.
Чуть качается зыбка
В полутёмной избе.*

*Тянет тёплой истомой
Из овчин на печи.
Острый запах соломы.
Тусклый трепет свечи.*

*Свет лампы неяркий
Озарил образа.
У беременной ярки
Человечьи глаза.*

*Ничего не меняется
За две тысячи лет.
Божий агнец появится
Утром на свет.*

(«Зыбка», 2005)

Для поэта важнейшие понятия – материнство, вина и прощение, малая родина и Россия, перекликающаяся в своей необъятности с древним русским образом матери-сырой земли. В стихотворении «Небесные всходы» есть неявное уподобление: Русь – соединение почвы и неба. Тут вера, любовь и чувство родства сливаются в одно непостижимое для иноземца переживание:

*Чернеют сгоревшие пашни России.
В них дождик посеял свои семена.
Не зря чернозём помесили мессии –
Не хлебом единым живёшь ты, страна!*

*Свинцовую тучей нависли невзгоды.
Мы замерли на роковом рубеже.
Кто выжег до корня небесные всходы,
Взошедшие в русской наивной душе?!*

(«Небесные всходы», 1993)

В «русской наивной душе» много лёгкого и тяжёлого, она, словно большое дитя, порою не ведает, что творит. Но как у детей чисты слёзы признания в проступке, так и в нашем человеке светится огонёк раскаяния в содеянном – сначала едва-едва, потом всё более сильно и всепоглощающе...

Есенинская линия в современной поэзии представлена достаточно широко. Однако несравненный лиризм великого русского поэта, доверительность и интимность его песни под силу не каждому, кто «под Есениным ходит».

Постановка голоса, чувство дистанции между художником, предметом и читателем, спокойная уверенность в том, что слова послушаются песнопевца и лягут в единственно верном порядке на лист бумаги – эти «есенинские» свойства достаточно редки. В стихотворениях Валерия Сухова с течением лет они проявляются всё чаще и чаще.

*Пью из чаши небесной прозрачную синь.
Тень в траве побраталась с былыми веками.
Моё сердце пронзила стрелой полынь –
И прозрели глаза васильками.*

*На кургане стою, ветром горьким дыша.
Поседел я от облака пыли дорожной.
В поле боли осталась живая душа.
Обернулась она в оберег – подорожник.*

*Горьким млеком меня напитал молочай.
От татарника скулы достались косые.
Повителью сплелась материнства печаль.
Целовала роса мои ноги босые.*

*Я корнями за землю родную держусь.
Каждой жилкой в суровый суглинок врастаю.
Смерть с размаху подкосит меня, ну и пусть.
Встав травой молодой, вновь я всё наверхстаю.*

*Потому-то и песни мои от земли
Так шумят под дождём заливым разнотравьем.
Потому-то и счастлив я так от любви,
Что навеки сроднился с простором бескрайним.*

(«От земли», 2000)

Сквозь толщу наработанных тем и образов, через усталость души и утомление сердца прорастает фигура нового поэта – зрелого, умудрённого жизнью, свободно говорящего о России и русском человеке – вчера, сегодня и на рассвете завтрашнего дня.

**Владимир
КРУПИН**

ГРОМКАЯ ЧИТКА

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ

Писатели, особенно в России, самые настоящие владельцы территорий. Как Питер, так Пушкин, да Достоевский, да приставший к ним Блок. Как Москва, так опять же Пушкин да приставший Булгаков. Как Тамань, так Лермонтов; как Ялта, так Чехов. Как Рязань, так Есенин. Как Север, так Шергин. Из современников: как Воронеж, так Платонов; как Енисей, так Астафьев; как Байкал, так Распутин; как Вологда, так Белов. Можно продолжить: Дагестан – Гамзатов, Башкирия – Мустай Карим, Калмыкия – Давид Кугульдинов, Грузия – Думбадзе, Чиладзе; Молдавия – Друцэ, Чобану; Латвия – Вилис Лацис... Словом, незанятых территорий нет.

Я вот попал первый раз в Ялту, иду по набережной и сразу соображаю: да, вот тут гуляла уехавшая от мужа дама с собачкой, и тут встретил её уехавший от жены Гуров, герой повести. Реально гуляли, даже в этом не сомневаешься. Хотя ирреальны, выдуманы, сочинены, иллюзия, галлюцинация, виртуальность. Нет, в том и штука – живые. Как иначе: имеют имя. А оно даётся при крещении. Некрещёные? Тогда как им умирать? А они не умрут: им Чехов бессмертие дал. А кто он такой, чтобы людьми распоряжаться? Он – писатель. А-а, вот оно как бывает.

Первый раз был в Ялтинском Доме творчества, да ещё в таком элитно-престижном, да ещё в бархатный сезон – золотая осень – в самом начале 70-х годов уже прошлого века. А вроде так недавно, и так радостно и ярко помнится. Сам и помыслить бы не мог о таком счастье жизни, но помог очень знаменитый тогда писатель Владимир Тендряков, земляк. Я работал редактором в издательстве «Современник», и мне

-
- Владимир Николаевич Крупин родился в семье лесничего в 1941 году. После окончания школы в 1957-м работал в газете, служил в армии. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института. Работал учителем русского языка, редактором в издательстве «Современник». Первую книгу выпустил в 1974 году, но широкое внимание привлёк к себе в 1980 году повестью «Живая вода». Главный редактор журнала «Москва» в 1990–1992 гг. С 1994 года преподаёт в Московской духовной академии; с 1998 года – главный редактор христианского журнала «Благодатный огонь». Сопредседатель Союза писателей России. Многолетний председатель жюри фестиваля православного кино «Радонеж». Лауреат Патриаршей литературной премии, кавалер орденов Дружбы народов и Ф. Достоевского первой степени. Почётный гражданин Кировской области.

досталась для редактирования его книга. Редактировать знаменитого Тендрякова? Смешно! Я очень даже робел перед ним, но после первых встреч увидел, что он начисто лишён даже тени славолюбия, прост, с юмором. Я осмелился показать ему свои рассказы – составлял первую книгу. Владимир Фёдорович их прочёл и сам вызвался написать предисловие. Конечно, оно помогло рукописи продвигаться. Он-то и предложил вместе поехать в Ялту. Хотя формально я не мог претендовать на путёвку в Дом творчества: не член Союза писателей. Но его жена-красавица Наталия Григорьевна всё прекрасно устроила. Я заплатил за путёвку. Вроде и немного, но сразу скажу, что для нас с женой и это было трудно: выплачивали кредит за кооператив, но жена радовалась за меня и отказалась от покупки осенней обуви – и я купил билет и через три дня оказался в Крыму. От вокзала Симферополя троллейбусом до Ялты, там от остановки поднялся по восхитительной змееобразной дороге среди вовсю цветущей зелени, и вот предел мечтаний – я в Доме творчества.

В регистратуре спросил о Тендряковых. Да, здесь, живут на втором этаже. Он каждое утро бегаёт к морю. Оказывается, они говорили им обо мне. Что приеду, что хотя я и не член Союза писателей, но писатель. Мне уже выделено место жительства. Не апартаменты, а служебная комната с маленьким окном, выходящим во двор. Кровати нет, только диван. Но это для меня был такой восторг! Стол есть. Что ещё писателю нужно: голову с собой привёз, не забыл.

В комнате громко работало радио. «Мицно время двенадцать годин, двадцать хвилин», – услышал я. А вскоре радио поведало, что «погода буде хмарна, без опадив». Радио, чтоб не мешало, выключил.

Прежний житель этого помещения, сантехник, высокий и белокурый, был первым моим знакомым в Доме творчества. Он особо со мной не церемонился, да и я с ним.

Познакомились.

– Александр, – сказал он, – с утра Сашкой звали. А здесь вообще Сашок. Сашок и Сашок. А уже тридцать пять. А за что тебя сюда загнали? Со мной сравнивали. За меня не переживай, у меня в городе комната в коммуналке. Не могли тебе номер дать?

– Мордой не вышел.

– Но ты разрешишь иногда зайти, пересидеть полчаса?

В дверь постучала и вошла дежурная:

– Сашок, на тебя заявка. С кухни. Срочно. Позвоню, что ты уже идёшь. – И исчезла.

– Беру под козырёк, – отвечал он ей, а для меня добавил: – Что бы у них было, когда бы не было меня. И солнце б не вставало. Иду! – Потянулся. – Эх, не пора ли нам пора делать то же, что вчера. – И мне: – Принимаешь? Вечером посидим? А? Земеля! Душа винтом! Тут у меня и стакан свой персональный. И один запасной. Пользуйся. Не давай им простаивать.

– Ни в коем случае! – твёрдо ответил я. – Я приехал работать!

– А кто не даёт? Работай! Но и жизнь не упускай. А то жизнь пройдёт, и жизни не заметишь. Работа! С работы кони дохнут. Молодой, успеешь нагорбатиться.

– Ни за что! Пить и в Москве можно...

– И нужно! – вставил Сашок.

– Я с таким трудом вырвал время для работы. Нет, Саша, не соблазняй.

– Ну, смотри, а я, как пионер, всегда готов.

ТВОРЧЕСКИЙ РЕЖИМ

Конечно, хотелось скорее увидеть наставника, как я про себя называл Тендрякова, но не посмел беспокоить. Я уже знал, что он человек железной дисциплины. Несомненно, работает. Он сам перед обедом меня нашёл. Осмотрел мою келью, проверил, есть ли в кране вода, посмотрелся в зеркало над раковиной, хмыкнул, одобрительно глянул на стол, на котором я уже поставил пишущую машинку, разложил бумаги.

– Всё! Жить можно! Идём обедать. Место тебе мы заняли, сидим за одним столом. Втроём. Я четвёртого просил не подсаживать: лишние разговоры.

На крыльце ждала Наталия Григорьевна. С Владимиром Фёдоровичем исключительно все здоровались. В том числе и знаменитости, известные мне по книгам. Но он особо в разговоры не вступал. Пришли по дорожкам меж цветников из главного корпуса в обеденный. Просторный обеденный зал ресторана был полнёхонек. Полон приятной музыки, которая звучала поверх разговоров, звяканья ложек и вилок.

Во время обеда Владимир Фёдорович объявил мне мои обязанности:

– Ни с кем не останавливайся, в разговорах не вязни, никаких шахмат, никакого бильярда, никакого трёпа, никакого всякого остального! Позавтракал – бегом за стол! Краткая прогулка – опять за стол! Пообедал – спать на час-полтора: кровь после обеда должна быть в желудке, а не в голове. Проснулся – за стол! Только так! Каждый вечер тут кино, фильмы возят с закрытых показов, но не увлекайся, ничего это не даёт. Ну, увидишь постели, драки – и что?

– Володя, – вставила слово Наталия Григорьевна, – сегодня «Гений дзюдо».

– Да, это надо, – согласился Владимир Фёдорович, – увидишь, как победы достаются. И – никакого любования морем: не курортник – ломовая лошадь. Но с утра, – он назидательно вознёс указательный палец, – до завтрака бежим к морю и заплываем. То, что ты умеешь плавать, не сомневаюсь: ты парень вятский.

– Володя, – попробовала остановить его жена, – через неделю – ноябрь. Это ты такой ненормальный, а ему зачем?

– Тоже для работы, – хладнокровно отвечал мой наставник. – Да, и ещё: питайся как следует, здесь кормят от пуза...

– Володя!..

– А что, неправда? Тут осенью самый цвет из всех республик, сплошные ходячие памятники. Номенклатура. Литфонд старается всех ублажить. В общем, налегай на калории. Надо голову питать. От писательства устаёшь больше, чем от физической работы. Там землю покопал, лес повалил, шпалы поукладывал, на тракторе посидел, поел – и спать. И голова свободна. У нас она работает даже не в две-три смены – круглосуточно. Или у тебя не так? Ты ночью вскакиваешь что-нибудь записать? Да? Тогда всё в порядке. И вскакиваешь, и просыпаешься уставший. Вот почему надо взбадривать себя купанием и поддерживать питанием. Значит, так. Заканчиваю инструкцию: в шесть пятнадцать ты одет, обут, хотя можешь и босиком бежать...

– Володя!

– Одет, обут, уже в плавках, сухие трусы и полотенце под мышкой, стоишь у выхода. Через секунду я выскакиваю, и, ни слова не говоря, с места бегом к морю, к водным процедурам. Молча. Каждый думает о том, на чём вчера закончил работу, и о том, с чего сегодня начнёт продолжать. Дышать

носом, выдыхать ртом. Не уставать, не отдыхать. Прибежали – сразу в воду. Заплыли – выплыли, растёрлись – обратно. Если за мной не будешь успевать – ничего страшного, отставай, придёшь один: дорогу знаешь. На завтраке два-три слова и – по коням! Ни с кем не разговаривай, знакомств не заводь. А то классики любят при себе молодых держать. Чтоб их жён на прогулку выводить, да для них за мороженым бегать.

– Володя!

– Всё! – скомандовал учитель. – Иди! Садись за стол! Не пишется, всё равно сиди. Не смей из-за стола вставать. Дверь не закрывай, ибо могу прийти проверить, работаешь или нет.

Что было возразить? Конечно, он никогда не проверял и ни о чём не спрашивал. А Наталия Григорьевна, чувствуя мои страдания, утешала:

– В следующий раз приезжайте с женой. И всё пойдёт. А в Москве приходите с ней к нам. Писательская жена – это жена самая страдающая. Писателю, когда он работает, всегда ни до кого. Дело писательской жены одно – не мешать мужу, скрываться с его глаз. Но в нужное время быть рядом. Как угадать это нужное время – это главное. Тут никто не поможет.

ВТОРОЙ ЗНАКОМЫЙ

Пошёл в свой малооконный рабочий кабинет. И тут же нарушил запрет учителя: ни с кем не знакомиться. Не по моей вине меня перехватил писатель из Западной Сибири. Он, оказывается, бывал в нашем издательстве и там меня видел. Сергей. Да и я, вроде, тоже. Старше меня, уже с книгами, уже член Союза писателей. Поджарый, энергичный.

Сразу, с ходу попросил меня взять на редактирование его рукопись.

– Давай на ты, чего там церемониться: одно дело делаем. Прошу: веди мою книгу. Я бабам не очень верю. Они как корректорши – это неплохо, а когда лезут в текст, так прямо как в душу. Да они все у вас городские, причём блатные, дочери всяких секретарей Союза писателей. Разве не так? Что они, голодали, что ли, со мной в моём детстве? Что понимают в жизни? Жили с пайками, не мёрзли.

Этот Сергей знал про моё издательство больше, чем я. Это вообще при- сущее провинциалам. Сплетни и новости московские им – более, чем москвичам – всегда ведомы. Так что, уехав из Москвы, попал я на московские разговоры. На мою беду, этот Серёжа приехал в Ялту ещё и с капитальцем. Откуда денежки, не скрывал.

– Я пробил договор под соцзаказ. Аванец приличный. Так что пора пропивать. Помогай! Ты первый день? Я неделю уже, тут выпить не с кем. Сам с собой понемногу поддаю. Тут всё гении ходят, сплошь суперклассики. За версту величием тянет.

– А с этим сантехником не пил?

– Да как-то в рассуждение даже не брал. А о чём с ним говорить? Знаешь ведь анекдот: двое ловят третьего, взяли штуку, расплескали. Третий утёрся, говорит: «Ну всё, парни, побежал». – «Куда? А поговорить?» Пьём-то ведь не для пьянства – для общения. О, слушай, пока не забыл. Про второй фронт. Они же, Черчилль и Рузвельт, разве нас любили? Жди! Ненавидели. Дождёшься от них. Выжидали, кто кого свалит. Только после Сталинграда сообразили, что и без них обойдёмся, стали шевелиться. А до этого вот анекдот. Фронтовой. «Ну, как там второй фронт?» – «Да вроде немножко прочерчилевается. Но пока всё безрузвельтивно». Вот русский язык. Только нам и понятно. А расскажи китайцу – не поймёт, японцу там...

И слопал у меня этот Серёжа часа полтора. И спросить было неудобно, зачем он в Дом творчества приехал. Анекдоты травить? Знал он их массу. И знал, например, что председатель правления Союза писателей России Леонид Соболев часто ходил к Хрущёву, и тот всегда ждал его со свежими анекдотами. Ну, однажды он Никите не угодил. Тогда же был лозунг «Догоним и перегоним Америку» по всяким показателям.

– Да, – поддержал я, – на токарном станке работал, назывался «ДИП-200», то есть догоним и перегоним.

– Ну, вот именно. А Никите говорят: «Догнать можно, перегонять нельзя». – «Почему?» – «Голую задницу увидят». А в бильярд сгоняем?

– Серёжа, не могу... – И тут я соврал: – Мне надо ещё обязательно на почту. Домой позвонить. (Хотя, честно сказать, собирался не звонить, а сидеть над рукописью. Звонить вечером.)

– Я с тобой. Тоже давно не звонил. Тут – я покажу – по дороге к морю, не доходя до бульвара, есть автомат. А рядом газетный киоск, деньги меняют. Телефон и в Доме творчества есть. Но он занят постоянно. Ты послушай их разговоры: Сёмочка, не забывай гаммы, Сёмочка, не забывай тёплый шарфик. Сёмочка, ты помнишь свою бабушку?

Что ты будешь делать? Пошли звонить. По дороге он ещё угощал анекдотами, в основном «чапаевскими».

– «Василий Иванович, – говорит Петька, – белого в плен взяли. Знаешь, как я его пытал?» – «Как?» – «Вечером напоил вусмерть, утром опохмелиться не дал». – «Садист ты, Петька». Да, вот тебе политический: Ленин показал, как надо управлять государством, Сталин показал, как не надо, Хрущёв показал, что государством управлять может каждый, Брежнев показал, что государством можно вообще не управлять.

Позвонил домой. У них холодно. Отопление пока не включили. Дочка простыла, сидит дома. «О нас не беспокойся, – сказала жена, – у нас всё хорошо. Работай».

Серёжа пошёл в «разливу», уличную пивную, но не пивом торгующую, а вином в разлив.

– «Ленин в Разливе». Помнишь такую картину? Там с ним Зиновьев был, говоря по-русски, Апфельбаум.

ВЫШЕ УРОВНЯ МОРЯ

В общем, я вернулся в свою комнату, сел за стол и понял, что не напишу ни строчки. Даже не из-за Сергея. Что-то сразу не пошло у меня. Может, оттого, что встретились несколько знаменитостей. И пришлось поздороваться. Тут уже я сам вспомнил не анекдот, а историческую быль: Павел I пригласил Державина на приём в дворцовую библиотеку и, указывая на бесчисленные шкафы с книгами, сказал: «Вот ведь, Гавриил Романович, сколько уже написано, а всё пишут и пишут». Что Державин ответил, не знаю. Наверное, вроде того, что: «Они ничего другого делать не умеют».

И я решил посетить библиотеку Дома творчества. Это и Владимир Фёдорович не запретит. В библиотеке не было никого. Ну, конечно, позавтракали творцы, сидят, молотят. А их продукция – вот она. Огромный отдел книг с автографами бывавших здесь писателей и поэтов. Подумал: может, когда и моя книга тут будет? И тут же, охлаждая сию мечту, высветился вопрос: «И что это изменит?» Эти сотни томов, толстых и тонких, что изменили? Тоже, небось, дерзали вразумить человечество.

Походил по территории, вышел за неё, поднялся повыше. Долго искал точку, с которой пространство было бы ничем не закрыто – всё сплошь заросли деревьев и кустарников. Поднялся к огромной крымской сосне – я её издали заметил. У меня в Вятке соснам нет такого простора, чтобы, совершенно не думая о других, распространять свои ветви, занимать ими свет и воздух. Там сосны как свечи. И называются они корабельными. А эта сосна, развалистая, разлапистая, других к себе не подпускает. А какие шишки на ней ближе к вершине открылись! Тут же решил обязательно сорвать одну на память.

Лазить по деревьям – дело знакомое. Покарабкался. Конечно, посадил на рубахе и на брюках пятна смолы. Ладно, не на танцы ходить. Сверху всё более открывался морской горизонт. И расширялся обзор на горы, которые казались всё выше, а море отодвигалось, распахивалось и тоже вздымалось.

А огромные шишки росли не у ствола, а на концах ветвей. Хотя ветви были толстенные, появилось опасение, что они подо мной хрустнут. Но будь что будет. Решился. Выбрал одну, толстую, крепкую на взгляд, и пополз по ней. Ветвь покачивалась, но держала. Желанная шишка близилась. Я поглядывал вдаль, на корабли и лодки, и вдруг взглянул вниз – даже голову крутануло: как же я высоко! Передохнул. Стал откручивать шишку, будто отлитую из осенней бронзы. Пока откручивал, решил сегодня же послать её дочери. Смолистый запах убьёт простудные бактерии, дочка выздоровеет. Да и полюбуется.

Открутил, засунул под рубаху. Полез обратно. Пятиться, потом ползти вдоль ствола вниз было труднее. Но справился.

Зашёл в номер, взял деньги и отправился вниз, на почту. По дороге набрал ещё ягодок с шиповника, мелких ярких цветочков, веточку можжевельника. На почте купил коробочку, всё в неё уложил, черкнул записку, закрыл. Когда коробочку завернули в белую бумагу, написал на ней адрес. Коробочку взвесили и присоединили к другим посылкам. Моя была самая маленькая.

И ещё не утерпел, пошёл к телефону, по которому недавно звонил. И дозвонился, и услышал родные голоса: «Не звони, не волнуйся, не трать деньги, у нас всё хорошо».

Прошёлся по набережной. И – смешно – увидел нескольких дам с собачками. Вот как литература заразительна. Ходили же в Петрограде блоковские «незнакомки» с чёрной розой в волосах. Утверждали, что это именно они и есть.

Вернулся в Дом творчества. Время обеда. И обед прошёл. Владимир Фёдорович ни о чём не расспрашивал. Видно было: весь в работе. В номере я даже за стол не сел. Лёг спать. И спал до ужина.

А потом пошёл в кино. Гений дзюдо меня мало утешил. Только и запомнилось, как он учился у кошки становиться на ноги. Он берёт кошку за четыре лапы, поднимает и отпускает. Она в воздухе ловко переворачивается и приземляется на все четыре. И песня лезла в голову, жалостливая, из другого фильма: «У кошки четыре ноги, позади у неё длинный хвост. Но трогать её не могли за её малый рост, малый рост».

ВСЁ ПО РАСПИСАНИЮ

И потекли «творческие» дни. Утро. Бежим к морю. Молча. Прибегаем. На весь берег мы одни такие ненормальные. На нас даже смотреть приходят. Они уже в куртках и осенних пальто.

Наставник учит:

– Разделся – не сидеть. Вспотеешь – может просквозить. В воду! Сразу! Сколько можешь, проплыви. Обратно. Растирайся до красноты. Оделись – сразу бежать. Смотри, дышишь плохо, неровно, судорожно. Дыхалку тренируй. Выдыхаешь носом: раз-два-три-четыре, выдыхаешь ртом: раз-два. В армии гоняли?

– Ещё бы.

– Основа есть. Здоровье для писателя – первое дело. Что ты напишешь, когда весь в соплях?.. Ну, побежали.

И обратно молча бежим. Конечно, медленнее: в гору.

Там завтрак, там тупое сидение за столом. То, что собирался делать, стало почему-то неинтересным. Привёз и заготовки, черновики. Перебираю – ничего не хочется доводить до ума. Одно дело делал: три дня читал и писал рецензии на привезённые рукописи. Крепко забил голову текстами рукописей о рабочем классе и колхозном крестьянстве. А также о счастье прихода в Россию революции. Что делать – это мой заработок. Отсылал их бандеролью в издательство. Звонил, конечно, домой. Жена жалела, что много прозваниваю. Но я без их голосов не мог. Посылочку мою они, к моей радости, через два дня получили. Шишка крымской сосны стала украшением стола на кухне. Этот факт я лично сам рассказал «своей» сосне, к которой любил подниматься.

Но – хоть стреляйся – не писалось. Для настройки на работу перечитал, сидя у сосны, «Капитанскую дочку». Ничего не настраивалось, только понял своё ничтожество. Так же мне не написать.

Ходил по набережной. Поднимался по канатной дороге на самый верх над городом. Уходил повыше, находил место потише, дышал простором. Посещал и библиотеку, там всегда никого не было. Спокойно, светло, много окон. Пролистывал книги с автографами авторов, написанные именно здесь. Ну, так-то, как они, может, и напишу, но зачем, если только так?

Владимир Фёдорович сидел в своём номере безвылазно. Вечером они уходили гулять. Иногда и меня приглашали. Он тогда писал повесть «Ночь после выпуска». И ещё статью для «Правды» о бригадном подряде. Его возмущало, что бригады южных людей – армян, молдаван, гуцулов – перебивают заказы у местных мастеров на строительство. А начальство местное нанимает приезжих, оправдывая это тем, что приезжие работают быстрее. Всё так, но у местных ещё и свой дом, домашнее хозяйство, дети. А платят им меньше, чем приезжим. Почему? Те работают аккордно, по договору, у местных зарплата или трудодни. Как ни работай, больше не заплатят. А ещё в минусе то, что приезжие могут и подхалтурить, где-то понебрежничать, для скорости могут, как выражаются строители, шурупы не ввинчивать, а заколачивать, как гвозди. Сверху глядеть – красиво, а внутри – разорванная резьбой древесина, удобная для загнивания. Много всего. Стены кирпичные кладут, торопятся, экономят. Кладут в один кирпич, да не в горизонтальный – в вертикальный, другой ряд, параллельно, так же, а пустоту засыпают чем угодно. Разве сохранит тепло такая стена?

Это мы с ним, как люди сельские, знали досконально и обсуждали со знанием дела. Он вообще считал, что аккордная оплата труда поможет поднять колхозы.

– Почему же не свои зарабатывают? – возмущался Владимир Фёдорович.

Утренние пробежки соблюдались неукоснительно. Дождь не дождь – бежим. Однажды утром с нами побежал и Сергей. Но только один раз.

На берегу сказал, что в воду не пойдёт, у него от холода сводит икроножные мышцы. Потом, когда вместе шли на завтрак, объяснил:

– Я эту группу икроножных мышц надорвал, когда занимался бегом на короткие дистанции. Я спринтер, – объяснил он, – человек рывка. А тут надо стайером быть. Я и пишу так. С низкого старта резко – и пошёл-пошёл до финишной ленточки. Я тут – тебя ещё не было – повестушку намахал за неделю. Прямо на машинке настучал. Там, у себя – я тебе рассказывал – соцзаказ через обком выбил. Лозунг: «Всем классом на ферму!» Поддержка призыва партии. То есть выпускники не в институты едут поступать, а остаются в колхозе. Тут и сюжет. Одна девчонка у меня говорит: «А я хочу врачом быть». А парторг: «Кто же тогда будет поднимать отстающие колхозы? – И так ей отечески: – Ты всё успеешь, ещё молодая, поработай для познания жизни два года». А в городе идёт движение: «Всем классом на завод!» Там другие проблемы: борьба сознательной молодёжи со стилистами, фарцовщиками.

– А ты напиши ещё: «Всем классом в литературу!»

– Ладно, не поддевай, – отмахнулся он, – я ж только для заработка. Для души я тоже делаю, давно строгаю одну вещь, но, – он постучал костяшками пальцев по перилам крыльца, – тьфу-тьфу, не сглазить, не буду разглашать.

КАТАНИЕ ШАРОВ

После завтрака он всё-таки затащил меня в пустую бильярдную. И я согласился сгонять партию. Проклинал себя: нарушаю запрет учителя, но и оправдывался перед собой: всё равно же не пишется. И надо же акклиматизироваться.

Сергей меня, конечно, обстучал. Хотя к концу партии мои руки и глаза, наверное, вспомнили, как, бывало, играл в клубе нашей части, пару-тройку «чужаков» от двух бортов в среднюю лузу вогнал. Что называется, разогрелся. И сам предложил:

– Давай ещё одну.

Уж очень хороши были здесь шары, медово-жёлтые, из слоновой кости, стучали друг о друга как-то по-особому, не звонко и не глухо, а чётко, как будто команду отдавали. Армейские были так избиты, с такими выщербинами и так самостоятельны, что сами решали, куда им двигаться после пинка кием, могли и свернуть от приказанного направления.

Во время второй партии Сергей доверил мне свою заветную мечту: переехать в Москву. Мечта эта была вполне осуществима. Надо было просто жениться на москвичке.

– Смотри, – сказал он, – ты этих писателей всех знаешь, даже фамилий не буду называть. Они там у себя, в областях, делали первые шаги, чего-то добивались, в Союз вступали, потом с жёнами разводились, а в Москве женились. Из Петрозаводска, из Архангельска, из Оренбурга, Барнаула, Иркутска, Кургана, Кирова... Да ты их знаешь. И дела у них пошли. Даже не оттого, что ближе к кормушке, в Москве же общение, жизнь кипит. В провинции задохнёшься, я тебе говорю. Болото. А вражда! Десять членов союза – три партии. Вон и у Чехова сёстры кричат: «В Москву, в Москву!» Я зимой путёвку в Переделкино возьму. Там близко ездить до центра на электричке. У меня и намётки есть. Пару редакторш в издательствах присмотрел. Они, я по глазам чувствую, не против.

– Переспать с тобой?

– Нет, по-серьёзному. Да вот хоть и в твоём издательстве. Вот эта, которая у меня редактор. Немножко в годах, но годится.

– Ты же говорил, не хочешь, чтоб книгу баба вела.

– Так то книга. А тут жена.

– И квартира?

– И это надо. Или готовая, или кооператив.

– Но твоя-то жена как? Теперешняя? – В этом месте я заколотил в угловую. И, примеряясь к новому удару, заметил: – У меня все друзья женаты один раз.

Ударил. Промазал.

Сергей вытер тряпкой набелённые мелом пальцы.

– Понимаю. Тут же задаю ответные вопросы: а если женился по пьянке? А если дура оказалась? А если жить негде, коммуналка? Мне же писать надо! Если Бог талантом наградил, значит, надо реализовать. Так? Или не так? А если нет условий? Тёща сволочь, тесть пьёт и пилит. А если загуляла? А если ребёнка не хочет?

– И это всё одна?

– Нет, это варианты. У меня другое: у меня глухое непонимание, чем я занимаюсь. Ни во что не ставит. Напечатаюсь, показываю. Она: «А сколько заплатят?» Ты бы стал с такой жить?

– Так ведь и меня пилит. Если с парнями с гонорара выпью. А кого не пилит? Такая у них обязанность. Вчера перед кино случайно услышал, как этого... знаменитого, на втором, блатном этаже живёт... да знаешь, о ком говорю.

– Знаю. И что? Баба пилит? Так она у него третья. Я на второй остановлюсь. Только надо всё рассчитать.

– А как же любовь?

– Любовь? А что важнее: любовь или литература? Искусство поглощает целиком. Меня крепко вразумил один матёрый, ты должен его знать, Фёдор Александрович. Говорит: «Ты хотел быть писателем?» – «Да». – «А зачем женился? А если женился, зачем ребёнок? Ты – писатель!» Но мне-то вначале надо в Москву переехать. Там решать. Нельзя время упускать, надо в литературу по уши, по макушку завинчиваться. Старичок! Навсегда сказан афоризм: кадры решают всё. А для писателя что есть кадры? Окружение. Оно его вытащит, как свита короля.

Тут я благополучно и аккуратно закатил подряд три шарика и вышел в лидеры второй партии.

– Ещё? – раззадорился Сергей. – А? Третья, контрольная!

– Боюсь в разгон пойти, – отказался я. – Я человек заводной. Контрольную давай отложим. У тебя два тут срока пребывания, у меня один. Вообще давай считать, что ты победил.

Да, бильярд с его сверкающими на зелёном бархате шарами мог и затянуть. Да и все другие игры, в которых Сергей был мастер.

– А партийку в шахматы, а?

– Я в них не мастак, знаю только, что конь ходит буквой «гэ».

– Я тоже так: е-два, е-два.

– «Шахматы – они вождам полезней», – отвечал я словами Маяковского.

– «Нам бильярд отращивает глаз», – продолжил Сергей. – Нет, шахматами не пренебрегай. Смотри, евреи далеко не дураки. Если им неохота землю пахать, стали умом зарабатывать. Чемпионы сплошь они. Карпов только резко возвысился, да ещё раньше Алёхин. Но шахматы – это комбинации, они комбинаторы. У них Остап Бендер – икона.

Больше в бильярдную я не ходил. А партнёром Сергея стал старичок-драматург, Сергей звал его Яшей. Известный, кстати, драматург, который кормился идущими в театрах на периферии «датскими» постановками. Датскими, потому что к датам: Новый год, 8 Марта, Первомай, Октябрьская.

Но у них с Сергеем игры были на деньги.

– Я его заставляю платить, – говорил Сергей. – Ишь, устроился: шары катает, а ему денежки каплют. Или капают? Что в лоб, что по лбу. Евреи, где можно деньгу сшибить, тут они. Я в нашем областном театре делал инсценировку, ходил туда, читал им для труппы. Роли уже даже расписывали. И что? Конечно, не поставили. Они и знали, что не поставят. Это я, Ваня такой, меня легко обмануть. Нет, они чужих не кормят. Много ли русских ставят? Чуть-чуть Шукшина да Вампилова перед смертью. Отомщу, обставлю. Яша силён. Запрещает по отчеству называть. Худой, вроде еле живой, а привык по Домам творчества ездить, везде же бильярды, наблатыкался. Начали с рубля. Его, чувствую, затянуло. Пока я в минусе. Но это я его заманиваю.

ПРИГЛАШЕНИЕ В СФЕРЫ

Так как меня и в ресторане, и в кино видели всегда с Тендряковым, то и со мною стали здороваться. Вот интересно, властями Тендряков обласкан не был, а знаменитость его превышала многих со званиями и наградами. Что ни говори, а в писательском мире существует свой гамбургский счёт. Здесь, в Доме творчества, был на отдыхе даже писатель – Герой Социалистического Труда. Таких в Союзе писателей было всего несколько. В обиходе таких героев называли Гертруда. Но это же женского рода. Правильнее было говорить Гертруд. Наш Гертруд нигде почти не показывался. А и он, я заметил, считал за честь пообщаться с Владимиром Фёдоровичем.

Сказал к тому, что однажды мы шли с завтрака, и, чего раньше не бывало, Владимир Фёдорович спросил:

– Ну, как идёт дело?

– Да трудновато... – в замешательстве ответил я.

– Это очень нормально. Иначе как? Надо, милый ты мой, сто раз перемучиться, пока пойдёт. Может, что считаешь нам с Наташей? Из готового?

– Ой, нет, ничего не готово, – я всерьёз испугался и скрылся за авторитетом: – Хемингуэй писал о себе: «Я стал читать незаконченный рассказ, а ниже этого нельзя опуститься».

– Ладно, не опускайся, – засмеялся Владимир Фёдорович.

Тут нас тормознул классик одной из южных республик. Иона Маркович. Он на завтраки не ходил, завтракал в номере. Ему персонально привозили продукты из его республики. В том числе и вино.

Раскланялись.

– Владимир Фёдорович, позвольте попросить вас о большом одолжении.

Посмотрел на меня, протянул руку. Я представился. Понятно, что он, при его известности, мог и не представляться. Он притворился, что слышал обо мне.

– Владимир Фёдорович, мы на местах, у себя в республиках, конечно, отслеживаем настроения в Москве. И видим явные повороты в сторону поощрения фронтовой и деревенской темы. Астафьев, Ананьев и Бондарев, Бакланов, Быков – все на «бэ», – улыбнулся он, – фронтовая плеяда, вы, Троепольский, Абрамов, из молодых – Белов, Распутин, Лихоносов, Потанин, Личутин, Краснов, Екимов – деревенская смена фронтовиков. Это всё,

так сказать, компасные стрелки генеральных линий. Очень правильно! Хватит нам этой хрущёвской показухи!

– Хватит! – весело согласился Владимир Фёдорович.

– Да! И особенно пленяет ваша смелость в изображении теневых сторон современности, нелицеприятный показ...

– Ладно, ладно! – прервал Владимир Фёдорович. – Чем могу служить?

– Видите, нас всегда вдохновляла русская литература.

– И что?

– Я ведь тоже из сельской местности. Не совсем. У меня отец партработник, так что жили в центре, но я часто бывал у бабушки и дедушки. Они держали гусей и доверяли мне сопровождать их до речки...

– А в чём просьба? – опять перебил его Владимир Фёдорович.

Я понимал, что ему не терпится сесть за стол.

– Короче говоря, я тоже решил писать в полную силу правды, ведь сколько мы пережили, надо успеть зафиксировать. Короче: послезавтра собираю близких людей, чтобы прочесть то, что пишу, и попросить совета. И очень прошу удостоить честью. И вас, – адресовался он ко мне, – тоже. Послезавтра.

– А чего не сегодня, не завтра? – спросил Владимир Фёдорович.

– Но надо же приготовиться, заказать, чтобы привезли кое-что для дорогих гостей.

Так я благодаря учителю был приглашён в общество небожителей. Класик Иона Маркович перечислил званых: все сплошь знаменитости, плюс два главных редактора толстых журналов, плюс Герой войны, маринист. Плюс два критика – как без них? Но, видимо, придёт из них кто-то один: они из враждующих лагерей.

СПЕЦКУРС КРИТИКА

Одного критика я вскоре узнал лично. До этого знал заочно. Его все знали: со страниц не слезал. Писал, как о нём говорили, широкими мазками. Оперировал всякими амбивалентностями. И был до чрезвычайности смелым, ибо требовал от писателей смелости. Прямо Белинский нового времени.

Он сам, оказывается, что-то у меня прочёл, знал, что предисловие к моей первой книге написал Владимир Фёдорович, всё знал.

– Ты молодец, – похвалил он меня, – молоток! Держись за Тендюка. Локомотив. Вытянет.

Конечно, он был уверен, что я взялся редактировать книгу Владимира Фёдоровича только для того, чтоб сорвать с него предисловие. Увы, в этом мире никто не верит в бескорыстие.

Критика звали Вениамин, Веня. Своё критическое кредо он изложил мне, поучая, как надо жить в мире литературы. Вообще, интересно: меня всегда все поучали. Может, я такое впечатление производил, недотёпистое. И в Ялте ведь избегал разговоров, знакомств, а он меня отловил. Сам виноват: неосторожно пришёл в кино задолго до начала. Он взял меня под руку и, вода по дорожкам среди цветников, напористо вещал:

– Слушай сюда. У нас семинар Золотусский вёл, учил: чтобы вас заметили, надо быть смелым. А как? А так: не бояться ни званий, ни регалий того, о ком надо резать правду-матку. Чем знаменитей объект критики, тем заметней критик. Понял, да?

– А ты резал? Правду-матку. Или ещё не дорезал? – отшутился я.

– Тут не хиханьки-хаханьки. Тут борьба. Тут всякие приёмы годятся.

– То есть вольная борьба?

– Ещё какая!

– Какая?

– Вот у меня статья написана о старшем поколении, резкая, честная. Сколько можно этим старпёрам в литературе командовать: все должности захватили, премии делят, карманных критиков-лизоблюдов при себе держат, прикормили. Нет, так нельзя! Я режу... до каких пор? Вот в этом заезде два главных редактора пузом вперёд. Я и того, и другого в статье уел. Им не прочихаться. По блату у них всё. Свой круг авторов, свои акценты. А как прозаики они кто? Какого размера? Ну да, что-то было. Было – прошло. Пора место знать! О, эта статья наделает шуму. Я её ещё зимой в Малеевке начал, потом летом в Коктебеле продолжил. Сейчас доколотил. Но вот тут главное. Слушай. Если бы тут третий редактор был, я бы именно ему статью отдал. А тут они оба, на кого я нападаю. Как поступить? Что я делаю? Учись. Вырезаю из статьи всю критику на того редактора, кому отдаю читать. Ему нравится: ещё бы, его не трогаю. Он говорит мне: «Ты молодец, правильно их отхлестал. Напечатаю. Но этот год у меня расписан, начало того тоже занято. Давай поставлю на март-апрель». На март-апрель, как тебе нравится? Ну?

– И что?

– Как «и что»? Начало ноября сейчас. Полгода ждать.

– И что? Читать же не разучатся.

– Нет, юное дарование, ты ещё далёк от понимания процессов. Так вот, я благодарю его, а сам в рукопись обратно всю критику на него возвращаю, а вырезаю критику на другого редактора. И тоже отдаю читать. Читает. И тоже – довольнёхонек! Говорит: Веня, срочно в номер! Идёт в двенадцатом. Бомба!

– А как ты с первым-то будешь потом встречаться?

– Да никак! Начнёт меня поносить, я тут же реплику: господа, я в подковёрные игры не играю, живу с открытым забралом. Нет, старичок, пора нам валить этот дурдом в Союзе. Ты хорошо начал, не останавливайся, набирай очки. Я тебя по «Сельской молодёжи» заметил, Попцов молодец, тянет парней, заметил тебя, вы там с Прохановым начинали.

– Проханов раньше.

– Так он и постарше. Он будь здоров, парень моторный! О конфликте на Даманском крепко написал. Уже ему и страны мало, уже из Кампучии репортажи. Спецслужбы на него поставили. И ты смотри, будь зорче. Литература – это такое дело: слопают и костей не выплюнут. Это же шакалы.

– Кто?

– Писатели! Ты чего под дурака косишь?

– Ну нет, тут я не согласен.

– Да пожалуйста, блажен, кто верует, – веруй. Схлопочешь пару измен от заклятых друзей, поумнеешь. Литература, брат ты мой, круглый стол с острыми углами, не я первый сказал. Садятся за стол и локти пошире раздвигают, чтоб никто рядом не сел. Держись за меня, я сколачиваю поколение на смену мастодонтам. Готовлю прорыв. Уже и семинар веду в Литинституте. Ко мне молодые рвутся. Чувствуют, где направление главного удара. Ты давай тоже начинай посещать. Я и Селезнёву помог из Краснодара переехать. Подтягиваю силы. Надо в стенку сбиваться. У них, смотри, всегда бригадный подряд, все братья: братья Стругацкие, ну, эти ещё ничего, братья Вайнеры. А в критике с нашей стороны вообще завал. Не всё же нам на Лобанова, Лакшина, Ланщикова надеяться. Надо крепче врага теснить.

Примерно как «Новый мир» и «Октябрь» сцеплялись. Кочетов молодец, но его количеством задавили.

К нам подошёл Сергей. Конечно, они-то были давно знакомы. Тем более критик Веня как раз был из тех, кто приехал в Москву из провинции, то есть мог Сергею пригодиться.

– Ареопаг в сборе, – заметил Веня.

Пошли. Но в вестибюле я отстал от ареопага и вернулся на улицу. Ходил по периметру дома, потом зашёл в номер, собрал исписанные листки, поднялся к своей сосне и сидел до темноты.

Так уже бывало. Меня угнетало то, что живу тут в такой благодати и не работаю. Просто ужасно – никакой продукции. Напишу строчку – зачеркну. Ещё напишу – ещё зачеркну. Доехал страничку – скомкал. Но не выбросил. Копил похеренное для прогулки к сосне. Там, на чистом местечке, сжигал свои черновики. Подкладывал сухих веточек, глядел на огонь.

...И САШОК ПРИХОДИЛ

Ежедневно виделся и с Сашком. Он вообще был деликатен и если заставал меня за столом, то тут же поворачивал. Если же я лежал на диване, а лежал я часто, то присаживался и развлекал. Все его истории были о теневой стороне жизни обитателей Дома творчества.

– Соню знаешь? Старшая официантка.

– Нет.

– Ну, увидишь. Из отпуска скоро придёт. Она и сейчас ещё очень ничего. А раньше вообще. Что ты! Королева красоты, цветок невинности! Идёшь вечером в город, её уже угощают в лучшем ресторане. Я ей как-то говорю: «Чего ж ты у себя-то не ужинаешь?» Говорит: «Я и с тобой могу поужинать. В состоянии? Веди». Смешно: «веди». На мои трудовые? Хотя и подкидывают, конечно, но ведь семья. А если что другое надо – пожалуйста. Меня в любую постель затащат.

– В любую? Врёшь.

– Да, вру, – усмехнулся он, налил и выпил. – И про Соню соврал, фантазия. Это я от обиды ляпнул – отринула. А этим жёнам чего? Мужья горбятятся, лысеют, а им что? Какие на веранде сидят, вяжут, какие языками плетут, какие на лежаках у моря. Я по вызову прихожу, сразу понимаю, в чём проблема.

– Не надо, – перебивал я, – Сашок, сантехника – это хорошо, но заведи хобби – перо и бумагу: ты столько знаешь неизвестного о тайнах Мадридского двора, да ещё и присочинить можешь. Такие записки драгоценны для потомков. И спрос на них растёт.

– Нет, – отвечал Сашок, – я в этом не волоку. Да и зачем? Я мужик, я всё могу. Я до города в селе был, понимаю и сад, и поле, за скотиной ходил. И в городе не пропал. А на этих гляжу: здоровенные мужичины, на них пахать надо, а они сидят целый день как кассирши: тык-тык-тык, чирк-чирк. Мне даже и книги когда дарят. Я гляну из любопытства: всё тринделки, одна брехня. А потом им же надо что-то сказать. «Ну как, Сашок, прочитал?» – «Да, а как же. Всё очень подробно, жизненно. К цели ведёт». Рады, ещё и на бутылку дают.

Сашок уже не уговаривал выпить, но сам выпивал. Для этого в моём номере держал стакан.

– Тяпну граммულку. Для кручины нет причины. – Опрокидывал, всегда при этом прибавлял: – Эх, горе нам, горе нам, горе нашим матерям. – Кря-

кал, заедал принесённым с завтрака сыром, вставал: – Ну, давай трудись. Соответствуй.

Раза два он перебрал и даже спел для меня. Две песни. Одна: «Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка, полная червонцев и рублей... Самая нелепая ошибка, Мишка, то, что в книжке нету прибылей». Другая: «Ну что тебе сказать про Сахалин? На острове нормальная погода. А я тоскую по тебе и пью всегда один, и пью я от заката до восхода».

Видимо, и на него действовала творческая атмосфера, здесь царящая. Он однажды даже рассказал, как он выразился, «историю биографии». Пришёл выпивший:

- Сделай запись, а то забудешь.
- Чего запись?
- Историю моей биографии последнего дурака.
- Пишу.

Я в самом деле взял бумагу и вооружился авторучкой.

– Пиши: я мог стать на уровень министра, а не стал. Спросишь, почему?

– Нет, не спрашиваю.

– Правильно: любопытство хуже свинства. Потому что вижу: в начальники рвутся карьеристы и подлецы, смотрят на кресло как на заработок. Это понятно?

- Как не понять, это публицистика.

– Так вот, уточняю: я во всём был будь здоров. Хоть физика, хоть химия – нету равных. Что в длину прыгал, что в высоту. Математичка мне всерьёз говорила: «Сашуля, твои данные говорят о многом». Другие учителя соответственно. Прочили светлое будущее. И вот я здесь сижу со стаканом и разводным ключом... Можно закурить?

- Тут мы задохнёмся, пойдём на улицу. Бумагу с собой беру.

- Да можно уже и не записывать: летай иль ползай, конец известен.

У корпуса было пустынно. Сели на лавочку, на которой любила отдыхать Наталия Григорьевна с подругами. Ещё шутила: «Главное дело писательской жены – помогать мужу. А помогать мужу-писателю значит уходить с его глаз. И к работе не ревновать».

– В общем, – продолжал Сашок, – дальше неинтересно. У меня мама умерла рано, я только школу заканчивал. Отец её очень любил, ну и, понятное дело, заболел-заболел – и за ней. А я уже в институте, а я уже и там на первых ролях. А у меня квартира. И, конечно, весь курс заваливается ко мне. Дальше, по тексту, пьянки-гулянки. Однажды просыпаюсь с девушкой, которая беременна от меня. О чём мне объявлено в присутствии тёщи, которая пришла в мою квартиру, как ты сам понимаешь, жить навсегда. В которой и сейчас живёт.

- А ты с ними живёшь?

- С ними только другие такие же змеи уживутся. Да и то передерутся.

- То есть ты разошёлся?

- Через тюрьму.

- Как?

– Как залетают, так и я. Не вынес я такой жизни и руку вознёс. Уже были зарегистрированы. Я же порядочный человек, у меня отец – фронтовик. Отметелил их как полагается – и на нары. Там и сантехнику освоил, и слесарное дело. Понимал: чем-то же надо будет кормиться. Но поклялся: чтобы ни с одной бабой больше недели не застревать. Ладно, – сказал он, аккуратно затушив окурок о край красивой урны, – так не так, перетакивать поздно. Я как разошёлся...

- Разошёлся?
- Проще говоря, развели. Она постаралась. С тюремщиками легко разводят. Ещё легче выписывают с площади. Спасибо скажи, говорит, тебе комнату в коммуналке выменяла. А ещё ударишь, и оттуда выгоню. Так я о чём?
- О верности жене.
- Да! Пошёл в разгул, когда паспорт без штампа о браке получил. А если бы с женой в любви, так разве бы на сторону хоть раз поглядел?

НИЖЕ УРОВНЯ МОРЯ

И ещё на одно мероприятие для избранных я попал благодаря Тендрякову: на экскурсию в знаменитые винные подвалы «Магарач». В переводе «стоянка осла». Знамениты они ещё и тем, что фашисты, долго жировавшие в Крыму, знали, конечно, о винных подвалах, искали их, но – великая честь ялтинцам – никто не выдал, где они.

Из-за этой экскурсии приглашение к Ионе Марковичу на слушание авторского чтения новонаписанной повести было перенесено.

В делегации с русской стороны были Лазарь Карелин, Юрий Нагибин (они потом написали об этой экскурсии), кого-то и не помню, ещё мы с Владимиром Фёдоровичем; от братских республик были знаменитости из Армении, Грузии, Молдавии, Украины, прибалты были, были и из Средней Азии – сплошь отборные письменники.

Привезли на комфортабельном автобусе с музыкой и кондиционером. Перед входом в большие стальные двери всех облачили в белые халаты.

Сопровождал стеснительный, но очень знающий молодой учёный, кандидат винодельческих наук (да, и такие есть). Он подошёл к Владимиру Фёдоровичу с его книгой, стеснительно попросил об автографе, прибавив, что именно Владимир Фёдорович – его любимый писатель. Стал вести экскурсию. Тендряков весело мне подмигнул: «Без бутылки не уйдём».

Началась экскурсия. Спустились в подвалы по деревянным, но не скрипучим лестницам. «Дубовые, – пояснил сопровождающий, – как и бочки для многолетней выдержки. Будем находиться ниже уровня моря.

Экскурсию заинтересованно воспринимали армяне, грузины, молдаване, украинцы. Но для меня – а я видел, что и для наставника тоже – это была пытка. Вот представьте: подходим к очередной пробе очередного сорта вина, так сказать, перебродившего сока солнечной виноградной лозы, постепенно дошедшего до названия нового сорта вина или его разновидности, учёный рассказывает, шо цэ такэ е. Мелькание слов: солнечный склон южный, а лучше бывает и восточный, благоприятная погода, затяжная весна, дождливое лето, раннее (позднее) созревание, букет, выдержка, участие в конкурсах, получение тогда-то там-то вот этой медали (рисунок). Потом тебе дают десять капель этого вина. Надо не сразу выпить, а подержать его во рту, языком повозить в нём, ощутить и нёбом, и гортанью. Потом проглотить, или – вариант – выплюнуть. Рот прополоскать минеральной водой, снова выплюнуть в ручёк, текущий вдоль демонстрационного стола. Потом обсуждение, потом дальше.

Нет, это была пытка. Изысканная, комфортная, но пытка. Я уже подумывал, как бы смыться, да взять на набережной кружку пива, да посидеть, глядя на волнистое море. Но куда там: протокол, программа. Оказанная честь. Надо ценить. Но Владимир Фёдорович чувствовал то же самое, что и я. И на одном из переходов из зала в зал сказал экскурсоводу:

– Слушай, ты нам с Володей дай по бутылке и веди их дальше.

И бутылки – не одна, а две каждому в плотных бумажных пакетах – были нам подарены его помощниками. И мы, хотя явно не англичане, но ушли по-английски. Так сказать, десантировались.

МАРГАНЦОВКА

После подвального холода отогревались на скамье прибрежного бульвара.

– Ну что, – произнёс учитель, – наши организмы перенесли такое издевательство, надо их утешить. Вон автоматы газировочные. Там стаканы. Нет, не дёргайся, тебя засекут, а на меня не подумают. – Он встал, пошёл к автоматам и вскоре вернулся с чисто вымытым стаканом.

С тех пор я не видел такого вина, «Чёрный доктор». А тогда отличился перед учителем. Пальцем проткнул пробку. Владимир Фёдорович изумился:

– Он у тебя металлический?

– В кузнице работал. Должен же я хоть что-то уметь.

И мы не спеша, ничем специально не заедаая, чтобы не портить впечатление от такого вина, приняли в себя для здоровья тела и радости душевной напиток этого крымского «доктора». Никто нам не мешал. Только подошла девочка лет четырёх и задала интересный вопрос:

– Дяденьки, а почему вы марганцовку пьёте?

Не успели придумать ответ, как её отозвала то ли мама, то ли нянька.

Как же было отрадно глядеть в синюю даль на корабли, на облака над ними. И спешить никому не хотелось.

– Скоро добыю, – сказал Владимир Фёдорович (он говорил о повести). – Дам тебе прочитать. Если получилось, можно в книгу включить. Её у меня «Новый мир» берёт. Или «Дружба народов». Серёжка должен скоро приехать Баруздин, редактор. Всё просит. Может, и ему. У него журнал хорошо идёт по республикам. А «Новый мир» и за границей востребован. Твардовский (у нас дачи рядом) каждый раз напоминает. Ну что, тёзка вятский, беря в рассуждение малую градусность вина, но прекрасный его вкус, созданный из винограда, выросшего на кто его знает каком склоне и непонятно в какое лето, и не нам знать, когда там солнце соизволило участвовать в созревании лозы или когда дожди сие дело тормозили – о, как изысканна моя преамбула к самому простому действию: пора понять, что вторая бутылка по нам тоже соскучилась. Как считаешь? Надо и ей башку свернуть. А ещё одну возмьёшь себе, а ещё одну с Наташей употребим.

– Нет, нет, – торопливо сказал я, – обе вам.

– Хорошо, – согласился Владимир Фёдорович, – другой отказывался бы гораздо дольше. – Он засмеялся вдруг: – Эта девочка-то как, а? Марганцовка. Смешно. И вставить куда-то можно. Вставь, дарю. Взрослые дяди спёрли стакан, пьют марганцовку. Мы бы и сами могли купить, да нет такого вина в продаже, вот канальство. Всё у нас не для нас! Ансамбль «Берёзка» везде, только не в России. Басы у нас какие! В Болгарии Борис Христов говорил о Шляпинской школе. А Ведерников-то тоже наш, вятский, как и Шляпин. Гордишься?

– Ещё бы! – воскликнул я.

– Наливай! Посмотрим, чем на громкой читке будет угощать южный гений. Меня он ещё после тебя потом душил разговорами: учимся, говорит, у русских говорить правду. Знает наших лучше нас с тобой. Всё читает. Например, читал ты Гранина, Чивилихина?

- Да.
- Можно не читать. Это большеформатные очерки. Обслуживание тезисов, продиктованных верхами.
- У Чивилихина «Кедроград» и о Байкале – это же нужно, – защитил я. – Он именно Распутина поддержал.
- Это да. Распутин на смену идёт. От Белова я многого жду. Его Александр Яшин вырастил. Но ведь у самого Яшина «Вологодская свадьба» тоже не литература. Это опять же очерк. Нет широты. Мальцев, Троепольский. Как и Феди Абрамова «Письмо землякам». Зауженные местные проблемы. Астафьев... – Владимир Фёдорович сделал паузу, – совсем не успокоенный. А вот я не могу писать о войне. И не хочу. Хоть и заработал право. – Он показал кисть руки, искалеченную осколком. – Юра Бондарев пишет, молодец. Василь Быков, Сеня Шуртаков. А Володя Солоухин не воевал, в Кремлёвском полку служил. Но свою нишу занял. Грибы, цветы. Тоже надо. Только бы лапти не воспевал. Чёрные доски эти.
- Но он же их сохраняет.
- Зачем? А что без них и Лувра нет, Русского музея, Дрезденской галереи?
- Мне очень его «Владимирские просёлки» понравились, – сказал я. – Ещё в десятом классе был, в «Роман-газете» читал.
- Так ведь тоже только очерк. Путевые записки. Интересно, конечно. А потом что? Эти «Чёрные доски» собирал, в религию ударился. Я ему: «Володя, это отжившее: вперёд идём, а не назад». Он упёрся: «Нет, Володя, – окает всю жизнь, – надо долг отдать». Прямо как отец Онуфрий, обходя врагом общественный огород, около огромного огурца озрел оголённую Олю». Ты как к церкви?
- Я ещё в школе думал: если Бога нет, то как бороться с тем, чего нет?
- А ты Его спроси, Бога, что ж Он никак нам не помогает? Такой бардак развели.
- Мы же не просим.
- Надо же, – развёл руки Владимир Фёдорович, – ещё и просить. Зачем Он тогда Всеведущий и Всемогущий? А? Нечего сказать?
- Владимир Фёдорович встал, потянулся.
- Чего-то я разленился. Статью никак не допишу. О бригадном подряде, аккордной оплате. Да, надо тебе Тейяра де Шардена прочесть: сознание встряхивает. Эволюционер. Эво! Не революция – эволюция! Католик, но они прогрессивней наших, они идут на союз с наукой. А наши консерваторы. Упёрлись в обряды, язык у них как был, так и остался. В космос летаем, а там всё: не лепо ли ны баяшеть старыми словесы.
- Ярославна плачет в Путивле на городской стене: ветр-ветрило, прилелей моего ладу, – то ли поддержал я учителя, то ли с ним не согласился.
- Поутру плачет, – показал он мне моё плохое знание «Слова о полку Игореве», – не просто так написано: поутру. С утра плачет. Умели писать.
- По дороге к Дому я всё-таки осмелился сказать:
- Владимир Фёдорович, до того мне не хочется думать, что люди от обезьяны произошли. Мне понравилось, я слышал шутку: не люди от обезьяны произошли, а обезьяны – это бывшие люди, которые оскотинились.
- Очень похоже, – засмеялся Владимир Фёдорович. – Жизнь произошла от первичного бульона Вселенной, от живой клетки.
- А живая клетка откуда?
- Всегда была. Читай у Вернадского о единстве живой клетки в космосе.
- Так был или нет День Творения?

– Ну да, был взрыв во Вселенной, – хладнокровно ответил Владимир Фёдорович. – До сих пор Единое ядро разлетается во все стороны в виде Галактик, они как осколки.

Наставник мой не знал сомнений. И мой вопрос: «А взрыв-то кто устроил?» – оказался непроизнесённым.

СТАРШАЯ ОФИЦИАНТКА

На обеденном столе обычно лежали листочки, на которых мы помечали галочкой название тех блюд, которые желали бы употребить в следующий день. А тут их не оказалось. Я вызвался сходить за ними.

Подошёл к дежурной, которая, склонив голову в белом платке, что-то писала.

– Простите, можно вас попросить, – начал я.

Она подняла голову. Я сразу понял, что это она, Соня, которая вернулась из отпуска. Мы встретились взглядами. Что-то неуловимое, будто она меня вспомнила, мелькнуло в её глазах. Да, хороша была эта Соня: темнорусая, глаза большие, карие, вся в северную породу русских красавиц.

– Мне листочки, три, для заказов.

Она взяла листочки из папки на столе, легко встала, такая стройная, и протянула их мне. А зачем было вставать? Как она походила на далёкую, ещё доармейскую девушку, с которой мы были дружны, но которая меня из армии не дождалась. И хотя на Соне был платок, закрывавший волосы, я был уверен, что у неё прямой пробор и обязательно косы. Про косы чуть не спросил. Даже качнулся вперёд, но спохватился и виновато улыбнулся. И она улыбнулась.

– Что-то ещё нужно?

– Нет, нет. Я знаю, вы Соня. А как по отчеству?

– Не надо. Надеюсь, ещё до отчества не дожила. Или уже пора?

– Ну что вы...

Вернулся за стол. Наталия Григорьевна что-то заметила.

– Ах, хороша, да? Понравилась? Вижу, вижу, смутились.

– Какой там – смутились? Что за блажь? – недовольно спросил Владимир Фёдорович. – Он работать приехал. Встал в борозду и паши. Смущаться будешь, когда плохо напишешь.

– Тут столько классиков, что... – Я махнул рукой. Сел и стал смотреть предлагаемые кушанья на завтра. И блеснул знанием, заодно уводя от начатой темы. – Слово «меню» адмирал Шишков терпеть не мог и предлагал назвать: разблюдаж. Та-ак, завтрак, обед, полдник. Ставим галочки. С такой едой можно и не писать.

В этот день вечером был фильм «Генералы песчаных карьеров», или, в другом переводе, «Капитаны песка». Я почему-то знал, что Соня придёт.

Пришла. Сидела впереди. Да, тёмно-русая, да, с прямым пробором. И не косы, а одна широкая короткая коса. И фильм очень неплохой, и песня пронзительная. Хотя и немного безотрадная: «Судьба решила всё давно за нас».

Чтобы подойти к Соне, мысли не было. Нет, вру, была. Но скрепился: какие мне провожанья – работать приехал. Заставил себя уйти до окончания сеанса. Да и брюки в смоле, и ботинки не чищены. И сам не брит.

А ночью меня пронзила ожившая боль разлуки с той моей девушкой Валею, с которой дружил до армии. На которую похожа Соня. И мысль овладела: вот о чём надо написать. Уходит парень в армию (а мы уходи-

ли, самое малое, на три года), провожает его любимая, обещают они ждать друг друга, быть верными. Да это и обещать не надо, это ясно. Он уходит в новую жизнь, а она-то остаётся в прежней. У него всё переворачивается: это же армия! Взросление, возмужание, новые привычки, стремления, друзья. Он становится другим за три года, а она не изменилась. И любит по-прежнему. А он уже другой. Тут трагедия. И он любит, он был верен ей, другой у него нет. Но уже что-то изменилось. Тут мучение. Она сердцем понимает, что у него уже нет той силы любви к ней. Что он, страшно сказать, стал чужой. А он говорит о свадьбе, он честный человек. И не врёт, и готов жениться. Но она, жалея его, отказывает ему. Может даже солгать во спасение, что полюбила другого.

Вот маленькая повесть. Вот её и пиши.

Во все следующие встречи с Соней – а они трижды в день при посещении ресторана Дома творчества были неизбежны – просто раскланивался. Она была, как всегда, приветлива. Чтобы не встречаться с нею взглядом, сел спиной к её столику.

– Не поможет, – засмеялась всё понимающая Наталия Григорьевна.

Почему-то не мог о ней не думать. Но сказал себе так: это оттого, что она своей похожестью на Валю моей юности вызвала к жизни замысел повести. Спасибо ей за это, и – до свиданья.

КУКАРАЧКА

В один из дней она отчудила: привела перед обедом в корпус дочку свою, да ещё и ко мне, в мой карцер постучались. Мороженое принесли. Была в белой кофте-распашонке, вышитой красными узорами. Голова не покрыта, волосы распущены по плечам. Девочка лет четырёх, в платье-пелеринке, белый бант на голове, прямо ангел, сказала:

– Я – Оля, а вы?

– А я папа девочки Катечки. Такой, как ты. Такая же принцесса, модница.

– Модница ещё та, – подтвердила Соня и спросила: – Вы же смотрели кино «Генералы песчаных карьеров»? Да? Я в конце вся обрыдалась. Прямо настроение испортилось.

– Да, грустный финал.

Сели. Неловко помолчали. Оля потихоньку деревянной щепочкой доставала мороженое из вафельного стаканчика. Соня и я к мороженому не пригнулись.

– Я хотела спросить, – заговорила Соня, – вот о чём. Тут, кто бы ни приехал, все всегда: дама с собачкой, дама с собачкой... А я прочла, и что? И это любовь? Она же от мужа уехала, а он – от жены. И загуляли тут. Это как?

– Это не ко мне вопрос – к Чехову.

– Его уже за хвост не поймать. А вы как считаете?

– В общем-то я тоже от жены уехал. Хотя бы отдохнёт от меня.

– А вот скажите, – спросила Соня, – почему это жёны писателей все только и жалуются, что им тяжело жить.

– Вообще, конечно, тяжело.

– Почему?

– Женщинам надо, чтоб им постоянно уделяли внимание, а его работа забирает целиком и полностью. Он же непрерывно в работе. Идёт с женой рядом, а сам не с ней.

– Как это?

– Думает над тем, о чём в это время пишет. Вот коротко – рассказ. Не мой. О писателе. Он возвращается домой, видит в прихожей чемодан, думает, как это интересно изменяет пространство прихожей. Жена ему говорит: я от тебя уйду, жить с тобой невозможно. Почему, зачем? – Невозможно. Ты эгоист, ты занят только работой, и так далее. Я всегда одна, ты мне всю душу вымотал, в общем, все женские слова.

– Да, это мы можем, – засмеялась Соня.

– Он, этот писатель, слушает и думает: да, да она права, ей невозможно жить со мной. И был бы, думает он, хороший такой рассказ, как жена писателя от него уходит. Хорошая, красивая, но несчастная. Он весь в своей работе, он ей не принадлежит. Да, надо запомнить, как от волнения её лицо хорошеет, какие неожиданные слова вспыхивают в её монологах. Воспоминания о юности их любви начинают его терзать, какие-то обрывки фраз из задуманного рассказа мелькают в голове. Он думает: я же всё не запомню, надо записать. Хлопает по карманам – нет записной книжки.

– Ты не видела мою записную книжку?

– Какая тебе записная книжка? Я от тебя уйду.

– Да уходи, уходи, только записную книжку вначале найди.

Она садится на чемодан и понимает, что с ним бесполезно говорить: другим он не будет.

– То есть не уйдёт? Не ушла? – спросила Соня заинтересованно.

– Будем надеяться. Она же его не переделает. Ей самой надо подстраиваться. Но это всё-таки о, надеюсь, верной жене. Каких, кстати говоря, немало в жизни. А в литературе все они изменщицы, чем и интересны. Вот эта дама с собачкой, а рангом повыше – мадам Бовари, Анна Каренина – эти бабёнки мужьям рога наставили и в героини вышли. А Кармен? Из-за неё судьбы ломаются – ей хоть бы что. «Меня не любишь, ну так что же, так берегись любви моей!» Добилась своего и отшвырнула. Или этот деспотизм: «Если я тебя таким придумала, стань таким, как я хочу!»

– Вот разошлись, вот разошлись, – весело одобрила Соня мой речитатив и арию. – Не все же такие. Что же тогда, не читать о них?

– Читать, да не подражать. А писатели – самые трудные для женщин мужья. Может, Чехов и не женился оттого, что понимал: мужа из него не получится. Не выходите за писателя, Соня.

– А за кого? Тут только они.

– Собачку заведите и гуляйте с ней по набережной.

– Мне только ещё собачки не хватает. Скажете тоже. Оля, не дёргай за кофту, сейчас пойдём.

Кажется, она приняла всерьёз мою шутку.

– Я-то никого не обманываю: я разведёнка... Ой, у вас даже окна нет.

– Да, моря не видно. Приходится с утра к нему бегать.

– А я знаю. Я даже утром вас издали видела.

– Надо же... – только это и смог сказать. Чтобы скрыть смущение, обратился к Оле: – А это не ты нас о марганцовке спрашивала? На бульваре у моря?

– О какой марганцовке? – спросила Соня.

Рассказал о походе в винные подвалы. О вине «Чёрный доктор», о девочке, спросившей нас, не марганцовку ли мы пьём.

– Счастливые вы – в «Магарач» простые смертные без доступа. А вино это я могу достать. У меня связи – ого-го. Принести?

– Что вы! Я же работать приехал.

– Оля, пойдём, – тут же встала она, – пойдём, не будем дяде мешать. Петь необязательно.

– Даже очень обязательно, – попросил я. И повинился: – Видите, какой я плохой. Даже и угостить вас нечем.

– Ну что вы, сейчас обед.

– А как же песня? Мама, можно? – спросила Оля.

Встала и очень умирительно, помогая жестами, спела песенку, которая была так проста, что я её запомнил с первого раза:

В одной маленькой избушке жили-были две старушки.

И была у них собачка по прозванию Кукарачка.

Раз поехали на дачку, захватили Кукарачку.

А в дороге неудачка: заболела Кукарачка.

Повезли её в больничку, стали делать оперичку.

С оперичкой неудачка – сдохла наша Кукарачка.

И финал:

В одной маленькой избушке плачут, плачут две старушки:

Ведь была у них собачка по прозванию Кукарачка.

– Душераздирающая история, – сказал я. – Целая повесть. Всё есть – и события, и герои: старушки, собачка, доктор, шофёр, кто-то же их вёз на дачу?

– Они в автобусе ехали, – поправила Оля.

– Ещё интересней. Завязка – поехали на дачку, кульминация – болезнь, оперичка, и горький финал. Плачу и рыдаю. Гости приходят, тоже рыдают?

– У нас гостей нет, – заметила Соня.

– Мы её в садике поём, – сказала Оля. – Вам понравилось?

– Замечательно! Стидно, подарить даже нечего. Я песню запомнил, я её дочке по телефону продиктую.

– Вы правда запомнили?

– Ещё бы: такая история! В одной маленькой избушке... И так далее.

– А как вы память тренируете? – спросила Оля.

– Сама тренируется. Вот твоя песенка: такой день, красивая девочка...

– ...И мама, – добавила Оля.

Она вновь взялась за мороженое.

– Ещё бы! Ну вот, и как не запомнить?

Я ищуще озираю своё убогое помещение.

– Ничего ей дарить не надо, зачем, что вы, – заметила Соня. – Вы так слушали – вот подарок. – И после паузы: – А вы давно начали писать?

– С детства. Стихи писал. Потом хватило ума понять, что уровень невысок. Сценарии строчил, пьесы. Да всё как у всех, обычно. Но пришёл к прозе. А проза – самое трудное, кому хочешь хребет ломает.

– Надо же. А сейчас что-нибудь пишете?

– Пытаюсь. О юношеской любви.

– Как интересно...

– Больше грустно. Он в армию ушёл, а она...

– Не дождалась. Точно?

– Сложнее: он стал другим. Хотя никем не увлекался. Да и где там в армии...

– Ой, и что, что в армии. А вы служили?

– Конечно, как без этого?

– И что, там не было вариантов? Да мужики где хочешь найдут. Это мы, дуры, верим да ждём.

– Это у меня из своей жизни такой случай. Знаете, она похожа на вас. И задумка возникла благодаря вам, когда вас увидел.

– Надо же, – засмеялась она. – Вот куда попала. Покажете потом?

– Тут до показа семь вёрст до небес. Ещё начать да кончить.

Оля выскребла ложечкой вафельный стаканчик, отложила ложечку на край стола, Соня её тут же убрала и стала, обхватив ладошками стаканчик, как белочка орех, его по кругу обкусывать. Заметила непорядок:

– Мама, у него телевизора нет и ванной нет.

– Ничего, Олечка, живу.

– А где вы умываетесь?

– К морю бегаю.

– Каждый раз?..

– Извините за беспокойство. Мы пойдём, – сказала Соня.

Уже у порога, поправляя дочке белый бант, повернулась:

– А вы до того похожи на него, это мой парень был, прямо один в один.

– Отец Оли?

– Нет. Хорошо бы!

– Оля! – воскликнул я. – Умоляю, возьми мороженое. Я его не люблю.

– Ну, раз не любите... – Соня положила стаканчики обратно в пакет.

– А у меня есть ещё одна бабушка, – сказала на прощание Оля. – Только она далеко. Мамина мама. Только я её не видела.

– Обязательно увидишь, – пообещал я.

Ушли. Не удерживал. А чем бы я мог их занять, угостить? Да и сам такой небритый весь. На брюках след от древесной смолы. Рубаха какая-то рабоче-крестьянская. Ведь есть же запасная. Ну, что теперь.

Подошёл к зеркалу. И куда я рядом с ней такой? И внезапно решил... не бриться до конца срока. И вообще пора носить бороду. Василий Белов с бородой, а моя Вятка с его Вологдой соседи. И дедушки у меня были бородатые ямщики и плотогоны.

Эх, не отпадёт голова – прирастёт борода. Да не отпадёт, сам не теряй.

Но наутро, когда мы прибежали к морю – а оно день ото дня становилось всё холоднее, зрителей приходило всё меньше, наши заплывы становились всё короче, – мне казалось, что Соня где-то близко. И подсматривает за нами. В бинокль. А с ней собачка. Кукарачка. Стих про эту Кукарачку у дочке по телефону пересказал. В тот же день, как они приходили.

Да, Соня... Была в ней женственность, вот что. Это не объяснить, и это есть далеко не во всех женщинах. Женственности не достичь ничем: ни красотой, ни фигурой, ни спортом, ни диетой, это только состояние души. А женственная душа у женщин бывает только у целомудренных. Сказал же Сашок, что Соня ему его мать напомнила. А мне далёкую Валю. Ведь не похожестью лица, а именно этой женственностью.

НУ ХОТЬ СТРЕЛЯЙСЯ

С работой моей так заклинило, какой-то ступор случился. Не успевал начать давно задуманный рассказ, хотя собирался, когда ехал, сесть за повесть, но уже согласен был бы и на рассказ, лишь бы не простаивать, оправдать эту с небес упавшую возможность для работы, как тут же настигала мысль: а зачем писать, а кому это нужно? Даже и так было: бегу утром к морю вниз, бегу обратно вверх, в гору, непрестанно думаю о работе. Как

учитель наставлял. Взглядываю на него: думает. Даже вроде того, что губами шевелит, что-то проговаривает. И думаю о своей работе, и мне вроде всё ясно: сяду за стол и – поехали. Но не получается такой радости: записанная, вроде продуманная мысль не хочет жить на бумаге. Сохнет, как сорванный листок.

Поневоле бросишь авторучку. А уже видишь рассказ напечатанным, прочитанным кем-то, видишь и этого кого-то, как он зеваает, отодвигает книгу, как включает телевизор. А если и не отодвигает, если и дочитает, всё равно же закроет. И что в этого кого-то из твоего текста перейдёт? Зачем ему твоё самовыражение? Он утешения чаёт. Ах, меня бы кто утешил.

И так как некому было поплакаться, кроме жены, звонил ей. Часто не бегал в город, а звонил из вестибюля. Там иногда бывало свободно. А вообще, ожидая очереди к телефону, легко можно было возненавидеть женскую породу. Невольно вспоминалась шутка: женщина говорит подруге: «Вчера мужу доказывала, что я умею молчать. Так доказывала, что голос потеряла». Из кабины в вестибюле долетали расспросы про котов, Мусика и Пусика, да про собачек. Как они погуляли, хорошо ли едят?

Желание услышать родные голоса возникало именно в минуты близко-го отчаяния во время работы. Я жене не жаловался на то, что у меня работа не идёт, вообще не говорил о работе, но всё равно от разговора с ней становилось легче.

Меня жена ревновала к дочке. И вся в меня, и делится не с ней, а со мной секретами. «Папа, мне в нашей группе Миша нравится, он такой самостоятельный». – «А в чём это выражается?» – «Нет, папа, он не выражается, он самостоятельный». – «Из чего ты вывела, что он самостоятельный?» – «Он воспитательницу не слушается». – «Да, это сильный признак мужского характера. А ты ему нравишься?» – «Вполне».

И жену услышал. Она взяла трубку.

– Что это у вас за Кукарачка? Страшнее не было имени для собаки?

– Собака же не понимает значения слова, ей важны интонация и звуки. Катерине понравилось.

– Ей бы ещё понравилось уборкой заниматься. Ну всё? Не звони, деньги не трать.

Я вздохнул, выходя из кабины. И опять пошёл мучиться над безжалостным пространством белых листков.

«ЧЕЛОВЕК Я ИЛИ ТВАРЬ ДРОЖАЩАЯ?»

Такой Достоевский вопрос, который он поручил Раскольникову задать читателям, я гневно задавал себе, сидя на высоких ветвях своей сосны. Только вместо слова «человек» ставил слово «писатель». И не старуху-процентщицу я собирался убивать, у меня дичь была покрупнее – повесть. Но, как сказала бы моя мама, как на пень наехал – работа не шла. Опять сбежал от стола, опять поднялся к своему месту. И на сосну залез.

Было над чем подумать: срок пребывания стремительно катился к завершению, а сделанного у меня в результате, в активе, в сухом остатке, на выходе – как ни назови – всё ноль. Только и плодил черновики для растопки костерка.

Но и оправдывал себя: то, что хотел делать здесь, показалось неинтересным, мало значащим. Обилие собиравшихся в обеденном или зрительном зале пишущих людей угнетало. Ведь все думают, что пишут нетленки, иначе зачем же и писать? И где будут те ещё не изданные их книги? А книги обязательно будут. Тут же все члены Союза писателей. И я скоро вступаю.

Так, по крайней мере, мне предсказывали рецензенты и издатели. Тот же Тендряков. Разве бы он, при его требовательности, написал бы предисловие к слабой рукописи? Ну стану одним из этих многочисленных, дадут мне номер с окнами, с верандой, с видом на море и на горы. И что?

А уже с самого детства я не писать не мог. Всю жизнь меня постоянно тянуло сесть за стол. С другой стороны, когда, как писали раньше, вошёл в меру возраста, стала мучить убийственная мысль: ну напишу, ну и что? Но другие-то как, размышлял я? Вот бы мне такое самомнение, как у критика Вени. Да нет, это слишком. Но и комплексовать без передышки тоже глупо. Дана тебе способность слова в строчки складывать – складывай. Но дано и умение эти строчки зачёркивать. Ну и зачёркивай, и опять складывай. Сизиф отдыхает.

И что дальше? Сказал же Владимир Фёдорович, предисловие написав: «Смотри, дальше будет труднее. Сказал «а», говори и «бэ», и весь алфавит. Первая книга окрыляет, но она и обязывает. Её надо скорее забыть». Ему легко говорить. Она у меня ещё и не выходила, а уже надо её забыть. Весело. А сейчас у меня вообще всё затёрло. Ни бэ, ни мэ, ни кукареку.

А всё Соня, сваливал я вину на неё. Сглазила. Сам виноват, зачем сказал ей о планах. Этого никогда не надо делать. Как у Суворова: «Если б моя шляпа знала мои планы, я бы бросил её в печь».

Не пишется – и всё! И без толку бумагами шуршать. Хоть топись. И перед Владимиром Фёдоровичем стыдно. А что делать? Запить? Поехать на экскурсию в Горный Крым или к Бахчисарайскому фонтану? А взять да вообще по «юбке», как прозвали южный берег Крыма, ЮБК, прокатиться на остатки денег? Чего тут-то сидеть? Переживать за поражения Серёги в бильярде? Слушать нотации Вени-критика?

И мне то казалось, что я зря приехал, то что очень даже не зря. Какая-то работа свершалась во мне, что-то сдвигалось в сознании. Этому очень даже помогал...

...МУЖСКОЙ КЛУБ

Время в Доме измерялось едой: трёхразовое питание. Плюс полдник, плюс кефир перед сном. В это время пространство между спальным и обеденным корпусами оживало. Завтрак, обед проходили обычно. Входили и выходили. А перед ужином передвижение застревало у крыльца ресторана. Тут в это время, так сказать, стоя заседал такой временный мужской клуб. Может, и оттого он и формировался, что дамы шли на ужин причёсанные и в нарядах. Было на что посмотреть.

Но если утром мужской клуб был малочисленный по количеству и краткий по времени, то вечерний был и продолжительней, и понаселённей. Утренний был до еды, вечерний перед едой. Наравивали аппетит, упражнялись в остроумии. Много чего я тут наслушался. Было что послушать: цитаты, выражения, возражения, случаи из жизни сыпались изобильно. Писатели! Знай запоминай!

- Меня бы жена дома так кормила... – начинал один.
- Ты бы и писать перестал, – поддевал другой.
- Нет, – поправлял другой, – к бабам бы побежал.

Третий тоже не отставал:

– Товарищи, хлебайте щи, а мясо съели служащи. – И добавлял на грани крамольного: – Пролетарии всех стран, соединяйтесь, ешьте хлеба по сту грамм, не стесняйтесь! А знаете, как лозунг этот на украинском?

- Знаем.
- Как?
- Голодранцы усих краин, гоп до кучи!
- Подходил ещё один обитатель Дома и вопрошал:
- Так зачем, скажи мне, Петя, если так живёт народ, по долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд?
- Ну, это у тебя, как всегда, взгляд и нечто, – парировал пародист Петя.
- Подходил ещё один:
- А с Брежневым согласовали разговоры? Маршал Жуков докладывает Сталину план новой операции. Тот спрашивает: А полковник Брежнев утвердил?
- У нас начались новые традиции во власти, – солидно вступал другой. – Вновь приходящий во власть гадит на предыдущего, и так далее. Вновь пришедшему начинают создавать культ...
- Мы же и создаём. Писаки.
- Кто? Конкретно? Признавайтесь.
- Нет, ребята, на писак всё не валите: они слушают мнение народное. Народ Лёне верит. Никиту при его жизни ни во что не ставили. Я делал обзор писем в «Сельской жизни», сейчас много писем в его поддержку. Стихи даже народ пишет: «Товарищ Брежнев, дорогой, позволь обнять тебя рукой».
- Мужской клуб оживился. Говорящий продолжал:
- Тут не смех в зале, тут пища для раздумья. И ещё немного лирики. Кошка охотится за воробьём, «но он вспорхнул и улетел, остались пёрышки на ветке. Он тоже, тоже жить хотел под ясным солнцем пятилетки».
- Никиту вспомнили, – вскинулся седой мужчина (у него под рубашку была надета тельняшка). – Уж как только не надрывался, чтоб Сталина с дерьмом смешать, не получилось. Меня позвали...
- Как не получилось? Уже и битва Волгоградская. А в Париже площадь Сталинград. Европа нас умнее. А ты чего хотел сказать?
- На ужин пора, – голос из толпы.
- Твоё не съедят. Дай послушать. Пётр Николаевич, продолжайте.
- Слушаюсь. Меня позвали выступить перед воинами. Обсуждение книги «Десант на Эльтигене». Также, кстати, Крым. Прошло хорошо. Потом, как водится, бешбармак. В офицерской столовой. Сидим. Взаимопонимание полное. Никиту ругаем: корабли на металлолом резали, офицеров во цвете лет гнал в запас. Тосты говорим.
- Не тосты – здравицы, – поправил кто-то.
- Да, лучше. По-русски.
- Я встал:
- Отделением сержант командует, взводом – лейтенант, ротой – капитан, батальоном – майор, полком – полковник, соединением, дивизией – генерал, фронтом – маршал. – Сделал паузу. Все ждут, что скажу. – А кто маршалами командовал? Должен же быть Верховный командующий? Должен! Вы же военные люди. Предлагаю встать и выпить за Верховного!
- Сталина не назвал, но все поняли. Встали и выпили.
- Воякам лишь бы выпить... – Находилось и такое мнение.
- Но его урезонивали:
- Не скажи...
- Подходил опаздывающий. Петя-пародист приветствовал:

– Ты чего такой печальный? А, понимаю. Достоевский умер, Толстой умер, и тебе что-то нездоровится. Правильно говорю? Тебя ещё Арий не измерял?

Про Ария мне потом Сергей объяснил. В Московском отделении Союза писателей – а это самое малое полторы тысячи членов – был специальный человек, которого главное дело было заниматься похоронами. Ведь писатели тоже люди и тоже умирают. Так вот, этот Арий просто членам Союза ничего не обещал. То есть материальная помощь будет, и гроб помогут заказать, но остальное: венки, кладбище, прощание – дело наследников. А если вы уже член правления, то гроб выставят в вестибюле, тут уже и вахта с траурными повязками у гроба, а если вы секретарь правления, то гроб будет стоять в Малом зале. С музыкой и речами. А если уже секретарь Большого Союза, то есть всего СССР, тогда прощание в Большом зале. Также речи, тоже почётный караул. И процедура по времени подольше. И кладбища занимали по ранжиру. На Новодевичье могли претендовать Гертруды, но оно же не резиновое, да уже и Ваганьковское становилось проблематичным, ибо созревание и умирание знаменитостей не останавливалось. Престижные мемориалы становились перегруженными, но пришло на подмогу Ново-Ново-Девичье, названное так Кунцевское. Этот Арий забавлял пишущий народ: подходил к писателю и начинал его измерять с головы, растопыренными пальцами, объясняя при этом, что надо заранее снять мерку для заказа гроба, что у него мера – расстояние от среднего до большого пальца – точная: двадцать сантиметров.

Также прочитанная свежая «Литгазета» вызывала прения своим разделом о награждениях, премиях, званиях. Члены клуба имели на всё своё мнение: кому-то звание дали рановато, кому-то запоздали, кого-то вообще обошли, а кого-то вообще ни за что завалили и металлом, и премиями. Особенно не щадили пишущих женщин. Все их награды и успехи объясняли однозначно:

– Переспала – вот и весь секрет.

– Кто как может. Вон у Кожинова исследование о «Нобелевке». Читайте: там поэтесса – забыл фамилию, да и знать не надо – со всеми почти членами комитета поамурничала – и пожалуйста. Всех значительных в 20-м веке обошли, может, Бунину только да Шолохову за дело.

– Бунин – эмигрант политический, а Шолохову дать премию вынудили: уже наши ракеты на Кубе стояли, Громыко посодествовал. И диссидента Пастернака за диссидентство отметили. Толстому не дали...

– Он сам отказался.

– А Чингиз всех членов комитета на отдых вывозил, надеялся, да что-то не выплясалось.

– А сколько эта премия? В долларах она?

– Какая тебе разница, тебе же не дадут.

– Интересно же.

– Ничуть. Вот премия была – братьев Гонкуров. Каково её денежное содержание?

– Два франка, – находился знающий.

– Молодец! Возьми с полки пирожок. Два франка. А получить её было самой заветной мечтой всех пишущих и рифмующих...

– ...французов. Анри Барбюс не хуже Ремарка о Первой мировой написал, дали по справедливости.

– Народ! Только что прочёл, что Диме Шутову дали на пятьдесят лет Трудового Красного Знамени, а хватило бы ему «Весёлых ребят». (Так в просторечии называли орден «Знак Почёта».) Или даже медали «Трудовое отличие»...

- Ему даже знака «Победителю соцсоревнования» и то много.
 - Вообще ничего не давать!
 - Ну, старик, это жестоко: все штаны, в Большой дом бегаючи, изорвал, одни пиджаки остались, хоть их украсить.
 - А я вам новость скажу – всех утешит. Сейчас же введён «Знак качества» на продукцию...
 - Да этот знак везде шлёпают, только на капусту не ставят: расплывётся.
 - Не перебивай, не капусту выращиваем. Такой Знак будут ставить на наших книгах. Знак качества и штамп: «Сделано в Ялте». Как такую книгу не купить?
 - Отштампованную? Читателей не обманешь.
 - Их уже двести лет обманывают.
 - Какао не обманет, но стынет! – звучала в ответ шутка.
- Так сказать, наговоривши аппетит, шли на ужин.

ДРУГИЕ ТЕМЫ

В другой раз вспыхнула интересная тема: выразительные цитаты из классиков. Тут я тоже немного поучаствовал. Уже перестал стесняться того, что я вроде как не по чину живу тут, ещё не член Союза. Но Сергей и Веня почти насильно втащили меня в круг общения. «Чего тебе стесняться: пишешь, в издательстве работаешь».

После своеобразного состязания в знаниях текстов одобрили фразы: из Набокова, из «Приглашения на казнь»: «Маятник отрубал головы секундам»; из Булгакова, из «Дней Турбиных», там выпивший Лариосик любит в застолье офицером: «Как это вы так ловко рюмку опрокидываете?» Тот отвечает: «Достигается упражнением». Я вступил в беседу, сказав, что слышал, как Астафьев, знающий наизусть «Конька-горбунка», очень восхищается строчкой: «Как, к числу других затей, спас он тридцать кораблей...» «К числу других затей» – здорово? Все одобрили. Осмелев, я ещё и Солоухина вспомнил. Он очень высоко ставил «Мастера и Маргариту», место, где бесенята, Коровьев и Бегемот, даром раздают женщинам модную одежду и обувь. Вот одна примеряет туфли и спрашивает: «А они не будут жать?» Даром достались, ещё и жать!

– О, а у Чехова, помните, пишущая баба пришла, её ещё Раневская сыграла. Она читает писателю свою пьесу, там вот эта ремарка меня восхищает: «В глубине сцены поселяне и поселянки носят пожитки в кабак». А?

– А вне конкуренции знаете какие изречения? – спрашивал высокий седой мужчина.

Теперь я уже знал, что это Пётр Николаевич. Но из-за тельняшки, которая была надета под рубашку, я стал про себя звать его мореманом.

– Самые крепкие изречения – это народные. Пословицы, поговорки. Даже и частушки. Вот эта народная или нашим братом сочинённая: «Подрастает год от году сила молодецкая. По всему земному шару будет власть советская?»

Решили, что всё-таки сочинённая. Про советскую власть в мировом масштабе большевики бредили, а после революции поостыли. Мореман продолжил:

– Но вот эта точно народная: «Спасибо партии родной за любовь и ласку: отобрали выходной, оскорбили Пасху». Не оскорбили – в подлиннике крепче.

– Да, в народе вспыхивает реакция мгновенная на события. В пятьдесят третьем летом шли с сенокоса, встретился мужчина, говорит, Берию аресто-

вали. Как, что? Не верится. А он говорит: уже всю частушка пошла: «Что наделал Берия – вышел из доверия. А товарищ Маленков надавал ему пинков».

– Ну да, хлётко. А вот эта почище: на смерть Ворошилова. Полководец дугый, около Сталина и Будённого тёрся, ворошиловский стрелок. Указы расстрельные подписывал на многие тысячи по спискам. Печатают о нём некролог, в народе тут же: «Умер Клим, да и хрен с ним».

– О народе вспомнили, – ехидно вставил кто-то. – Вышли мы все из народа, как нам вернуться в него?

– Именно так. Но мы-то имеем все шансы вернуться, а в начальстве кто?

– Ну-ну, потише! Пить надо меньше.

– Друзья-товарищи, а что мы Александра Сергеевича – не Пушкина, но тоже великого – Грибоедова не цитируем? «Петрушка, вечно ты с обновкой, с разорванным локтём». Видно всё сразу. Потом и сама Лиза: «Лишь я одна любви до смерти трушу. А как не полюбить буфетчика Петрушу?» Именно этого. А Лизу Молчалин лапал. Но ей Петруша милее. «Хоть Ивана вы хитрее, но Иван-то вас честнее». Опять Конёк-горбунок вывозит.

За время срока, конечно, невольно многих запомнил: Серёга, критик, Веня, другой критик, имени не запомнил, Петя-пародист, Яша-драмодел, писатель этот, мореман Пётр Николаевич. Ещё автор уголовных историй Елизар. Да Сашок, сантехник.

– А у Шмелёва, – напористо завоёвывал внимание Веня, – как это можно его не издавать? Возвращаю к теме цитат из классиков. У него Сидор на водокачке говорит лошади: «Вот так ты походишь, походишь по кругу, а вся тебе награда: пойдёшь на живодёрку. Такая тебе планида судьбы». Планида судьбы! Умели классики...

– Да и мы умеем! – опять выставлялся коротенький лысый пародист Петя.

За ним, кстати, бегали поэты, прося написать на них пародию. Этим тоже достигалась известность. Ещё был в фаворе длинный пародист Иванов, но его в этом заезде не было. Знакомством с ним – вот времена и нравы! – хвалились. А коротенький в отсутствие конкурента выставлялся в мужском клубе новыми своими пародиями. На писателей, на, конечно, отсутствующих.

Прав Петя: и тиражи обсуждали – одинарный или массовый. Первой книге обычно давали тираж тридцать тысяч. За авторский лист – сто пятьдесят рублей. Полуторный тираж – пятьдесят тысяч, здесь авторский лист (двадцать четыре машинописные страницы) триста рублей; массовый, с двойной оплатой, начинался со ста тысяч, то есть шестьсот рублей за лист. Считайте сами: если книга листов двадцать, самое малое, то при массовом тираже автор получает двенадцать тысяч. Если учесть, что машина «Волга» стоила восемь, то жить писателям было очень даже можно.

В клубе были популярны пародии Михаила Дудина, например, о Мариэтте Шагинян: «Железная старуха – Маргоша Шагинян, искусственное ухо рабочих и крестьян».

Запомнилась ещё шутка: «Мы на переподготовке были после второго курса. Там майор был, вояка, гонял нас. Выстроит, кричит: «Кто из вас за родину воевать будет? Пушкин? Убит! Лермонтов? Убит! Я? Отвоевался».

Ещё внезапно вспыхивал всегдашний спор новаторов и консерваторов.

– Прогресс двигают консерваторы!

– С чего ты вдруг?

– Да потому что достали эти выдрючивания, завихрения, всё же было сто раз: дыр-был-щур, вся эта экзерсестика-маньеристика-верлибристика.

– Чего ты? Если им интересно, пусть.

– Но зачем? Будто солнце иначе встаёт, или человек форму тела изменил, или деревья вверх корнями растут. От Сотворения мира всё по-прежнему.

– Плюнь: повыщёлкаваются, повыкобениваются и перестанут.

– Кто и засидится. И жизнь у дурака зря пройдёт.

Но, вообще, при всей разногласии мужской клуб встряхивал, думать заставлял, даже смелеть. Хотя я всегда – это от мамы и отца – считал, что надо говорить правду. Какая же смелость, если ты говоришь правду? Это нормально.

Не критик Веня, а другой критик – а как другого зовут, не помню, неважно – вдруг завладевал вниманием:

– Ремесленники, рабы тщеславия! Слушайте сюда. Литература гибнет – это аксиома, не требующая доказательств. Как её спасти? Я коротко, концептивно, тезисно. По примеру христианской идеологии: человеку мешают три «эс»: сребролюбие, славолубие, сластолюбие, а писателям мешают три «пре». Их надо убрать из писательской жизни, эти три «пре». Что такое «пре»? ПРЕпятствия. Вот они: ликвидировать ПРЕдисловия, ПРЕзентации, ПРЕмии. Всё! Литература спасена! Предисловие оставить в виде авторского кредо к первой книге, с чем писатель входит в мир словесности, его взгляды на жизнь, его саморекомендация. А презентация – вообще позорное слово, есть же русское – смотрины. Что презентовать, если ещё не прочитано? Пьянка одна. Вонзание штопора в упругость пробки? Премии – вообще гибель. Кому дали, кому не дали, всегда дали не тому. То лизоблюд, то хам, то угодил в тему. Но помощь писателям нужна, особенно старикам и молодым. Не премия, не подачка, а помощь! Нужны писатели-стипендиаты заводов, колхозов, фабрик.

– Ну, ты хватанул! Романтики пера эт сетера, очнуться вам давно пора, – поддел пародист Петя. – У нас, подумай головой, кто в нашем деле рулевой?

Но не вышло у Пети перебить критика.

– Именно рулевой, спасибо, подсуфлёрил. Евгений Носов – вот прозаик! Из Курска. И всё был неизвестен. А напечатала у него «Комсомолка» очерк «Жили у бабули два весёлых гуся», и случайно прочёл лично наш дорогой Леонид Ильич и похвалил. Боже мой, что началось! Как кинулись шестёрки журналоги, да и наш цех, литкритиков, прямо скажу, не отставал, целый хор раздался голосов с подголосками: велик и недосыгаем курский соловей Евгений Носов! Не прозу его хвалили – очерк! Вдумайтесь в моральный облик тех, кто делает погоду на литрынке.

– У них морали нет! Тем более облика.

– Но что же мы скажем в ответ: таких среди нас здесь нет.

Это, конечно, Петя-пародист. Он знал, что запоминают не первых, не средних, а последних.

КРЫМ НЕ НАШ

Также проблема Крыма умы задевала. Совсем недавно Крым стал частью Украины. Громогласный мореман очень возмущался. Он говорил:

– С чего вдруг Никита раздобрился? Лёня бы не отдал. Где вы тут радяньскую мову слышите? Или суржик, или русский язык. А везде надписи по-украински. Какая зупинка? Чем плохо «остановка»? И эти женочи та человекчи, чохи та панчохи. Одежда – одяг.

– Да им хоть как, лишь бы не по-москальски.

– Это не сейчас началось. Ещё при Алексее Михайловиче такая при сказенька была: «Мамо, мамо, бис у хату лизе». – «Нехай, дочка. Абы не москаль». То есть пусть хоть нечистая сила, лишь бы не москаль.

Тут и я отметил:

– Служил с украинцами. Ещё на первом году надо мной посмеялись: «Эх ты, москаль, не можешь слово паляныця сказать!» А я думаю: надо же, всё вятский был, а тут уже москаль – в звании повысили.

– Вообще, у них «жена» – «жинка», это неплохо, – одобрял непрерывный участник клуба Сергей. – Нежненько. А «муж» вообще «чоловик»! А «жена» ещё знаете как? Это прямо крепость для мужа: «жена» у них – «дружина».

– А у нас дубина, – сердито говорил романист детективного жанра Елизар. – Вот моя: делать ей совершенно нечего, как только за мной следить.

Все ему сочувствовали.

Скоро я понял, почему Сергей стал одобрять украинский язык. У него в эти дни происходили два текущих события: одно невесёлое – драматург Яша его общёлкивал на бильярде, денежки вытягивал. А Сергей из самолюбия не хотел сдаваться. Но второе его воодушевляло: приехала сравнительно молодая поэтесса из Москвы. Очень сравнительно. Но москвичка. Бывшая киевлянка. Серёга за ней приударил. Докладывал:

– С квартирой. Дача. Муж в годах.

– Но ты-то тут при чём?

– Разведу. Я чувствую, у неё с ним нелады. Она неглубоко замужем. Какой-то, чувствую, чинуша. Ей понимающий нужен. А это я умею. Он, видимо, дуб-дубарём, она-то вполне. Она полквартиры отсудит, нам на первое время хватит. Я её третий день окучиваю. Уже на бульваре посидели, она даже мне и спела: «Мисяц низенько, вечер близенько».

– Надейся, надейся, твоё сердэнько? – не удержался я поддеть. – Чоловиком станешь.

– Не надеюсь, а твёрдо уверен, – отвечал Сергей. – Хохлушки – это не хохлы. Те упёртые как быки, а хохлушки – это, это... Это что-то такое нечто. Я тебя познакомлю. Она рыжая, яркая шатенка, но не крашенная, такая и есть. И вот ещё что, только тебе: нравится Ялта?

– Да уж больно она залитературена да закиношена. А так, конечно! Море...

– Море, да. Так вот, Ганна, она сейчас уже Жанна, от Ялты без ума. У неё и с мужем нестроение в этом. Она о доме в Ялте мечтает, а он ни в какую. А я за эту ниточку уцепился. Но тут деньга нужна серьёзная. Не прежнее время. Чехов пишет жене: «Дорогая, боялся, что не на что ехать к морю, но Суворин взял два рассказа, и лето обеспечено». На твой гонорар с рассказа хватит только на раз с парнями посидеть. Да и то не ресторан, а пивная. Это ещё что! Живёт он в Ялте, здесь ему нравится. Но неохота на съёмной жить. Пишет жене: давай купим. На следующий день – это всё в одном письме – пишет: купил. В том же письме к вечеру, пишет: после обеда я подумал, что купленный дом далековато от моря, и купил ещё один, поближе. А дальше, слушай, дальше следующий день. В том же письме: дорогая, я окончательно решил, что дом надо строить свой. Поэтому сегодня я купил участок земли. Всё это я у Залыгина прочитал, он хорошо о Чехове написал. Где нам такие гонорары взять?

– Премия дадут.

– Дадут. Догонят да ещё поддадут. Премии, дружок, без нас делят.

ГРОМКАЯ ЧИТКА БЛИЗИТСЯ

Дежурная в корпусе сказала, что меня искали.

- Владимир Фёдорович?
- Нет, от Ионы Марковича.

И в самом деле, вскоре постучался молодой человек, очень приличный, вида референта при большом начальнике. Даже в костюме, даже при галстукке. Представился секретарём Ивана Ивановича.

- Вы знаете, что вы приглашены к нему?
- Да, он звал.
- Встречу переносили по не зависящим от него причинам.
- Да, в винные подвалы ходили.
- Встреча, он просил напомнить, будет завтра. В семнадцать ноль-ноль.

Ужин будет в номере Ионы Марковича.

Ещё меня навестил Сашок. Он пришёл с бутылкой. Он ко мне и без меня заходил, я номер не закрывал. Часто его сумка с инструментами ночевала у меня. Он пришёл, спросил разрешения присесть. Тем более я и не за столом сидел, а лежал на диване.

– Плесни и мне, – неожиданно даже для себя, сказал я. – Три капли. Тши кропли, – как гуторят паны поляки.

- Ого! – обрадовался Сашок. – Броня крепка, и танки наши быстры!

Я подвинулся к столу, взял стакан:

– И наши люди мужеством полны. Саш, скажи честно, только не привирай: ты тогда про Соню выдумал?

- Что именно?

– Что она такая вся из себя: в ресторане с кем-то сидит, и так далее? Только не врать! А то очную ставку устрою.

Сашок смущённо хмыкнул, покрутил стакан, раскрутил водку в стакане и заглотив её. Объяснил:

- Так она легче идёт. Эх! Один татарин в два шеренга становись!
- Ты про Соню, про Соню. Закуси.

– Хорошо, признаюсь. Конечно, не такая. Это я тебе как мужик мужику говорю, не такая. Я же тебе уже и говорил: она на все сто. Ни в какие рестораны не ходит. Честно скажу: вначале хотел с ней время провести, думал, всё получится. Здоровается, улыбается. Вообще-то я парень селянский, скромный. Но тут, в этом доме, на них нагляделся. А-а, думаю, значит, и мне можно. А Соня такая манкая...

- Какая, какая?

– Заманчивая. Как взглянет! Пошутил два-три раза. То, сё. У меня же тут все условия. Выбрал момент, кран у них на кухне менял. Она там. Тонко намекаю ей на толстые обстоятельства. Приобнял так игриво. А она: я тебе сейчас по морде надаю. Да так сказала, я понял: надаёт. Да так взглянула! Ну, брат. И вся любовь. Мне так обидно стало: за мужика не считает. Вот с обиды тебе и сказал. Ерунду наговорил, никуда она не ходит. А ты чего сидишь, как красная девица, подымай. За тех, кто в горе. – Он, так и не закусив, снова взял бутылку за горло. – А честно сказать, она и права. Мы ведь как о них думаем? Такие и сякие, думаем. Чего не пьёшь? Жена у меня никакая, любви у нас не было. Откуда взяться: по пьянке женили. В постель как на каторгу шёл. Так мне и надо. А ты чего спрашиваешь, на Соню запал? Понравилась? Займись.

- У меня жена со мной венчанная. Работать приехал. А работа не идёт.

– Пойдёт, – уверил Сашок. – Сегодня в подвале сочленение в системе отопления менял. Вмёртвую всё заржавело, слезится, подтекает. Надо было шесть огромных гаек – им лет по пятьдесят, метрическая резьба – свинтить. Думал, не смогу. Полдня корячился. Свинтил. И ты свинтишь.

Он налил было ещё, но, подумав, слил водку обратно.

– Соня. За такую Соню я и помереть был бы рад. Мгновенно бы от всех других отскочил, только бы с ней! Ох, она так на мою маму похожа!

– Ну и объяснись. Так и так скажи: прости, по дурости руки протянул. Да, с ней и речи нет о лёгких отношениях. Только семья!

– По-оздно, – протянул Сашок. – Да и слава обо мне не первого сорта. Иной раз притворюсь, что что-то на кухне или в зале надо, зайду, чтоб только на неё взглянуть. Стыдно же! Она ничего, здороваётся. Но как со всеми. Как со всеми, понял?

– Понял. А тебе надо, чтоб именно с тобой?

– Именно!

Что я ему мог посоветовать? Тут к нам забрёл критик Веня. Он тоже со мной особо не церемонился, заходил и раньше. Опекал меня. Взял, то есть, шефство. Учил жить. Говорил обычно: «Старичок, врубись! Идёт борьба! Становись в строй! Нужны активные штыки!» Я протянул ему свой стакан. Он не чинился.

– Завтра к Ионе Марковичу? К небожителям? Я тоже.

– Но ты-то ему нужен: воспоёшь его шедевр. А меня он из-за Тендрякова позвал. Рядом стояли. Мне и идти-то неохота.

– Ну как же, даже из спортивного интереса: такой ареопаг собирается. Секретари СП СССР, сплошь лауреатство. Олимп! Повелители умов! Плесни ещё, Сашка!

– Мы идём слушать новое произведение, – объяснил я Саше.

– А которому жена пить не даёт, пойдёт? – спросил Сашок. – Про милицию пишет.

– А, – понял Веня, – уверен, что зван. Знаменитость. У него и фильмы, и однотомники. Это же элементарная литература, детективщина, чтиво. Он на Петровке свой человек. Его снабжают делами из архива. Выбирает, что поинтереснее, и переводит в роман. Фамилии меняет.

– Да он здесь каждую осень, это у нас все знают, – объяснил Сашок. – Если не напишет, пить не получит. Она его запирает и уводит. Он потом отчитывается. Она выдаёт бутылку. Он вроде того, что Ерофей Иванович или Елизар какой. Можно у дежурной посмотреть.

– У меня спросите. Конечно, Елизар Ипполитович. Точно так с выпивкой было у Мамина-Сибиряка, – поделился Веня знанием истории русской литературы. – Читал, Сашка, «Зимовье на Студёной»?

– Ещё в школе.

– Молодец! Не пропал для вечности, – похвалил его Веня. – Ну ты, – это уже ко мне, – осваиваешься? Наладил связи? Ты издатель, тебе легче. Не ты должен просить кого-то о чём-то, а тебя. Чего ты боком ходишь? Зачем тогда в Дом творчества ездить?

– Веня, я так не умею. Я тут многих вообще не знаю. Только которые мелькают по журналам и книгам, по фотографиям. Да и зачем знать? – рассудил я. – Это как наш знаменитый Егор Исаев: «Я могу кого-то не знать, но знаю, что меня знают». А мне ещё легче: и я не знаю, и меня не знают.

– Обожди, пока не забыл про Елизара, – перебил Веня, – тут уже я, как радатель русской словесности, имею мнение, – Веня снова глотнул. – Елизар единственно чем молодец, в чём его поддерживаю (я даже с ним вчера тай-

ком от его жены выпил), в чём одобряю: он у детективщиков хлеб отбирает. Несть им числа, заполонили все книжные полки. Прямо братство Вайнеров. Мусор создают, мусор сеют в головах, губят время, понижают вкус. У Елизара, по крайней мере, очистка страны от мусора.

– Милиционеров мусорами называют, – вспомнил Сашок.

– А что ты Егора вспомнил, – повернулся ко мне Веня, – это точное попадание: Егор – орёл. Он наш человек: за молодых буром прёт. Я его высказывание люблю: «В литературе, милый мой, чем дальше, тем ближе». Непонятно, но здорово.

– Тогда получается: чем ближе, тем дальше? – спросил Сашок.

– У Твардовского «За далью даль», – напомнил я.

– Конъюнктурная поэма, – сурово отрезал критик Веня.

– А посещение лагерей?

– После двадцатого съезда разрешённая тема.

Веня на всё имел критические замечания. Был в прелестной уверенности, что руководит литпроцессом. «Критики – топливо для писателя». Я же считал, что топливо для писателя – внимание читателей. Зачем и критики, когда оно есть? А критики только тем и занимаются, что сводят счёты друг с другом. Правильнее сказать: враг с врагом.

ОПЯТЬ ЧИТКУ ПЕРЕНЕСЛИ

Самое смешное, что секретарь южного классика опять постучался. Весь такой чёткий, рафинированный, в моём карцере очень живописно смотрелся. Видимо, его удивляло, как это его всесильный шеф зовёт в высокое собрание человека из номера, в котором нет окна. Даже не присел.

– Вынужден огорчить. Иона Маркович извиняется, что переносим. Но мы, простите, не учли, что это будет седьмое ноября. Тогда на восьмое. Пожалуйста, пометьте в календаре.

– Так запомню, – обещал я.

Утром на другой день на берегу Владимир Фёдорович высказался:

– Тянет, важности нагоняет. Чего было тогда не прочесть?

– Владимир Фёдорович, а хорошо бы и вам прочесть хотя бы отрывок.

– Да я-то бы прочёл, да Наташа не разрешит.

– Ничего себе. Почему?

– А где мы приготовим на такую ораву вина и закуски? Это, брат ты мой, южный классик! Они в республиках всё в кулаке держат. Там перед ними ихние минкульты на цырлах. Он же и депутат, и вообще многочлен. Эту повесть ещё и не видел никто, а я уже знаю, что её напечатают. И там на двух языках, и в Москве в журнале, потом и в «Роман-газете», потом в отдельной книге, потом будет театральная постановка, потом сценарий для фильма и сам фильм. Нам с ними не тягаться. Ты кого-нибудь переводил?

– Начинаю, – признался я, – Бориса Укачина с Алтая.

– Но хоть хороший?

– Очень! – искренне сказал я. – Подстрочник он сам делал. Я начитался их эпоса, чтобы войти в обычаи, в ритмику языка. Это о детстве его. Голод у них какой был, сусликов ели. Всё как у нас, кроме сусликов. Картошку прошлогоднюю ходили сразу после снега искать. Оладьи из неё пекли. Конечно, взялся я за перевод, честно говоря, из-за денег.

– Ещё бы даром. Но ты же не будешь славить достижения партии и правительств. А то сплошь спекуляции, славословия путям, указанным дорогой партией. А этот Ваня уже своего переводчика и редактора сюда высвистнул.

- Такой в галстук?
- Он. Ну что, двинулись!

СЕМЬ-СОРОК В ЧЕСТЬ РЕВОЛЮЦИИ

Накатило седьмое ноября. Годовщина Октябрьской революции.

– Почему не ноябрьской? – вопрошали пытливые умы мужского клуба. – Старый стиль большевики похерили, должны были и переворот назвать ноябрьским.

– А тебе не всё равно, когда выпить? – поддевали остряки.

– Может, и всё равно, но когда подкладка теории, то оно как-то спокойней.

Никакого торжественного собрания или митинга в Доме творчества не было. Но красные флаги были вывешены и на главном корпусе, и на обеденном. Ходившие в город говорили, что там была демонстрация. Мы поняли: услышали пальбу и увидели россыпи салюта на фоне моря.

Сидеть над бумагами было бесполезно. Звонил домой. Жаловался, что работа не идёт. Жена задала совершенно логичный вопрос: «А зачем поехал?» Сказала, что звонили из издательства: можно получить деньги за рецензии. Так что хоть это как-то оправдывало моё пребывание. Ведь я написал их в первые три дня, послал. Кажется, как всё это было давно. И этот Дом, и десятки раз топтанная по утрам дорога к морю, и само море. Но море не только не надоело, оно всё время тянуло. От утреннего погружения, каждый раз с невольным содроганием, до вечерней прогулки. На которую старался пойти один. Да в общем-то особо никто и не стремился гулять: холодно.

На громкую читку совсем не хотелось. Никакого интереса к знаменитостям я не испытывал. Всегда сторонился знаменитых, а также денежных. Почему, не знаю. Со знаменитостями будешь в их службе, с денежными – будут думать, пристаёшь из-за денег.

Торжественный ужин был начат раньше на час. Потому что приехали заказные Литфондом артисты и прибыл оркестр.

Ужины здесь и без праздников всегда был приличные, а тут на столы выставлялось такое обилие блюд, что все дивились. И приехавшее начальство, и местное были довольны. Меж столов порхали официантки в белых передничках и гуляла их старшая. Любезно улыбалась. И к нам подошла. Не надо ли что-то ещё? Мы благодарили: спасибо, всё лучше, чем надо.

– Наш стол, Соня, конечно, у тебя самый любимый, – сказала Наталия Григорьевна.

– Ещё бы!

Пели и плясали артисты изрядно, а отпев и отплясав, сели угощаться. Их сменил оркестр для танцев, который наявивал зело борзо. Танцевали в просторном вестибюле. Вдоль стен на столах сверкали напитки и пестрели закуски.

Я вжался в простенок меж окон и смотрел. Конечно, не танцевал. Никакого танго, никакого вальса не было, только быстрые. Но не украинский гопак, не матросское «Яблочко», не лезгинку грузинскую, не молдавский жок, не белорусскую бульбу, даже не фокстрот. Ещё быстрее. Самое медленное было часто тогда звучавшее «Бэсамэ мучо». Вспомнил знакомую старуху, которая об этом танце говорила: «Бес вас замучит». Да ещё двигались под звуки «Домино». Опять же вспоминал его переделку: «Домино, домино, денег нету, а выпить охота». Тут в праздник годовщины Октябрьской революции ритмы были боевые, победные. Гремели с лихорадочной скоро-

стью звуки плясок, тряслись под них. «Летку-енку» танцевать вытаскивали всех. Я уцелел. Потом ударили: «Э-ге-гей, хали-гали, э-ге-гей, самогон. Э-ге-гей, сами гоним, э-ге-гей, сами пьём!» То есть это были знаменитые «буги-вуги». И новые ритмы услышал я и увидел, как под них двигаются. Тогда впервые познакомился с классикой еврейских танцев: «Хава нагила» и «Семь-сорок». Это было нечто. Это можно было сравнить с ритуальной пляской победителей. Музыка была так энергична, ритмична, заразительна, что только заношенные, замученные ходьбой по асфальту ботинки удержали от участия в торжестве празднования Октябрьского переворота. «Хава нагила», в переводе «Давайте радоваться», – танец ликования. Это мне драмодел Яша объяснил. И меня пытался в круг поставить. Нет, я бы так не смог. Тут нужна была тренировка. Круги были: один, побольше, вращался по часовой стрелке, другой, внутренний, против часовой. И всё время с согласным приплясом в едином ритме.

А уж когда грянул пляс «Семь-сорок», тут пошли и пары, и кадрилиные кресты из четырёх человек, и отчаянные одиночки. Всё содрогалось и кипело. Не одни же тут были евреи, но плясали все.

Меня увидела Соня. Она и тут столами командовала. Весело спросила:

– А вы что стоите-простаиваете?

– А вы что то же самое?

– Мне нельзя, я на работе.

– Я так не умею.

– Тут и уметь нечего, топчись да дёргайся.

– Честно говоря, я уже уходить собрался.

– Можно я вас немного провожу?

Мы вышли в прохладу позднего вечера.

– Знаете, почему я напросилась проводить? Мне надо сказать, чтобы вы ничего не подумали. Что я тогда с Олей пришла. Может, подумали, что навязываюсь?

– С чего это вдруг, что вы?

– Спасибо. А я почему пришла: я вас в первый день как из отпуска вышла заметила, я вам говорила, ваше сходство с ним, с парнем, с которым любовь была. В регистратуре у меня знакомые сказали, что у вас в паспорте Кировская область, это же рядом с моей родиной, Архангельской. И я... – тут она как-то смущённо засмеялась. – В общем, вы мне понравились. И я, я же, дура, ещё вдобавок размечталась: вот я ему понравлюсь, он меня на Север увезёт. И чтобы в открытую, без обмана, пошла к вам с дочкой. Но сразу поняла, как вы про свою дочку сказали, что вы жену любите.

– То есть вы архангелогородская? Я это сразу понял: такая красота только у северянок.

– Да ну вас, не вгоняйте в краску.

– А как вы здесь оказались – это можно спросить?

– А чего нельзя? Крымские у нас шабашничали. Я не из самого Архангельска – рядом плотничали. На танцы приходили. И вот нашелся орёлик, округил. Вы поняли? Отец Оли. И увёз сюда. А здесь загулял. Пустой человек. Сразу надо было понять. Да я сорвалась больше из-за отчима, у меня папа рано умер, на зимней ловле сильно простыл, в больницу не захотел. Заработать хотел. О семье думал. А отчим – всё же отчим. Я на маму сердилась: папу быстро забыла. А потом сама ляжку потянула, её оправдываю: дети же. Ещё после меня двое. Да и отчим стал на меня поглядывать. Ого, думаю. Лучше уехать от греха подальше.

– То есть маму вы не послушались?

– Точно! Она моего Витьку сразу просекла: пустышка. А чем взял? Он среди шабашников всё-таки покультурней был. Но как? Наскрёб хохмочек с кабачка «Тринадцать стульев», на это дурусти хватило. Шутил, смешил. Привёз к себе сюда. Весело с ним недолго было. Скоро я сама его выгнала, от них ушла. Хотя свекровь, его мать, рыдала: Соня, спаси Витю, Соня, не уводи Олю. Внучку без ума любит. Приходит к нам. А Витька опять где-то порхает. Привезёт Оле куклу – и по бабам. – Она оглянулась на окна, из которых неслись звуки энергичных песен ливерпульской четвёрки, битлов-жуков. – Надо идти.

– А как вы в Доме творчества оказались?

– Закончила в Ялте уже кулинарное училище, искала работу. Вот и всё. Меня тянули в рестораны, но это уж нет, спасибо и до свиданья. Пришла сюда, спросила – взяли. Вначале на кухне, потом в простых официантках, потом старшей сделали.

– Мужички говорят комплименты?

– О, этого выше крыши. Это ж писатели! Не подумайте на себя. Но это такие мастера! Стихи дарят. Но я, если что, могу только по-серьёзному. Только так. Конечно, мечтаю о муже. Что в этом плохого? Но чтобы по рукам пойти? Тут только начни. Тут только дай слабинку – сразу вразнос, а у меня дочь. Братика просит. О, если бы уехать на Север! Лучше всего! На Север! Да? Вы поддерживаете меня?

– Ещё бы! Меня привезли в армию в Москву, так тосковал! Стою в карауле, гляжу на Полярную звезду, от неё на восток, на родину. Писал жене, сейчас вспомню: «Жена моя, милый мой друг, что я, какой больной, чтобы ехать на юг, париться в этот зной. Там звёзды низко висят: плюнь на них – зашипят. Север в нашей судьбе, там звёзд высоких не счастье. Будешь ходить по избе, как самая что ни на есть!» Простенько, конечно, но из сердца.

– Нет-нет. Очень!

– И ещё. Раз одобряете. «Наш северный лотос – кувшинка. Наш виноград – рябина. Наши моря – озёра. Наша пальма – сосна. Сосна – корабельная мачта, с натянутым парусом неба, прочно в земле стоящая, как в палубе корабля».

– Здорово! Да, это другим не понять: Север! Белые ночи! Боже мой! Северное сияние! – Она оглянулась: – Но мне уже совсем пора. Пойду.

Она пригорюнилась, как-то вопросительно посмотрела:

– А можно вас поцеловать? В щёчку.

– Да я ж такой небритый. Решил бороду отращивать.

– Ещё лучше!

Поцеловала и засмеялась:

– Меня первый раз поцеловали именно в белую ночь. Тоже только в щёчку.

Ещё раз поцеловала и убежала. И вдруг вернулась.

– У вас есть сменные брюки? Сложите эти в пакет и соберите рубашки тоже.

И опять, ещё с большей скоростью, унеслась. Уже без поцелуя.

Даже и ночью музыка этого вечера билась в памяти слуха, не давая спать. Конечно, наутро было не до работы.

Не выспался потому что.

ИТАК, ГРОМКАЯ ЧИТКА

Громкая читка у Ионы Марковича была на очень просторной веранде его номера. Совершенно открыточный вид на море, на горы, на небо. Сама веранда представляла как бы уличное кафе: гастрономическое обилие поражало с первого взгляда. Не успели мы отойти от вчерашней, грубо говоря, обжираловки, как на просторах секретарского номера нас ожидало застолье олимпийское. Кресла на веранде были расставлены в изысканном беспорядке, но каждое имело соседство со столиком. А столики были загружены яствами так, что у них подгибались фигурные ножки.

Иона Маркович был весел, благодарил за то, что удостоили посещением, говоря, однако, при этом, что очень волнуется.

– Надо же, – вполголоса насмешливо сказал Владимир Фёдорович, мы сидели рядом, – волноваться умеет. Сколько всего тут, попробуй покритикуй.

Елизар, любимец Петровки, 38, был уже выпивший. Он рядом с нами сидел с другой стороны и доверился:

– Сегодня я – царь и бог. Ваня молодец, бабье не позвал. Моя сегодня не посмеет меня тормознуть. Давай дёрнем. Чего ждуть? Это ж не банкет – обсуждение.

Столики и сидящих за ними зорко оглядывал редактор Ионы Марковича, уже мне знакомый, следил за сменой опустошаемых ёмкостей. Мгновенно заменяя их на полные.

Явились и расселись властители дум, небожители. Пришёл и опоздавший мореман Пётр Николаевич. Увидев такое обилие на столах, такое представительство властителей дум за столами, воскликнул:

– За хлеб, за воду и за свободу спасибо нашему советскому народу!

Сел на свободный стул рядом с критиком Веней, закинул нога на ногу. Веня выложил на стол предметы для раскуривая трубки: кiset, коробок спичек, плоскую, загнутую на конце палочку, начерпал трубкой табаку из кисета и стал утаптывать его этой палочкой, видимо, для этого специальной. Очень всё значительно проделывал.

Всем нам было неплохо. Куда лучше: дышали целебным воздухом, спустившимся с гор и растворённым поднимающимся навстречу воздухом морских просторов. Что говорить! А обзоры какие! Смотришь на море – не насмотришься. Прямо жмуришься от его сияния, а всё равно хочется смотреть. Птицы для нас концерт устроили. Как бы аккомпанируя человеческим голосам.

Читка началась. Она мне очень напоминала описанное Чеховым в рассказе «Ионыч» такое же чтение написанного матерью героини произведения. Там слышно было, как «стучат на кухне ножи», готовится угощение, гости томятся ожиданием. У нас ножи не стучали, угощение давно было привезено и приготовлено, и своё произведение читала не барыня, которая сочиняла от скуки, а настоящий писатель. И, как бы я ни иронизировал, писатель хороший.

«В тот первый послевоенный год мы жили очень трудно. И родители решили отправить меня в деревню к бабушке и дедушке. Они тоже еле-еле сводили концы с концами. У них оставалось два мешка кукурузных початков, бутылъ растительного масла, мешочек изюма, немного сушеного мяса и копчёное сало».

В этом месте Владимир Фёдорович пнул меня ногой под столом. Я отлично понял смысл этого пинка. С таким количеством продуктов, которые тут были перечислены, по нашим вятским понятиям, можно было зимовать.

Слушать было интересно. Городской мальчишка в деревне, познающий труды на земле, впервые встретившийся с лопатой, мотыгой, с кормлением

козы и поросёнка, провожавший гусей и уток к пруду и обратно, – всё было описано со знанием дела. Иногда и с юмором. Знакомая мне ситуация, когда курице подложили утиные яйца, и она вместе с цыплятами вывела на прогулку утят, и когда они оказались у воды, то утята поплюхались в воду. Бедная мама-курица чуть с куриного ума не сошла. Или, как козлёнок напододал мальчишке под коленки. Как прилетели скворцы. Как с бабушкой ходили в погреб за салом.

Это вообще замечательно, когда авторы отдают поклон детству и отрочеству.

Я слушал и всё ожидал, когда же автор будет резать правду-матку о тяжёлой жизни. Может быть, вот это: приход председателя колхоза, который просил деда выйти на работу, и приезд в село секретаря райкома на общее собрание. На работу дед не смог выйти: болен, занят с внуком, а на собрание пришлось пойти. Пошёл с ним и внук, бабушка осталась готовить ужин. На собрании агитировали подписаться на государственный заём на восстановление народного хозяйства. Но так как недавно уже подписывали, как говорится, добровольно-принудительно, то подписка шла со скрипом. Мальчик запомнил, как рассерженный на колхозников секретарь закричал на того, кто отказывался подписаться: «На Гитлера работаешь!» – «Так он же ж в же не живой», – сказал кто-то. А другой сельчанин выразился покрепче: «Хрен с ём, подпишись на заём!»

Читку в самом начале её оживил романист Елизар. Он был знаком с писателем, были они на ты, и он по праву дружбы, во-первых, а, во-вторых, желая совмещать приятное с желаемым, возгласил:

– Ваня, а вот это всё, что на столах, это только для посмотреть?

Иона Маркович даже привскочил:

– Что вы, что вы, что вы! Григорий Петрович, что такое происходит, ты что стоишь, не угощаешь? Давайте, давайте! За встречу!

– Не волнуйтесь, уважаемый автор, – солидно произнёс большой писательский начальник. – Григорий дело туго знает.

– Извините, спиной сажу, – оправдался, но с какой-то поддёвкой, Елизар. – Ну, он сказал: поехали... Чтоб нам всю жизнь работать и ни разу не вспотеть!

– Перерыв на аперитив! – услышалось от дверей.

Это Яша-драмодел подал реплику. И он пришёл. Без Серёги.

То есть Елизар дал отмашку, слушать прозу хозяина стало легче, слушать стало веселее. Гриша свершал круги по веранде, ловко подливая в бокалы из кувшинов. Этот Гриша так и не присел.

Владимир Фёдорович, пригубив вино, заметил, что оно очень даже тянет и на «Чёрного доктора». Я же, ничего в винах не понимающий, просто его пил. Очень мне понравились три сорта сыра: мягкий, твёрдый и ноздреватый, домашняя колбаса, тоже нескольких видов, уже упомянутое сало (может, из той же деревни от бабушки) и домашней выпечки пшеничный хлеб, чудом сохранивший благоухающую свежесть, а фруктов было – лучше не перечислять.

Высокое собрание не чинилось. Критик Веня перестал демонстрировать раскуривание трубки, глотанул вина и возгласил: «Вдова Клико!» Елизар придвинул к себе кувшин и часто заставлял его кланяться своему стакану, но и нашим бокалам его кувшин не забывал отдавать поклон. Один из небожителей вскоре вновь показал Грише пальцем на опустошённый кувшин, на смену которому тут же явился другой, полнёхонький. Пётр Николаевич, попробовав вино, сморщился, подозвал Гришу, что-то шепнул, и Гриша слетал за бутылкой коньяка.

Чтение продолжилось. Читал автор хорошо, с лёгким акцентом, иногда делая паузу и взглядывая на собравшихся. К вечеру приятно свежело, море приглушило сияние, отдав его небесам, птицы тоже чирикали потише, тоже вслушиваясь в описание нелёгкой жизни. Закончилось чтение часа через два. В финале повести герой её осмеливается заговорить с соседской девочкой, на которую до этого только издали глядел.

– Вань, ты сам-то выпей, – сказал Елизар.

– Да, конечно, – согласился Иона Маркович.

И в самом деле выпил. И обвёл всех вопрошающим взглядом.

Воцарилось молчание. Но очень краткое. И я буду не прав, если скажу, что хвалили повесть из-за того, что автор её так щедро угощал. Нет, повесть очень даже понравилась. Тем более критиковать шероховатости текста было вряд ли уместно, это же был авторский подстрочник.

Но как может не понравиться описание детства? Да, у бабушки-дедушки, да, в деревне! Повесть напоминала и «Детские годы Багрова-внука» Аксакова, и повесть Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Иларион», а там, где мальчик вытаскивает из речки брошенного кем-то щеночка, мелькнуло в памяти «Детство Тёмы» Гарина-Михайловского. Такие работы – благодарный поклон детству, заре жизни – каждый писатель просто обязан написать.

Но никто, конечно, поперёд батек не совался. Ждали первого слова от писательского начальства. И оно прозвучало от вставшего с фужером минеральной воды в руках:

– Иона Маркович, поздравляю!

Аплодисменты освободили начальника от необходимости словесно обосновать своё поздравление. Дружно заговорили. Гриша вновь совершал круги, теперь уже не с кувшинами, а с микрофоном, как бы собирая дань за угощение. Но не могло же быть только славословие, ведь в повести были затронуты и сложные темы, например, непосильное налогообложение, та же подписка на заём, упомянутые вскользь дезертиры. Да и начальник, не мог же он совсем без замечаний обойтись, выразил своё несогласие с одним из эпизодов.

– Мальчик ночью слышит, как бабушка молится. Он слышит, и мне это напоминает «Детство» Максима Горького. Там тоже бабушка молится, тоже своими словами, тут параллель. Но время, описываемое вами, Иона Маркович, другое. Вы освещаете время, в которое исполнилось тридцать лет советской власти. Так что рекомендую над этим эпизодом подумать. Литература идёт вперёд.

Тут Пётр Николаевич встал во весь свой рост и – он тоже был с хозяином на ты – спросил:

– А вот мне интересно: бабушка, увидев в окно секретаря, прячет икону. Это я понимаю, и бабушке твоей, икону спасающей, могу салютовать. Не хватает духа открыто сопротивляться, так хоть икону спасти. Конечно, пример внуку подаёт далеко не лучший.

– У нас атеистическое государство, – подал реплику второй начальник, тоже из секретарей правления.

Но не того стал учить. Пётр Николаевич фыркнул на него:

– Вы ещё скажите, что воинствующего атеизма.

– Да, скажу, – упёрся начальник.

– А в окопе под навесным и трёхслойным, перекрёстным и миномётным и под бомбами много атеистов? И Сталин был ребёнок малый, что церкви открывал?

– Тут политика, тут заигрывания с союзниками. Помощь от них по ленд-лизу усилилась. «Студебеккеры» – не вам говорить – это не наши полуторки.

– Сейчас я не о том, – сурово сказал Пётр Николаевич и покосился на Гришу. Тот понял, подскочил и наполнил осиротевший было бокал. – «Студебеккерами» от Бога не откупишься. Хорошо, поговорим потом. Закончу свою мысль.

– Да, конечно, простите, перебил.

– Но бабушка не заменяет икону портретом вождя. Уже спасибо. Пора уже и писать, как бывало у западнцев, про их двухиконность, двухпортретность. «Кум, яка ныне влада?» И портреты на стене, а то и в красном углу, то Сталина, то Петлюры. В зависимости от перемены «влады».

– Да нет, друже, нет. Чего нет, того нет, – заверял Иона Маркович.

– Но бывало же?

– То не у нас.

– Добре. То есть «Над всей Испанией безоблачное небо»? Поняли? – Он уже ко всем сидящим обращался. – Это сигнал к началу действий – кто не понял – войны в Испании... А теперь транслируем это на СССР. Я спрашиваю: был 20-й съезд? Был?

– Пётр Николаевич, конечно, был, – урезонил его большой начальник. – Мы повесть обсуждаем, повесть. При чём тут Испания?

Он хотел вернуть застолье в рамки литературного собрания. Но не получилось.

– А раз был, то что мы всё в намёках пребываем? Всё по-прежнему: спасибо партии родной, у нас сегодня выходной. Так? Прошла зима, настало лето, спасибо партии за это? Хоть за это спасибо. И поэтому всё у нас пойдёт по новой. От одного культа до другого шагаем. То батька усатый, то Никита-кукурузник. Широко шагаем, штаны как бы не порвать.

И Пётр Николаевич, сделав жест рукой, означающий примерно: а что вы мне на это ответите, – присел дохлёбывать светло-коричневую жидкость. За его спиной вновь возник Гриша, а в его руках возникла очередная бутылка.

– Силён Пётр! – восхищённо сказал Владимир Фёдорович.

Встал критик Веня. Вновь помахивая трубкой, что выглядело очень солидно, он тезисно изрекал:

– Острые моменты услышанного нами произведения присущи возрождению советской литературы. Однако застарелые формы руководства литпроцессом, засилие Главлита, несомненно, сковывают инициативу творческой личности. Но это не значит, что этого надо бояться. Я бы посоветовал автору пойти по пути итальянского неореализма. Да, да. Феллини или Антониони – сейчас это неважно, – снимая фильм, включая в него заведомо непроходные эпизоды. Не надо думать, что на Западе свобода волеизъявления. Например, снимает остросоциальную ленту и – в самом напряжённом месте включает изображение собаки, бегущей по отмели. Опять острый эпизод – опять собака. Комиссия недоумевает: почему собака? Он говорит: я так вижу, для меня это очень важно, и так далее. Потом упирается для виду, потом вырезает собаку, говоря, что наступают на горло его песне, комиссия довольна, и кино идёт к зрителю. Таких собак я бы посоветовал разметать по тексту. Вдобавок это было и амбивалентностью. Вы, Иона Маркович, несмотря на возраст аксакала, легко владеете тем приёмом современной литературы, который некоторые критики называют постмодернизмом, а я бы назвал новаторством традиции. Да, такой термин возник в моём сознании, когда я слушал ваше чтение. Новаторство традиции! – Довольный собою, Веня чокнулся с мореманом.

– Ваня, – проникновенно сказал размякший от радости отсутствия строгой супруги и от угощения Елизар, – вот что важно, Ваня. Ты Иона, а зовём тебя Ваня. Имя твоё объединяет Советский Союз. Вспомним армей-

скую песню-марш: «У нас в подразделении хороший есть солдат, он о родной Армении рассказывать нам рад. Парень хороший, парень хороший, как тебя зовут?» – «По-армянски Ованес, а по-русски Ваня». Дальше в каждой куплете новая национальность. По-молдавски Иванэ, а по-русски Ваня. По-грузински я Ваню, по-литовски (эстонски-латышски) всё равно Ваня. И ты Иона – Иван, и ты нас объединяешь. И повесть твоя стопроцентна.

– Спасибо, спасибо, Елизар, – растроганно говорил Иона Маркович.

– А имя Иван, Иоанн восходит к древнееврейскому, – с гордостью вставил Яша-драматург.

– Без интернационала нам никак нельзя, – сказал довольный начальник.

– Иоанны у них были, но Вани у них всё-таки не было. Я так думаю, – заметил Елизар.

Обсуждение повести, пропитанное застольем, плавно шло к идеальному финалу. Но вновь выступил мореман. Вновь он стоял с бокалом коньяка в левой руке, а правую поднял, будто голосовал или слова просил:

– На эту песню есть пародия: «У нас в подразделении хороший есть солдат, пошёл он в увольнение и пропил автомат». А пародия показывает фальшь того, что пародирует. Какая дружба народов, что людей смешить? – Сделав небольшую паузу и качнувшись, продолжил: – Внутри одного народа ещё есть какая-то солидарность, своих тянут, а к чужим любовь только у русских. Своих пожирают, других привечают. В Сибири вся нефть, всю нефтянку хохлы захватили. А в Кремле – уж я-то бывал в ЦК на Старой площади, ходил по этажам, читал таблички – сплошь украинизация. Кой-где грузинская фамилия мелькнёт да прибалтийская.

– Нормально, – одобрил Владимир Фёдорович, издали приветствуя оратора приподнятым стаканом. А мне заметил: – Молодец, Петька! У него же и «За отвагу», и солдатская «Слава».

– А почему это нам Африка дороже своих областей и волостей? – продолжал Пётр Николаевич. – А? И Раймонда Дьен, которая на рельсах лежит, про неё уже опера, и Патрис Лумумба Африку освобождает, и Манолис Глезос в Греции флаг срывает, и Поль Робсон для всех поёт. Всех мы любим. Этот мальчишка в Италии, Робертини Лоретти, только его и слушали. Своих не было? Он голос потерял, мутация, так у меня внучка чуть с ума не сошла: «Дедушка, дай пять рублей, мы деньги для него собираем». А у него уже бензоколонка. Все нам дороги, все хороши, всех спасаем. Кроме своих, кроме парня Вани, правильно Елизар начал про Ваню говорить. Русский Ваня, который всех их талантливее. Но пропадёт в безвестии, ему не на что выехать из нищей деревни, его из колхоза не выпустят: надо город кормить. У Вани паспорта нет. Это вот сейчас КПСС, а давно ли было ВКП, в скобках «бэ». Вэкапэбэ. Как расшифровывали? Второе крепостное право большевиков.

– Есть уже, есть паспорта, – испуганно успокаивал моремана большой начальник.

– Спыхватились, – надменно сказал мореман. – Почему парни рвались в армию? Паспорт давали. А на целину? То же самое. Вот об этом кто-нибудь напишет? Или так всё и будем колебаться вместе с линией партии? Одну официальщину гоним. Да все мы, писатели – шестёрки при нынешней власти. А писатель обязан быть в оппозиции! Иначе тишь да гладь, ведущая в болото.

– Пётр Николаевич, успокойтесь, уже всё налажено, – говорил начальник. – Ну что, товарищи, поблагодарим Иону Марковича?

Мы похлопали. Но, честно говоря, расходиться не хотелось. Пётр Николаевич, завладев вниманием, упускать его не захотел. И заявил, отпив из бокала и не садясь:

– А Босфор и Дарданеллы надо было брать! Надо было. И мы бы владели миром. Мы же собирались идти «под знаменем вольности» до самого Ла-Манша. Есенина Сергея читали? А Босфор, Дарданеллы совсем рядом. И нас поддержали бы евреи. Ведь мы вернули им государство.

– Да, это так! – воскликнул Яша-драматург. – Да! Это главный итог войны. Две тысячи лет скитаний закончены. Начало всесветного социализма. По Энгельсу, социализм наступает тогда, когда кочевые народы становятся оседлыми. Евреи уже стали. Остались цыгане.

– О евреях можно не заботиться, они сами лучше всех это делают, – это вновь Пётр Николаевич.

– Мы столько перестрадали! – возопил драматург Яша.

– Разве я что говорю, Яша? Яша, я тебя жалею и от погромов укрою. Я о родимой партии. «Ваше поле каменисто, наше каменистее. Ваши девки коммунисты, наши коммунистее!» Вот русский язык, полный неологизмов и потаённого смысла.

– Пётр Николаевич, – разгневался главный начальник, – вы же член партии.

– Я вообще многочлен! – отвечал ему на это Пётр Николаевич. – Я между боями в неё вступал. Партбилет в санчасть принесли. Да, коммунист, не стыжусь! И в глаза всем скажу: не всё в порядке в Датском королевстве! Зажралась партократия! К Брежневу это не относится. Он вояка! Попробуйте на катерке политотдела два-три раза в день под обстрелом залив пересекать. Были в Новороссийске? У него есть биография! Что ему от Никиты досталось? Кукуруза? Униженный Сталинград? Гонения на церковь? Нет, Брежнев – наш человек! И если с Фиделем на охоту съездит, что из того? Я о номенклатуре. Везде же уже по областям, а приедешь в любую республику – и по республикам у партократов поместья, охотничьи домики в два этажа, скоро в три будут. Иди, неси им горе народное. Доне-сёшь, да не попадёшь. Везде же охрана. Как поётся: «А за городом заборы, за заборами вожди».

– Спасибо, Иона Маркович!

Наши литературные вожди встали и покинули веранду.

– А вот ещё тема: инвалиды! – крикнул им вслед Пётр Николаевич. – Несмываемый позор на всю страну! Как убирали с улиц и площадей инвалидов, калек, слепых, безногих, безруких. Самовары! Прятали. Это что? Это непростое! У меня был друг фронтовой. На протезах. Ему и коляску уже достали. Вдруг его увезли. Куда? Сказали: в дом инвалидов на гособеспечение. А их сваливали в одну кучу на Валааме. Вот где победители. Где друг мой Алёшка? – Пётр Николаевич поднял взгляд к потолку веранды, покрытому вьющейся зеленью. Будто что услышал. – Да! Чего это, кто это с чего взял, что литература идёт вперёд? Вперёд, ребята, сзади немцы – так она идёт.

Владимир Фёдорович подошёл к нему, и они присели за отдельный столик. Я хотел было пойти на свой первый этаж, но был задержан Гришей.

Между тем смеркалось. На юге рано и резко темнеет.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЧИТКЕ

На веранде зажгётся свет. Это Гриша позаботился. Мы подходили к Ионе Марковичу, благодарили. А он не мог понять, за что мы его благодарим – за чтение или за угощение. Но мы дружно уверяли, что и за то, и за другое. Очень довольный Елизар, прихватив в дорогу баклажку, налитую Гришей, обнимал Иону Марковича:

– Ваня! От всего сердца, от души, от всей печёнки, от всей селезёнки! От мочевого пузыря! Да, Ваня, прошиб! Жить захотелось! Гриша! Салют!

Ушёл. Ушёл и Пётр Николаевич. Владимир Фёдорович, проводив его, сказал:

– Ваня, я бы так тебе посоветовал с повестью поступить, да это и всем нам надо. Пусть полежит. Она сейчас горячая, надо остыть. Сейчас всё тебе в ней дорого. Ещё бы – дитя новорождённое. Отойди от неё, займись другим. А потом достань и читай как чужую. И сам увидишь, где убавить, где прибавить.

Виновник торжества выпивал и благодарил. И вскоре исчез, оставив нас на Гришу.

– Отлично, отлично, – говорил критик Веня. – Как написал Саня Вампилов: «Побольше бы таких собраний», – говорили довольные трудящиеся».

Гриша, видно было, тоже был доволен. Персонально подскочил к Владимиру Фёдоровичу, спрашивая, не нужно ли ещё чего-нибудь.

– Нет, что ты, мы же не в два пуза едим. Слушай, Гриша, а когда у вас первая зеленё?

– Где-то к середине-концу марта.

– Ну что, – спросил я Гришу, – набралось на рецензию?

– Не только. Расшифрую записи, перегоню на машинку, разошлю по адресам для вычитки, для ещё дополнений, будем издавать книгу об Ионе Марковиче, всё вставим. – И предложил: – Может быть, и вы что-то скажете на магнитофон?

– Скажи, скажи, – подбодрил Владимир Фёдорович.

– Включаю.

– Скажу, что такие обращения к детству – это традиция русской да и вообще мировой литературы. «История Тома Джонса, найдёныша», «Дети подземелья» Короленко...

– Традиция, да! – поддержал тут же подскочивший Веня. – Но Иона Маркович её новаторски осовременил. Что я и сказал в выступлении. Новаторство традиции! Есть предложение, нет возражений? Гриша, записывает?

– «Грюндиг!» – похвалился Гриша.

– Отметь особо: это новаторский прорыв старшего поколения, когда реализм изображаемого погружается в подсознание, когда в контексте ощущаются мощь подтекста и – внимание – новая реальность современной прозы и критики – веяние надтекста. Понял? – победно спросил он меня.

– Как не понять, я счастлив, что живу с тобой в одно время.

– Именно! За нами будущее. Старшее поколение ощущает накат волны идущей на смену молодёжи и начинает ей подражать.

– Волне или молодёжи? – не утерпел я спросить.

– Будем дружить! – возгласил Веня. – Да, Гриша, не выключай. Три-четыре! В новом произведении звучит такая лирическая ноточка, ниточка такая, которая превращается в лейтмотив звучания, нить эта не нить Ариадны, вошедшая в бытовой фольклор, а блестяще найденная автором путеводная нить высокого искусства... Так, Гриша, я уже мысленно пишу предислужку к твоему сборнику.

Драмодел Яша делился своей проблемой:

– Запиши, Гриша: у нас всё Москва и Москва, везде Москва. Шагу без неё не ступи. С этой московской зависимостью литература и кино в СССР тормозятся.

– Как это? – не выдержал я, в данном случае представитель московского издательства.

– Но всё же каждую позицию приходится утверждать: в издании книг шагу не ступишь без Комитета по печати, отдела координации. А кино? У меня на студиях страны идут фильмы. И все их, все, – взвизгнул он, – надо визировать в Госкино. А там ещё те зубры сидят. «Почему это у него сразу несколько лент?» Да потому, – пафосно произнёс Яша, – потому, что они нужны, актуальны, сверхархиважны, как сказал бы Ленин, утверждавший, что из всех искусств для нас – писатели, не обижайтесь – из всех искусств важнейшим является кино. А в Госкино, уж где-где, казалось бы, глушат инициативу снизу. А уже сразу скажу: театр! Тут вообще беспредел – опять же утверждение, сдача каждой постановки начальству.

– И правильно, – сказал всезнающий Веня. – Нужна не такая цензура, но нравственная! Издевательство над классикой постоянно. Ни кино, ни театр, ни телеящик без написанного писателем шагу не ступят. Всегда в начале слово, в основе всего. Это даже и в Библии есть, почитайте. Но это слово в театре интерпретируется. Вдумайтесь, какое слово: интерпретация.

– Интерпретация. – Это я вставил.

– Да... – Веня или притворился глухим, или в самом деле не заметил сарказма. – А вот есть явление: появился на Южном Урале драматург Скворцов. Константин. Дивное дело – пишет в традициях и народной, и античной драмы. Его ставят. И люди смотрят. В Челябинске пьеса о Златоустинских мастерах «Отечество мы не меняем». Замечательно! Я видел на декаде культуры. А ставить извращённую классику – дело неумное. Вот Таганка, Любимов, Высоцкий. Вот Пугачёв, Хлопуша, крик, надрыв, где тут Есенин? Тут Любимов. А с другой стороны – Гельман, Мишарин, тринадцатый председатель, проблемы производства в свете морального кодекса. Авторы есть – театра нет.

– А чего ты про Скворцова?

– Его перевернуть нельзя. Попробуйте Софокла «Антигону» или «Ифигению в Авлиде» прочесть, выдёргивая куски, – съётеесь со смысла.

– Наливаю! – воскликнул Гриша.

Мы, немногие оставшиеся, дружно выпили и отвальную, и стремянную, и закурганную. Но одержать победу над винно-коньячными запасами Ионы Марковича и закусками при них мы оказались не в силах.

И, как пишут журналисты о свершениях тружеников народного хозяйства, усталые, но довольные, мы возвращались.

– Давай продышимся, – сказал Владимир Фёдорович.

Мы пошли вокруг Дома творчества.

– Знаешь, почему у них не будет литературы? Обратил внимание вначале, сколько всего, когда он приехал в деревню, оставалось еды у бабушки и бабушки?

– Ещё бы!

– Вот, ты сразу понял. Я Гришу спросил неспроста. Если появилась после зимы зелень, если до неё дожили, значит, выжили. Пестики, сивериха на ёлках, свечечки на соснах, там дикий лук, кислёнка-щавель – это же всё съедобно, тебе ли объяснять? Они того, что мы испытывали, не испытали. Не пережили. Два мешка кукурузы! Мешок муки! Бутылка масла! Может, они Никите и посоветовали кукурузу сажать. О, Русь, себя не кукурузь! Кто это написал, не знаешь? Неплохо, да? Кукурузу – в Сиракузы, кукуруза – нам обуза.

Мы уже завершали круг. Уже поднялись на крыльцо. Он взялся за дверную ручку.

– У нас за четыре мешка сорной пшеницы посадили. Да, подлинный случай. – Он засмеялся вдруг. – Ну, Петя, орёл! Фантомас разбушевался. А ему уже терять нечего. Его и генералитет поэтому не прерывал.

- Почему?
- Ты не знаешь?
- Что именно?
- Рак. Неоперабельный.
- Нет, – растерянно сказал я. – Не знал.
- Да-а. – Он помолчал. – А у тебя как, идёт дело? Только честно.
- Честно: никак.

Мне даже стало легче, что я признался. А куда денешься, он же мне помог приехать в Дом творчества. А творчества никакого. Не оправдал доверия. Жену тувель лишил.

От дальнейшего объяснения меня избавила парочка, выходящая из корпуса на вечерний моцион: Серёга и Ганна-Жанна. Рыже-огненная, она прямо вестибюль осветила. Их пародист Петя прозвал Пара-цвай. Владимир Фёдорович поспешно ушёл. Серёга меня представил.

– Ты с обсуждения? И как там? Всё гениально? – И, не давая ответить, продолжал: – Я тоже хотел пойти, а потом спрашиваю Жанну: тебя позвали? Она: нет. Ну, друзья мои, я не азиат, без дамы не пойду. А идти просит? Ну, такое не для нас, друзья мои. Это не апломб, а, если хотите, этикет. Да, Жанночка? – Жанна неопределённо хмыкнула. – Жанна, ты ему, – это он обо мне, – потом расскажи о том, как всё было с Рубцовым. – И уже для меня добавил: – Жанна с ними была знакома. И с этой, Дербиной, которая задушила, и с Колей. С Колей-то мы корешили, я тебе рассказывал. Так я и с Володей Фирсовым, с Геней Серебряковым, с Володей Цыбиным заединщики, на страже родины. Они не этот Евтух, который всегда на баррикадах. То в одну сторону постреляет, то в другую.

– Ты и с Пушкиным на дружеской ноге, – насмешливо сказала Жанна.

То есть использовал меня Серёжа, чтобы перед Жанной-Ганной выхвалиться. Никто его на читку не звал, и с Рубцовым вряд ли он корешил. Сейчас у Рубцова столько друзей развелось. А при жизни часто и переночевать было негде.

У меня в номере был подарок: на полу спал Сашок. На столе записка, закрывающая налитый до половины стакан: «Употреби».

НАДО И МНЕ СОБИРАТЬСЯ

Утром записка осталась, но прикрывала она уже не половину, а четверть стакана. То есть, как ни рано я встал, Сашок встал ещё раньше, отхлебнул, опохмелился и двинул на свои труды. Или, скорее, стеснялся за своё вторжение.

И опять мы бежали к морю. Уже сверху рубашек пришлось надеть свитера. На берегу торопились свершить обряд погружения, скорее одеться и – обратно. Зрителей не было. Быстро одевались.

– Борода моя, бородка, до чего ты довела, – шутил Владимир Фёдорович о моей небритости, – говорили раньше: щётка; говорят теперь: метла. Правильно делаешь, от неё теплее. Скоро зима.

– Дедушки же с бородами были. Потом на время прервалось, отец брился. А мне надо семейную традицию возрождать. Да и говорят же: мужчина без бороды всё равно что женщина с бородой. Или ещё: поцелуй без бороды что яйцо без соли.

– Без карломарксовой? – засмеялся Владимир Фёдорович. – И обратился к прибою: – Эх, море-моряшко, завтра у меня последний разочек. – Раньше тебя приехали, раньше уедем. Без меня побежишь?

- Но, когда меня не было, вы же бегали сюда?
- А как же. Но с тобой повеселее было. Побежишь в одиночку?
- Как прикажете.
- Беги! И за меня тоже искупнись.

Назавтра мы его провожали. Вывалил весь корпус. Соизволило и начальство. Пётр Николаевич вышел, Веня отметился, конечно, Серёга и Жанна, Пара-цвай, вышли на крыльцо. С ними уже часто и драматург Яша гулял, был тут же. Владимир Фёдорович отвёл меня в сторону.

– Всё-таки я доцарапал повесть. Назвал «Ночь после выпуска», нормально? Выкинули молодняк в жизнь, а жизни не научили. Хотел вам с Наташей вслух прочитать, не получилось. Теперь, без паузы, сажусь за следующую. «Четыре мешка сорной пшеницы» назову. Нормально? Ты не переживай, что мало сделал.

– Да вроде уже пошло, – доложил я.

– Никуда оно не денется, – подбодрил наставник. – Ты тут, по крайней мере, увидел цеховое содружество. Увидел? Понял, что его нет? И не надо. Каждый за себя, а все вместе за литературу.

– А литература за народ?

– Хорошо бы! Да, видишь, пока не получается. А как получится, если за поэзию считают рифмованную борьбу за мир да всякие параболы, а за прозу – разоблачение культа личности. Смелые! Оказывается, сказать элементарную правду – это смелость. А критики смелые оттого, что требуют от писателей смелости.

Наталии Григорьевне принесли цветы.

Подошла литфондовская машина. Они погрузились и уехали. И мне очень захотелось уехать. Прямо сейчас: опустел для меня Дом творчества, осиротела тропа к морю. Но подошёл, взял под руку меня Пётр Николаевич:

– Мне Володя велел тебя опекать. Пойдём выпьем.

– А можно нет? Но я могу рядом постоять.

– На нет и суда нет. Можно. Проверку на вшивость ты прошёл. Иди садись, трудись. Ничего нам, брат ты мой, не остаётся. Давай пройдемся. Я ведь нынче последний раз приехал, прощаться приехал. С Ялтой. Мы каждый год приезжали с Настей, а нынче, братишечка, я впервые один. И везде хожу, и везде слёзы лью. Тут были с Настей, тут посидели, тут я её огорчил, эту лавочку она любила, вязала тут мне каждую осень носки шерстяные, вот я и хожу от её заботы. Везде Настя. На меня, как её похоронил, ещё на поминках нашествие началось. Много же вдов, знакомых её много, все по новой стали невесты. «Мы будем приходить, составим график», – это подруги её. Ну уж нет, они, все вместе взятые, мизинца её не стоят. Вот, – он достал из нагрудного кармана фотографию. – А глаза, видишь, какие глаза: чувствовала. Эх, милая! Как бы я тебе после этого отчитался при встрече? Что на твою кухню другую допустил? Чтоб мне рубахи не ты стирала? – Он убрал фотографию. – Мне бы тяжелей было, если б я первый отстрелялся, её опечалил. А так, всё по-божески.

Мы прошли по аллее до конца, вернулись. Ещё раз прошли.

– Так и мы гуляли. «Петя, – она говорит, – какой воздух!» Вот и я приехал в память о ней подышать. Да перед смертью не надышишься.

Мы присели на «Настину» скамью.

– Русские у нас везде ущемлены, – сказал он. – Шолохов Брежневу написал о засилии космополитов в кино и литературе, о псевдонимистах, от фамилий отцов ради выгоды отказавшихся. Об издевательствах в кино над

русской историей. И что? И тот умудрился написать резолюцию: «Разъясните товарищу Шолохову, что в СССР нет опасности для русского искусства». Хвалю Брежнева: Лёня-Лёня, а в главном он оказался близоруким. Что удивляться: всегда в России царь-батюшка хорош, бояре плохи. И пошли тут всякие Солженицыны, сам-то он очень Никите угодил, тот Сталину мстил, да расплодился рифмачи, которым, кому ни служить, лишь бы честь и поклонение да валюта. Давно ли прошло столетие Ленина, уж сколько на эту тему было анекдотов. И никакого ему в них народного почтения. Выпустили юбилейный рубль-монету, тут же: «Скинемся по лысому?» Или: алкаш достаёт монету, Ильичу говорит: «У меня не мавзолей, не залежишься». А наши строчкогоны везде наварят. У Вознесенского такой прямо надрыв: ах, уберите Ленина с денег: он для сердца, он для знамён. А про школу Лонжюмо, где готовили террористов, учили убивать, сочинил полную дикость, что русская эмиграция – это Россия, а в самой России среди «великодержавных харь проезжает глава эмиграции – царь». А дальше слушай: «России сердце само билось в городе с дальним именем – Лонжюмо». Вообще – полный кощунник: «Чайка – плавки Бога». Это уже такая мерзость. Рождественский шаг к мавзолею считал, тоже на поэму насчитал. Коротич – и этот поэму настрогал про дополнительный том собрания сочинений. Срам! Сулейменов тоже отметил, но он Ленина сделал тюрком, своим угодил. Все на премии рассчитывали. Иначе-то бы чего ради надрывались? И выскребли. Могут. Евтушенко вообще без передышки молотил всякие «Братские ГЭС», где египетская пирамида говорит с плотиной электростанции, да «Казанский университет», где Володя Ульянов занятия срывал. Противно всё это. А они в фаворе. А молодёжь смотрит: вот на кого надо равняться, вот они где, успешные. А это всё ширпотреб. Есть же Горбовский, Костров, Куняев, Передреев, Старшинов, Кузнецов. Лёша Решетов в Перми. Поэты! И поэты в прозе сильные: Юра Казаков, Юра Куранов, Женя Носов, два Виктора – Лихонос, Потанин.

Пётр Николаевич опёрся о скамью и встал:

– Вишь, какую тебе лекцию закатил. Люблю поэзию. Сам в молодости грешил. Но понял, что пишу хуже классиков. Хватило ума. – Мы как-то невольно вновь пошли по кругу. – Послушали мы национального классика, а мы кто? Мы, русские? Мы национальные или нет? Нет, мы – советские. Вот Иона, уже у него и подстрочник готов. То есть у него в республике выйдет повесть на их языке и на русском языке. И напишут сценарий, и кино снимут, и сделают театральную постановку. И Москва его издаст, и книгой, и в журнале. И в роман-газете. И за всё заплатят ему по высшей шкале. Разве так есть у русских? Этот главный наш, ему я на Читке не угодил, меня потом успокаивал: нужен класс богатых, они будут меценатами, покровителями. Новые Морозовы и Саввы Мамонтовы нужны. Богатые богатеют за счёт роста бедности. – Он остановился. – Всё, хватит. Заболтал я тебя.

К ЛЮБИМОЙ СОСНЕ

Очень тяжело было пожимать его руку. Но он так бодро и сильно стиснул мою ладонь, так крепко хлопнул по плечу, что я постарался не унывать. Договорились, что сядем на обеде за одним столом. То есть он сядет на место Владимира Фёдоровича.

Я пошел, было, в номер, но понял, что, хотя наконец-то моя работа пошла-поехала, сразу сейчас, после их отъезда и разговора с Петром Николаевичем, сесть за неё не смогу.

И пошагал я в гору к своей любимой сосне.

И пришагал.

И закарабкался повыше. Утвердился в развилке сучьев, как в кресле, расселся в нём и озирал свои владения, как полновластный хозяин. Вот там были в винных подвалах, там сидели, пили «марганцовку», там, за зеленью прибрежного парка, берег, на который прибегали каждое утро. Там кафе «Ореанда», там причал, там дом Чехова, а там, я обратил взгляд на горы, к северу, семья моя, Москва, а восточнее – родина, Вятка. Только её воздухом можно надышаться. Хотя и в Ялте он неплох.

Так бы и уснул в этом кресле-качалке, да ведь не обезьяна, свалиться можно.

На обеде ко мне посадили не только Петра Николаевича, но и Серёгу с Жанной. Об этом просила меня Соня. Пожурила, что не принёс ей вещи для стирки. Мы говорили легко, как брат и сестра. Заметила, что я сейчас гораздо лучше выгляжу, чем при заезде. Сказала, что сейчас у неё на работе Оля и что Оля сделала для меня маленький подарочек. Я проводил её к её столу.

– Соня, извините меня, я слово одно замолвлю за Сашу. Я к нему пригладелся, он очень порядочный. Мелочи не в счёт. Буду говорить напрямик. Он вас любит. Да-да, не перебивайте. Знаю, что вам вернуться на север одной, с дочерью, трудно. А с хорошим мужем очень даже прилично.

Соня смущённо засмеялась:

– Ничего себе, поворотик сюжетики. Я и не говорю, что Саша плохой. Тут его избаловали.

– Соня, он может быть верным. Если мужчину любят искренне, он на сторону не пойдёт.

Олечка подбежала и не дала закончить разговор. Я только и успел сказать:

– Олечка вся в него.

Соня даже вспыхнула. Оля мне подарила шишку, превращённую в симпатичного ёжика. Сказала, чтобы я отвёз его своей Катечке.

Но самое-самое главное: работа моя понеслась, вот что! Это было так освежающе, и так успокоилась душа, что я писал с огромной скоростью, только и боясь, чтоб что-то не помешало. Бежал на завтрак-обед-ужин пораньше, быстро поглощал еду, не понимая, что ем, быстро убегал, обегая стороной мужской клуб. Даже раз столкнулся с Соней и не сразу узнал: был занят мыслями о работе. Да, дождался, заработал счастье работы страданиями. И тут скажи мне даже, что меня зовёт к себе в шатёр шамаханская царица, я бы и от царицы отмахнулся. Ни одной странички ни на какую царицу не променяю.

Да, но времени уже не оставалось. Прибежал в одиночестве утром к морю – холодище! Непокойно синее море. Окунулся за себя, проплыл. Выскочил. Но надо же и за учителя. А за него побольше надо. Заплыл, выплыл, трясусь. Простыл.

И резко затемпературил. В последнее утро прощального погружения исполнить не смог. На завтрак не пошёл. Конечно, сразу пришла Соня, потом медсестра, врач. Оставляли, продлевали срок, но я не поддавался на уговоры.

И на завтра уехал в Симферополь. А там на поезд. Билет на это число у меня был куплен заранее.

**Александр
ПОНОМАРЁВ**

ДВА РАССКАЗА

ЧЕРЕЗ НЕВЕР НА АЛДАН

Тук-тук, тук-тук – стучали колёса. Поезд, выпуская в воздух клубы чёрного едкого дыма, шёл на Дальний Восток. В общем вагоне можно было смело вешать топор. Было накурено и ещё пахло копчёным салом, жареными семечками, махоркой и грязными, невымытыми человеческими телами. В темноте были слышны бормотанье, всхлипы, густой храп и иногда плач ребёнка.

Людмила ехала во Владивосток, где стояла часть её мужа Степана. Неделю назад она получила вызов от суженого. Пускаться в путь можно было только при наличии проездных документов: второй год по просторам и весям нашей необъятной страны громыхла война. В дороге на каждой мало-мальской станции комендантские патрули долго и тщательно проверяли документы.

– Куда это вы, мамаша, с малым ребёнком в такую даль? – спросил Людмилу капитан со шпалой в петлицах, светя карманым фонарём на запыхавшуюся бумагу.

Мамаша! Людмиле и шёл-то всего двадцать первый годок. Не успела она нажиться со Степаном вволю. Но, что правда, то правда – аккуратно в марте сорок второго родилась дочка Лариса. Мужа мобилизовали ровно девять месяцев назад. В Шадринском родильном доме почти ко всем приходили мужья или матери. Мать Людмилы умерла перед самой войной. «Ничего, не плачь, дочка, – успокаивала её старенькая санитарка, – не плачь, голубушка, нынче вся страна бедует. Война...»

– Да вот муж вызов прислал, вы уж извините, товарищ капитан, – прошептала Людмила.

На руках, посасывая кулачок, спала трёхмесячная дочь.

-
- Александр Анатольевич Пономарёв родился и живёт Липецке. Окончил филологический факультет Липецкого государственного педагогического института, Республиканский институт МВД России по специальности «Практическая психология». Служил в органах внутренних дел РФ. Подполковник милиции в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Автор пяти книг прозы и драматургии. Член Союза писателей России (2011), Межрегионального союза писателей Украины (2010), Конгресса литераторов Украины (2010), член-корреспондент Крымской литературной академии (2012), член Академии российской литературы (2017), Интернационального Союза писателей, драматургов и журналистов (2017). Лауреат национальных и международных литературных конкурсов.

– Не извиняйтесь, что поделаться? Война... – И капитан, козырнув, опустил вниз красные от бессонницы глаза.

Война! Много раз из уст многих людей Люда слышала это слово. До Урала вражеская авиация не добиралась, но от эвакуированных она слышала, что в нескольких сотнях километров от её сторонки рвутся бомбы и снаряды, а чёрные самолёты с крестами на крыльях расстреливают колонны и поезда с мирными гражданами, убегающими от этой самой войны. Во всех городах был введён комендантский час. Во время него любые передвижения по улицам города без специального разрешения были запрещены, а окна домов плотно завешивались массивными гардинами. Это называлось – соблюдать светомаскировку.

С приходом войны в умы и сердца людей как будто всадили большую занозу. В каждом доме, в каждой семье ждали мужей, отцов, братьев, сыновей. Война по-хозяйски входила всюду. Она устанавливала свои, никому доселе неизвестные законы. Изменились традиции и уклад жизни людей. И даже разговаривать теперь стали шёпотом.

«Всё для фронта, всё для победы!» – было написано на плакатах и транспарантах.

Письма от Степана приходили редко, но из них Люда знала, что муж находится не на западных, а на восточных рубежах Родины. Его часть была расквартирована недалеко от Владивостока. Напрямую, конечно же, он об этом не писал. Но из намёков и между строк Люда понимала, что это именно так.

Шли третьи сутки в пути. Лариса спала не переставая, видно, тихий ход поезда укачивал девочку.

– Тут где-то с ребёночком были, – старуха-мешочница свесилась со второй полки и, разглядывая Людмилу, смотревшую на неё снизу вверх, продолжала: – Ты глянь, девка, не задохлось дитё твоё? Ведь почитай третий денёк едем, а оно ни гу-гу!

– Скоро ли Владивосток, бабушка?

– Скоро, скоро, голубка! Небось, к мужу едешь?

– К нему, кормильцу.

– Ну, дай тебе Господь, а ребёночек твой терпеливый, ох, терпеливый. Третьи сутки, а он ни хныка, ни плача! Дай вам Господь! – И бабка истово перекрестилась.

Наутро на перроне вокзала её обнимал большой и незнакомый Степан. Она впервые видела его в офицерской форме, перепоясанного скрипучими кожаными ремнями.

– Слава Богу, добрались, Людушка! – Степан прятал глаза.

Она же прижималась к тёплому плечу мужа и не могла сдержать слёз, струйками стекающих по её щекам.

– Назавтра уезжаю на фронт, сопровождаю эшелон. Три дня проживёшь в гостинице, я всё устроил, а потом поедешь на Алдан к моей матери.

– Как же так, Стёпа? А с тобой нельзя?

– Никак! Эшелон спецназначения, через три дня пойдёт поезд с мобилизованными, с ним и уедешь. – И Степан сунул ей в руки вещевой мешок с продуктами. – Это вам на дорогу.

– Стёпа, я же свекровь не видела никогда, узнаю ли?

– Не волнуйся, я ей написал. Встретит. Зовут её Анастасия Ивановна, да ты знаешь! Не забудь: доедешь до станции Большой Невер, а потом на попутке до Алдана. До Алдана, понятно? – И Степан, нежно обнимая дочь, прижался к ней колючей небритой щекой.

Он уехал на следующее утро и долго махал им, стоя на подножке уходящего эшелона.

Через три дня Люда пыталась забраться в теплушку поезда. На перроне вокзала творилось что-то невообразимое. Поезд брали штурмом. Вокруг кричали, плакали, целовались, пели песни, обнимались. Поезд охраняли матросы. Друг Степана – улыбочивый краснофлотец Корилов, поговорив с одним из морячков, накинул ей на плечи солдатский бушлат и, растолкав стоявших на перроне людей, запахнул её в вагон.

Люда ползком залезла в теплушку и забилась в дальний угол. В одной руке она держала дочь, в другой вещевой мешок, доставшийся от мужа.

И снова дорога. Лариса опять спала не переставая, и только мокрые пелёнки напоминали о маленьком ребёнке. Сначала Людмила пробовала сушить их, высунув в окно, но на сукне оставалась такая копоть от паровоза, что она прекратила это бессмысленное занятие. Да ещё и Лариса, которую она бережно оставляла на стопках сена, начинала хныкать, чувствуя отсутствие матери. Людмиле оставалось только покрепче прижимать её к себе.

Станция Большой Невер встретила их непроглядной теменью. Кроме Людмилы с дочерью, никто больше не вышел на перрон. Поезд простоял пару минут и, обдав их тёплым паром, продолжал свой путь к западным рубежам.

– Когда будет попутная на Алдан, дядя? – спросила Людмила путевого обходчика с фонарём.

– Через три часа, касатка, иди на вокзал – там и передохнёшь. – Путеец, волоча правую ногу, заковылял вслед уходящему поезду.

Полуторка с расколотыми бортами стояла на пыльной площади. Молодой водитель, сдвинув набок фуражку, озабоченно стучал стоптанным сапогом по правому баллону.

– А-а, доедем... – Он махнул рукой и разрешил: – Залезай!

Люди, тесня друг друга локтями, принялись занимать места. Вскоре весь кузов был забит. Садилась спиной к бортам машины, вытянув ноги перед собой, и складывали куда попало дорожные торбы.

Людмиле досталось место на запасном колесе в конце кузова. Машина, чихнув карбюратором, запыхала по узкой дороге.

Через пять часов езды автомобиль остановился у закуской.

– Полчаса всем покурить и переспать, – оскалил зубы молодой водитель и направился в заведение.

Ровно в указанное время шофёр вновь заглянул в кузов. От него пахло водкой и жареной картошкой.

– Все?

И, увидев, как болтается голова уставшей от дороги Людмилы и её ребёнка, недовольно нахмурился. Потом залез в кузов и подошёл к кабине.

– А ну, расступись. Бабка, я кому говорю, расступись!

Люди нехотя подвинулись.

– Иди сюда, кума! – водитель поманил Людмилу пальцем. – Сюда садись. Сейчас по кишке поедем. Понимать надо. А вам, граждане, совестно. Ить с дитём баба.

Людмила послушно уселась на удобное место. Лариса тихо посапывала во сне.

– Это что же за кишка такая? – спросила она пожилого дядьку в очках.

– Сейчас увидишь, дочка. Вверху облака – за них держись, внизу пропасть – гляди не оступись, – ослабил дядька.

Полуторка, подняв облако пыли, вновь отправилась в путь. Водитель лихо гнал машину, не притормаживая на поворотах. С правой стороны в небо уходили горы, а с левой падала вниз глубокая пропасть, как и сказал мужичок в очках. Когда стемнело, машина шла тихим ходом, а как рассвело, шофёр вновь поддал газа.

Через бурную реку переправлялись на пароме.

– Это Лена-река, дочка, а как через Ангару будем переправляться, держись, – вновь повернулся к Людмиле мужичок, – я скоро схожу. А ты в дороге ни с кем не говори и никого не слушай. Вокруг тайга. Ссылных много. Иной целыми посёлками живут. Так-то.

Ещё через сутки пути машина остановилась в огромном распадке. В кузове, кроме Людмилы с дочкой, не осталось никого. Все сошли по дороге.

– Алдан, приехали, слазьте, – крикнул молодой водитель и вытер пот с лица тыльной стороной ладони.

– Люда, Люда!

На обочине стояла немолодая женщина в пуховом платке.

– Мама! – Людмила прижалась к свекрови.

– Я тебя второй день уж встречаю...

Женщины обнялись и тихо плакали, уткнувшись друг в дружку. И только маленькая Лариса покрхтывала на руках у матери.

– А ну, кажи внучку!

Анастасия Ивановна разглядывала Ларису, и крупные слёзы катились по её впалым щекам.

Два часа назад в посёлок привезли почту. В кармане её пальто лежало казённое письмо, пахнувшее сургучом, в котором круглым каллиграфическим почерком было написано, что её сын – младший лейтенант Степан Савельев героически сложил свою голову в боях за нашу советскую Родину.

ВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ

Игорь сидел за столиком в маленьком венском кафе. Молоденькая приветливая официантка с улыбкой поставила перед ним чашечку дымящегося крепкого кофе и блюдце с выпечкой. «Бите шён», – произнесла она и медленно удалилась.

Игорь посмотрел на часы. Полвторого. Через полчаса он наконец-то увидит сына.

Четыре года назад его бывшая жена Галина вышла замуж за гражданина Австрии и переехала в Вену на постоянное место жительства. С женой у Игоря отношения были довольно натянутые, расставались они долго и тяжело, но сына Вадимку он очень любил. Часто перезванивался с ним. Вадимка, общаясь со своими ровесниками в чужой стране, начал потихоньку забывать русский язык. Хотя чужой она была для него – Игоря, а для сына уже стала своей. Он даже иногда начинал волноваться, когда Вадим подолгу думал, прежде чем ответить на его вопрос.

– Вадька, ты что не отвечаешь, приболел, что ли? – с тревогой спрашивал он.

– Нет, пап, – смеялся сын в телефонную трубку, – просто я думаю по-немецки, а потом на русский перевожу.

Галина когда-то закончила иняз пединститута, поэтому немецким владела в совершенстве, хотя её второй муж, с которым она жила довольно счастливо, вначале делал ей замечания за её хох-дойч и весело говорил: «Галя,

ты коворишь как пифкинезе». Она быстро адаптировалась в Австрии и уже работала на хорошем месте. Ну, а ребёнку пяти лет привыкнуть к новому не составляет большого труда, гораздо быстрее, чем взрослым.

Четыре долгих года не видел он сына. В Россию Галя не приезжала – её родители давно умерли, а Игорю удалось попасть в загранкомандировку. Его металлургический комбинат заключал контракт с австрийским концерном «Фест Альпини». На два дня ему всеми правдами и неправдами удалось вырваться в Вену.

– А, это ты... – услышал он недовольный голос Гали. – Какими судьбами?

– Галь, привет, – у Игоря даже голос сел от волнения, он откашлялся, прикрыв трубку вспотевшей ладонью, – я тут по делам фирмы. Вот удалось на пару дней вырваться в Вену. Как Вадимка?

– Нормально, – голос бывшей немного потеплел, – он про тебя тоже спрашивал недавно.

Игорь знал, что разговаривать с Галей надо очень осторожно, настроение её менялось так же быстро и непредсказуемо, как погода на Туманном Альбионе.

– Галь, я бы хотел с Вадькой увидаться. Можно?

– Сегодня – нет. А завтра – пожалуйста. Часа в два. Да. Я думаю, в два он будет свободен.

– Так я за ним подъеду! Какой у вас адрес?

– Ты мне завтра перезвони, обо всём договоримся. А ты, кстати, где остановился?

– В гостинице. В Пуркенсдорфе. Это пригород.

– Я знаю, – засмеялась Галя, – ну ладно, до завтра.

Раз сегодня не удастся повидаться с сыном, то можно и город посмотреть.

Игорю сразу понравилась Вена. От неё пахло вековыми традициями. Маленькие уютные улочки, вымощенные булыжниками, сходились в небольшие площади, а потом вновь разбегались в разные стороны. Небольшие дома стояли настолько близко друг к другу, что казалось, это ветхие старушки в черепичных шляпках выстроились в ряд, касаясь соседок плечами. Игорю показалось, что вот сейчас, если закрыть глаза и прислушаться, то можно услышать могучую поступь рыцарского коня, а потом открыть глаза и увидеть, как средневековый рыцарь пришпоривает гнедую, сверкая латами, а она неторопливо скачет, звеня серебряными подковами.

Игорь завернул за угол и оторопел. Мимо него промчалась белая карета, запряжённая парой белых же лошадей. Несколько фаэтонов стояло поодаль. Лошади, покрытые красными попонами, дремали, качая головами.

Первым делом Игорь посетил могилы советских бойцов в Пуркенсдорфе. Видно было, что за ними ухаживают. За маленькими железными воротами стоял памятник из белого кирпича, на плите была выбита надпись: «Вечная слава героям, погибшим в боях за социалистическую Родину». Справа и слева стояли памятники поменьше с именами и фамилиями. Большинство из бойцов погибли в апреле 45-го в боях за освобождение Вены.

Где-то здесь в венском лесу встретил Победу его, Игоря, дед. Он рассказывал Игорю, как, услышав о победе, солдаты устроили салют, а потом до изнеможения плясали под гармонию.

Игорь оглянулся. Вот он – знаменитый венский лес. Горы, покрытые деревьями, внизу катит свои воды речка Вена. А сверху зелень, насколько хватает глаз, и только иногда встречаются жёлтые подпалины. Осень.

«Сказки венского леса я увидел в кино, это было недавно, это было давно» – пронеслась в голове мелодия старинной забытой песни.

Игорь долго стоял склонив голову, отдавая дань погибшим солдатам.

Затем он поднялся на смотровую площадку, откуда город был виден как на ладони. Мосты через голубой Дунай соединяли берега огромными ручищами.

После Игорь посетил Карлскирхе. Обошёл вокруг знаменитое здание венской оперы, спустился в подземный переход, не преминув заглянуть в туалет, где можно было сделать всё необходимое под вальсы Штрауса. Купил в лавке настенные часы с портретом Моцарта. И пошёл гулять по красивым улочкам Вены. Неожиданно Игорь наткнулся на монумент советским воинам. Ещё одно напоминание о Родине. На высокой стеле стоял солдат со знаменем, в золотой каске и с золотым щитом. От него в разные стороны уходили пилоны с колоннами. Игорь купил букетик белых цветов у немолодой женщины, кутающейся в шаль от холодного ветра, и положил их к подножию памятника. Спите, солдаты. Всё, что смогли, вы уже сделали.

Игорь ходил по улочкам и запоминал памятники и примечательные места. Зачем? Только после того, как он задал себе этот вопрос, он ответил на него. Затем, чтобы завтра гулять здесь с сыном. Можно сводить его в резиденцию Габсбургов – Шёнбрунн. Хотя нет. Вадька ведь живёт в этом городе и сам бывал наверняка там тысячу раз. А зоопарк? Говорят, в Вене самый старый зоопарк в Европе, ещё королевский. Там есть животные со всего света, а забавный бельчонок бегает под ногами и выпрашивает корм. Ах, да! В зоопарке сын бывал не раз наверняка, Галя любит птиц и животных, не могла не сводить сына на встречу с прекрасным. Да и про зоопарк он слышал восторженные отзывы именно от Вадьки – точно от него! Лучше просто побродить, взявшись за руки, по городу и послушать старинную Вену.

Игорь вновь посмотрел на часы. Без пяти минут два. Пора звонить.

– Галя, привет, это я. Ты не забыла про меня?

– Я давно про тебя забыла!

– Ты не поняла. Ты обещала, что я с сыном встречусь, погуляли бы!

– Я тебе ничего не обещала, я сказала: думаю, что он будет свободен.

Но он с классом уехал на экскурсию в Зальцбург. Извини...

И она повесила трубку.

Игорь отхлебнул остывший кофе. За окном вновь проехал белый экипаж, но он уже не казался Игорю таким прекрасным. Карета превратилась в тыкву. Он вышел на улицу и вдохнул воздух, пахнувший пылью веков – воздух мира, в котором так нелегко найти понимание.

**Наталья
ДЖУРОВИЧ**

ЛОСКУТКИ

АНЖУЙСКИЙ СОН

Просыпаюсь словно в терему,
На ресницах пыль небесной сини.
Утренней тоскою обниму
Майский день, сиреневый и длинный.

Я по вашим улицам хожу
И себя не обвиняю в лени.
Древнею тоскою похожу
На его французскую Елену.

Сербская анжуйская жена,
Чтобы мир не дрогнул твой заветный,
Синяя прокатится волна
По долине из душистых веток...

Славные глаголы на губах
Кистью алой упадут на землю...
Просыпаюсь, и лишь сердце дремлет,
Как печаль в сиреневых садах.

БЕЗ ИМЕНИ

Вздыхая, лодки прячутся в кустах,
Осока здесь отчаянно томится.
Такая обречённость может сниться
Лишь колыбели, если та пуста.

-
- Наталья Александровна Унгерова-Джурович родилась в Москве в 1987 году. В 2009 году окончила филологический факультет Российского Православного университета Иоанна Богослова. После окончания университета переехала в Черногорию, в г. Бар, где живёт и работает в настоящее время. Преподаватель русского языка и литературы, переводчик. Автор книг «Нескончаемое лето» (Воронеж, 2007), «Крестоносная Румия / Румија Крстоносна» (2014), автор и переводчик, в соавторстве с Н. Милаковичем). Публиковалась в журналах «Наш современник», «Гостиный дворъ», «Эхо Бога». Участник Форума молодых писателей России (2015). Стихи переведены на сербский язык.

Щемящий отголосок тишины
Ещё звучит в осоке скорбной этой,
И золотые рыбки полусвета
Стекают с новорожденной луны.

От этой тишины не исцелить.
Непоправимо бедственно молчанье.
Чтоб безутешной лодочке отчалить,
Луча последнего порвётся нить.

Прощай же, безутешная ладья.
Как страшно плыть без имени и вёсел!..
Там, впереди, не лодка – это я
Судьбу и душу зарываю в осень.

В МАЕ

Пусть смотрит день зелёным взглядом
И не спешит листвой шуршать,
Но вздрогнет вдруг моя душа
От завтрашнего листопада.

Тот, кто крылат, всегда гоним,
И потому все птицы правы.
Как нервно шелестели травы,
Когда вчера я шла по ним!

Те травы ранят всё острее
За то, что я их принимаю.
Быть может, ивы плачут в мае
От листопада в сентябре.

В сухие травы упаду,
Глаза закрою – не от плача,
Я не хочу смотреть, как тут
Нещадно много мать-и-мачех.

Комочек грею земляной,
В благих руках земля едина,
И мне назвать её родной
Непросто. Но необходимо.

Согрею. Ожиданья боль
Всегда была мне к новым строкам.
Я вся пропитана тобой,
Живительным, желанным соком.

Молчу. Молчу. Молчу. Молчу
И для тебя уже не плачу,
Я только видеть не хочу
Седые звёзды мать-и-мачех.

ЗЕМНОЕ СЧАСТЬЕ

От года нам осталась только треть.
Так осторожны мысли, словно астры.
Трава права, пришла пора желтеть,
Но в том и есть её земное счастье.

Нет, не чернее гроздя бузины
Земли тамбовской, что меня поранят.
Во сне я обходила полстраны,
По-августовски муча свою память.

Там сенокос. К губам прильнёт вода..
Мне жаль, что я к страде той безучастна.
Я не люблю приморского плода,
Но в том и есть моё земное счастье.

Успеть, пока звенит на ветках медь,
Прильнуть к твоей земле нечернозёмной
Должны теперь мы. И её согреть.
И в то тепло смиренно бросить зёрна..

Смотри, лампадно вздрогнула печаль,
Печаль, как хлеб, разломится на части..
Вкушай тот хлеб. И колыбель качай.
Она и есть – твоё земное счастье.

Играет флейта, вертится Земля.
Как много судеб, песен и религий!
Молитвенно склонились тополя,
Подвижники в серебряных веригах.

Наш век пророков истинных забыл,
И лишь осталось в памяти преданье.
Рыдает прокажённый чернобыл,
Живой свидетель древних предсказаний.

Наш новый век – к чему мы в нём пришли?
Кто пред лицом Всевышнего ответит,
Как в самом мудром городе земли
Взмывают в небо грозные мечети?..

В лазурном небе, словно на полях,
Пасутся белокурые овечки..
О целом Мире русская земля
Колосья зажигает, словно свечи.

ЛОСКУТКИ

Печка, бабушка в платочке,
Мама, тётя, я и ты.
Мы играем в лоскуточки,
Лоскуточки, лоскуты...

«Сохранила вам Алёнка,
Будьте бережней чуток...»
Загадаю, чтоб зелёный
Мне достался лоскуток.

В комнате запахло хлебом,
Дым ерошится в трубе.
Вот тряпица – словно небо,
Синий лоскуток – тебе!..

Наши тряпочки-тряпицы,
Даже бархата чуть-чуть!
Как такой не поделиться?!
Как над ней не прослезиться
Нам потом когда-нибудь?..

Память – как узор на ткани:
Мама, тётя, я и ты,
Да странички поминанья.
Лоскуточки, лоскуты...

МУЖУ

Словно в оберег в тебя я верю,
Отводи, пожалуйста, беду,
Я тебя в ответ на старый берег
Тайною дорогой отведу.

Слышишь, речка плачет безутешно,
Берег речку за руку берёт...
Молчаливо, бережно и нежно
Небо пеленает птиц в полёт.

Смотрит дом глазами старых окон,
Он простил, что здесь я не живу.
Шелестя печальной осокой,
Луны яблок падают в траву.

Та трава колола в детстве пятки,
Видишь, память на моей щеке?
Оттого кувшинки как лампадки
Обо мне зажгутся на реке.

Загадаем трепетно и кротко
Привести на берег сыновей...
...И до слёз меня тревожат лодки
Колыбельной нежностью своей.

РАЗГОВОР

Наш разговор боимся мы начать,
Чтоб слов и звёзд не потревожить ясность,
А названная деревом свеча
И пламенеет, и боится гаснуть.

Ты знаешь, пусть я вслух и не молюсь,
Но я всегда лишь об одном просила,
Я и сейчас прошу: верни мне Русь,
Упрugое хождение по сини.

Как ветку память тихо покачнуть,
О возвращенье помолиться небу...
Мне кажется, когда я прилечу,
Ты поднесёшь гнездо мне вместо хлеба.

Туман там будет серый, как висок,
Но я искать не буду откровений.
Ты помнишь, как он был тогда высок,
Наш тайный домик в зарослях сирени?..

Я сердцем возвращаюсь без конца
В голубоглазый сад, дыша едва ли.
Цветёт сирень, как будто и не рвали
Её для сокровенного венца.

Взмывают в небо чёрточки ресниц
«Пиши стихи, кричи, испепеляйся!
Здесь, может быть, случайно завалялся
Твой оберег из девичьих тряпиц..

Вот этот угол – узнаешь ли?» Ах!
Сплетенье веток – тайная светлица.
И стрекоза на плечи примастится
И – скроется, как стрелка на часах...

Я помню сливы прелые, потом
Засохших косточек на крыше россыпь.
Так узнавала я, что скоро осень,
И берегла надёжнее свой дом.

Теперь я, словно косточка, тверда.
Лишь дай мне Бог внутри не стать полой.
Как смело рассыпали мы глаголь!
Как редко сомневались в них тогда!

**Василий
КИЛЯКОВ**

ПРЕДСТОЯНИЕ

К 95-летию Учителя

«Духовность – это то, что отозвалось в душе порывами милосердия», – так сказал незадолго до ухода Михаил Петрович Лобанов. Мне передала эти слова его супруга, наперсница и друг, хранитель огромного наследия – лобановского достояния – Татьяна Николаевна Окулова (Лобанова). Эти трагически правдивые слова девяностолетнего старца, как слова молитвы, проникновенной музыкой и тайной подсказкой для жизни звучали и не отпускали всю долгую дорогу в ночи из Екшюра до самой Москвы, до метро Котельники. И даже в ночном московском метро я всё связывал с ними, вспоминал, процеживал сквозь сито этих слов воспоминания о нём. Его улыбку, жесты. Ненавязчивые, но всегда глубочайшие напутствия и советы при прощании.

Вот и теперь, даже покинув этот мир, он давал мне совет. Теперь уже через близкого и дорогого человека – супругу. Так что же такое жизнь? В самом деле «Луковка» Достоевского? Но как же сурово, жёстко и безжалостно противостоит нынешний мир всем им, классикам нашим: и Достоевскому, и Лобанову, и Астафьеву, и Абрамову, и Распутину... И Бунину, и Куприну, и Льву Толстому даже! Этот «новый мир» противостоит всей нашей русской культуре. Той русской культуре, которая объединяла наши малые народы воедино. И в СССР, и раньше. И весь мир читал на русском Гамзатова и Айтматова, Лесю Украинку и Шоту Руставели. Мир осиротел, съёжился. Теперь эти республики, кажется, овдовели... Значит, не только «порывами милосердия» по отношению ко всем людям, к читателю была «та литература». Любовью. И все писания Лобанова как редчайшего её представителя. И вовсе даже не «луковичкой» они оказались, а чем-то гораздо более важным. Большим. И для мира, и для «малых народов». Но вот уже стали забывать имена великих писателей и принимать навязанные привычки и правила. И вот в этой беспросветной тьме как яркая лампочка зажглась, как чудо: Дворец культуры в Екшуре имени М. П. Лобанова!

-
- Василий Васильевич Кияков родился в 1960 году в Кирове. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Юность», «Октябрь», «Литературная учёба», «Подъём», в газете «Литературная Россия». Член Союза писателей России. Живёт в городе Электросталь Московской области.

Может быть, он сам, уйдя из земной жизни три года назад, молится о нас. И праведной молитвой его о своей земле и Родине в его родном селе близ Спас-Клепиков был этот подарок, это напоминание о том, что мы – люди. Что у нас много обязанностей, а не только права. И о том, что нужно видеть во всяком человеке, даже незнакомом прохожем, замысел Божий. По слову Достоевского. И любить именно этот Замысел о человеке. Любить человека, несмотря ни на что, даже если «по делам его» любить ну никак невозможно!

И мне всё никак не верилось, что в России даже теперь можно назвать район, улицу, Дом культуры именем не либерального болвана, который всю жизнь свою «празднует блистательно», а именем героя-фронтовика, почвенника. Именем человека, вся жизнь которого – Предстояние. Служение Отечеству и культуре. Учителство, литература и нравственное делание. Передача опыта жизненного и литературного. Бескорыстие и молитва.

Как радостно за эту победу среди бесконечной череды поражений и раздора, неприятия друг друга, мести, упрёков в рядах наших. Когда прощались в Екшуре с Татьяной Николаевной, я с тайной радостью (не был прежде знаком с ней лично) любовался ею. Знать, «и один в поле воин, коли ладно скроен»! Дочь фронтовика, участника обороны Сталинграда, она, конечно, знает, что почём в этой жизни. И трогательная забота её о каждом из нас, обрадовавшихся возможности встречи и участию в освящении, открытии мемориальной доски имени Михаила Петровича, празднику и молитве за «благоденствие и чистоту» недавно отстроенного Екшурского ДК.

Родные черты рязанцев, музыка хорошего чистого слова, добросердечие принимавших нашу делегацию в Екшуре. Видишь, слышишь, угадываешь в человеке своего. Глава района Николай Владимирович Крейтин встретил нас с нескрываемой радостью, как дорогих гостей. И эта предупредительная заботливость о всех и каждом большого, богатырского сложения человека была особенно мила и трогательна.

И вот Дом культуры в Екшуре имени Михаила Петровича Лобанова открыт. Дело сделано. Памятная доска (к которой в скором времени добавится мемориальная, с барельефом писателя) гласит: «Муниципальное учреждение культуры «Районный дом культуры муниципального образования – Клепиковский муниципальный район», филиал № 15, Екшурский сельский дом культуры имени М. П. Лобанова. 391022, Рязанская область, Клепиковский район, Екшур, ул. Красный Октябрь, д. 15/6».

Открытие памятной доски на новом ДК освятил и благословил священник отец Геннадий, один из лучших учеников Лобанова. Есть в этом глубокий смысл, нечто провиденциальное: ученик-писатель освящает Дом культуры имени своего учителя. Отец Геннадий Рязанцев-Седогин – член Союза писателей России, председатель правления Липецкой писательской организации Союза писателей России, действительный член Петровской Академии наук и искусств, член-корреспондент Академии российской поэзии, лауреат литературной премии имени Евгения Замятина, протоиерей.

Я время от времени открывал в полутьме автобуса подаренную им книгу, читал из его нового романа: *«Становящийся смысл» – это строящийся храм, место на земле, через которое проходит ось мироздания. Вся полнота жизни и земной, и небесной вращается вокруг этого таинственного сооружения, а между тем люди, душой и телом привязанные только к земному, не замечают присутствия глубины, которая, впрочем, не умаляется от этого»*. Такая переключка с книгой «Внутреннее и внешнее» Лобанова поразила меня. Рукоположенный священник, протоиерей, настоятель храма

Михаила Архангела в Липецке, который построил он с помощью Божией и тщанием прихожан, взял груз со всей тяжестью его. И вот – несёт опыт учителя. Дальше, в будущее.

«По делам их узнаете их». По делам учеников познаётся величие учителя. И тотчас вспомнилась давняя, начала 2000-х годов, переписка Лобанова, опубликованная в его книге «Твердыня духа», с отцом Феодором, монахом Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря, который теперь уже и сам наставник. С каким уважением, даже почтением в этой переписке Лобанов-учитель обращается к ученику-монаху. Как высоко ставил он веру, духовный сан! Переписка их исповедална.

А нам на семинарах, уже в 1991-м, он разъяснял суть атак времени. На священников, на военнослужащих в ту «пригорбачёвскую» бытность. Нападки на церковь и храмы в прессе. Он говорил так: «Во-первых, необходимо отделять саму веру от персоналий (и в героическом строю попадают неважные воины). Во-вторых, они, священники, рукоположены. А это значит, что те, кто оступился (из священноначалия), сами за своё ответят перед Богом. Ответят на суровом суде иначе, чем миряне. И, наконец, ещё одно, и главное: даже из ржавого крана течёт святая вода».

...Вечер памяти Лобанова в Спас-Клепиках открыл глава Екшурского сельского поселения Олег Викторович Закалюкин. На вечере выступил глава администрации Клепиковского муниципального района Николай Владимирович Крейтин и другие. Много и хорошо говорили, тревожа аудиторию самыми насущными проблемами писателей и читателей.

Впечатления остались самые лучшие. И не только потому, что здание ДК на родине Лобанова так ново, так чисто и уютно. Построен и оборудован корпус на перспективу для встреч с писателями от СП России, желающими приехать в Екшур. С будущими посланниками, которые пойдут теми же путями, где хаживал Михаил Петрович. Сердце утешалось в Екшуре этим милым, мягким, гласным, рязанским протяжным наречием. Так много «е» и «а». Округляют, бегут словеса, катятся. Освежают интонациями. Удобряют речь рязанцы метким народным словечком. Метафорой, пословицей. Щедро, даже с избытком порой. Так заметны, памятны мне эти говоры с детства. Особенно в присказках и поговорках.

Я впервые в Спас-Клепиках. Припомнились записи Михаила Петровича, где он вспоминает о своей родине из поездок, с чужбины. Записывает он в какой-то азиатской стране примерно так: дождь, дождь и дождь. Несколько дней. Включил телевизор. Там прыгающая цветная обезьяна. Скорее выключить. Почему так просится душа домой, на родину, в чём дело? А дело в том, что память здесь, на чужбине, – пуста. Не цепляется, не может ухватиться за события. На родине всё узнаваемо. Увидел куст – там бегал в детстве босиком. Там всегда помнится сокровенно, как вон у тех кустов мама обморозила ноги, когда рубили дрова в лесу. Всё цепляет, всё тревожит и наполняет воспоминаниями душу. За границей же, среди пальм – нет родовой памяти. Оттого и тянет так домой, к полноте сердца.

...Теперь и я побывал в тех местах его родных, о которых он говорил с такой любовью. Здесь он родился, здесь жил. К этой земле так сердечно был привязан. «На родной стороншке – рад своей воронушке», – метко замечали в народе. Даже и вороне-«воронушке» и то рад. Михаил Петрович если и отъезжал за границу, то всегда ненадолго, и стремился скорее вернуться домой.

Уверен, что рано или поздно Россия вернётся к подлинному осмыслению и переосмыслению наследия писателя, критика, публициста Михаила Петро-

вича Лобанова. Переписка его с В. И. Беловым, В. П. Астафьевым, В. Г. Распутиным часто цитируется и издаётся. «Капитан Тушин», «боец на передовой» – по слову Юрия Павлова. Так жил, таковым и ушёл. Последние годы были особенно тяжелы. Быть может, если бы он продолжил преподавание в Литинституте и дальше, то и дни жизни продлились бы. Уверен, дело всей его жизни – обучение, воспитание (воспитание духовное) молодёжи – было прервано намеренно. Кто, по чьему замыслу и умыслу вынудил его, профессора, руководителя творческого семинара кафедры творчества Литературного института с 51-летним стажем, заслуженного работника Высшей школы России, почётного работника культуры города Москвы, написать в августе 2014 года это «заявление» на имя и.о. ректора? Эту «просьбу» «в связи со сложившимися обстоятельствами» освободить его от занимаемой должности руководителя творческого семинара «по собственному желанию». «Просьбу», ознаменовавшую наступление для Литинститута новых времён после ухода с поста ректора Б. Н. Тарасова и так дорого стоившую ему – фронтовику, наставнику с более чем полувековым преподавательским служением. С любовью к делу, к своим «семинаристам» и – их любовью к нему, с его абсолютным литературным слухом... Горько.

Я часто беру его книги с дарственными надписями и разговариваю с ним через его строки. С живым. «Василию Килякову, который собирался впопыхах, а оказался на Олимпе. г. Владимир, 2 апреля 1996 года. Приём в СП России». Такая вот, с юмором, дарственная надпись на его книге «В сражении и любви». Вся жизнь его – сражение и любовь. Оставалось ощущение, что он отдаёт всего себя без остатка. Не соотносил себя с людьми, как теперешние «волчата-писатели» «с их плебейской, мутной и безотрадной прозой» (его выражение), а именно жил, проживал судьбу каждого ученика. Он набирал семинары, искал талантливых. Талант был главным критерием его оценки. О его всепрощении ходили легенды. Никогда не забыть, как он здоровался. Крепко, внимательно брал за руку. Глядел прямо в душу. Не выпрашивал, но каждое слово он видел. Именно видел, а не только слышал... Или такая дарственная запись на книге «Твердыня духа»: «Дорогому Василию Килякову с сердечной благодарностью за внимание к моей литературной работе, что меня и трогает, и воодушевляет. Ваш Михаил Лобанов. 21 апреля 2011 года. Литинститут».

Он был твёрд. Не «умел быть твёрдым», а именно был таковым. Мягким же казался только от любви, даже нежности к людям. Но жёсткость была для него не характерна. Помню, как он подписывал мне «Оболганную империю»: с некоторой застенчивостью умудрённого человека, для которого борьба всё-таки не самое главное в жизни. А главное – Литература (литература, которую, ещё во время дискуссии «Классика и мы» в 1977 году он, единственный из писателей, по словам Юрия Павлова, трактовал через категорию тайны как высшей потребности души). Культура. Творчество. Чувство родины. Принимать Человека как «сколок» образа Божьего – вот что было важным в его жизни. Понять эту тайну Божью – Человека. Величие человека – в его мечте, в стремлениях сердца.

...Что за тайна – он сам? Откуда вообще в русском народе эти вспышки-явления великих праведников и святых? Эти таланты из недр народных? Эти явления Духа? Среди нищеты, кромешного голода рождается в селе Иншаково в рязанской глуши мальчик. Под крышей из дырявой щепы или соломы, продуваемой всеми ветрами. Мальчик, который сам находит и выбирает, что ему прочесть, чтобы сформировать и «огранить» характер. Пишет первые рассказы в четырнадцать лет. А после войны, фронта, уже студентом, посы-

дает последнюю краюху хлеба родным – матери и малолетним сводным братьям. В пять лет он остался без отца (мать, имея двоих детей, вышла замуж ещё раз – за вдовца, у которого было и своих пятеро, чтобы родить ему ещё четверых). По свидетельству родных, он сам, младо-воин, еле-еле стоял на ногах от постоянного недоедания. А средний сводный брат Валентин, иногда путаясь, называл его папой. В письмах ему он так и писал: «Остаюсь, твой сын Валя...»

Что и как он читал в то время, о чём размышлял? И что это было за время, дальше, почти былинное, когда к семерым – среди беспросветного труда и недорода, голода – рождали ещё четверых? И жили! И при этом – гордость его, Лобанова, за нацию, за «цементирующую все народы и республики» силу. Любимое слово его и высшая похвала поступка или писателя: «Настоящий русак!» С 90-х годов я слышал эту его похвалу подвигу того или иного человека, писателя совсем нечасто. Мало кого он удостаивал таким званием, произнося эти слова.

Первые рассказы Лобанов публикует в четырнадцать лет в газете «Колхозная постройка» (эти рассказы 1940–1941 годов были представлены в лобановской экспозиции в фойе ДК. Их разыскала, как я узнал, старейшая сотрудница Спас-Клепиковской районной библиотеки Г.Н. Ликий). В 1943-м – спецкурсы под Уфой и отправка из пулемётного училища стрелком на фронт. Август того же 43-го – Брянский фронт. Курская дуга. Разрыв мины и тяжелейшее ранение при наступлении. По его собственным воспоминаниям, правую руку он, едва живой после атаки, «нёс как ребёнка», от нестерпимой боли прижимая к груди. С трудом выбрался – повреждена кость. В конце войны после увольнения из армии этот мальчик девятнадцати лет из Иншакова поступает на филфак МГУ, который окончит с отличием. Однако в 1949-м он выберет не литературоведческие штудии, а совершенно иной путь. Получит назначение в ростовскую газету «Молот» – этого он и добивался.

Ростов. Вёшенская. Михаил Шолохов. Первая супруга с младенцем отказывается следовать за Лобановым и съезжать от матери «на пустую кочку».

Потрясённый «Тихим Доном», Михаил Петрович собирает материалы для исследования о великом романе. Встречается с Шолоховым, которому напоминает, что тот по матери – тоже рязанский. «Нет, – ответил гордо Михаил Александрович, – нет, я казак! Во мне нет мужицкой крови». И смешно, и трогательно... И ростовские степи, и Дон очаровали Лобанова совершенно. С трепетом из окна поезда разглядывал он те места, где Гришка Мелехов сажал хлеб и воевал. И там, в Ростове, происходит главное событие его жизни, о котором он напишет в книге «В сражении и любви». В одиночестве, обессиленный голодом и ослабленный ранением, переживает он тяжёлую форму туберкулёза. Не было сил пройти через маленькую съёмную комнату, просто пройти от стены до стены. Из редакции его изредка посещали, приносили немного еды. Кровь шла горлом. Необычайная слабость из-за голода, едва ли не исход. И вдруг открываются высшие, непостижимые сферы. Об этом он говорил мне и писал гораздо позже, переосмысливая произошедшее, в той же книге – «В сражении и любви». «Благодарить...» – изречёт, вспоминая об этой грани жизни и смерти. И навсегда это чувство останется с ним, станет его путеводной звездой.

В самое жестокое для страны время, 1991–1996 гг., студенты учились у него «непробиваемой» выдержке, стоической в православном понимании. Самое суровое время, если отсчитывать от окончания прошлой войны, – это 1991–1996 годы.

Вижу его, как держит очки за дужку. Плечистый серый пиджачок. Отеческий взгляд с таким порой состраданием, от которого сжималось сердце, – таким, что и не передать словом. Всех выслушает, а затем взвешенно, с высоты огромного опыта даст своё заключение. И тогда такие тончайшие пружины жизни становились отчётливо скрипучи, слышны и зримы. И оторопь брала: как же я-то этого не заметил? И вроде бы знал и видел то же, что и Лобанов. Но – не так цепко смотрел, что ли... Акцентировать, обобщать не умел? Прошёл мимо. И за «пустяки» почёл многое, за что-то не достойное внимания. А вот он, Лобанов, посмотрел и – увидел. Он словно с другой стороны показывал предмет, со стороны совсем неожиданной. И тогда мы, ученики, обмирали от внутренней радости, от понятого, раскрытого нам во всей полноте Предмета.

«Предмет, предметность». Он любил это слово – «предмет». Предмет как Божье изделие. Предмет как фактура – не выдуманное, а пережитое. Божье попущение или же – веление. Пережитое, обдуманное, внутренним жаром опалённое. Высказанное на бумаге становится полновесным и только твоим. Слово благодатное, лобановское, слово большого художника. Любое – грубое и тонкое – он чувствовал. Надо возвращаться, возвращаться как можно чаще к его наследию. Бывать на его родине непременно. Строг он был и к себе, и к «писательскому цеху» необычайно. Как тонко и со знанием дела, как пристально наблюдал он – до самых мелочей. И слова, и поступки оценивал. И как же русские писатели дорожили его мнением!

В. П. Астафьев просил его написать предисловие к своей книге «Последний поклон». Его переписки с В. Г. Распутиным, В. И. Беловым – бесценны... Уверен, не было писателя, который не желал бы, чтобы о нём написал сам Михаил Петрович Лобанов. С содроганием думаю, сколько потеряла литература оттого, что он был загнан в «ЖЗЛ». Но вот – написал: «А. Н. Островский», «С. Т. Аксаков» – и опять промыслительный подарок. Это не просто биографии «русофилов», любимых писателей. Они связаны, навечно стянуты с насущным временем, через «идеологическую борьбу между либералами, западниками и почвенниками». Издавна тлела эта война и необычайно ярко вспыхнула в начале 90-х. И всё же литература превыше этого... Выше только сам Христос.

Никогда не забыть тот взгляд, с которым он слушал. Он был чуток к людям. К ученикам в особенности. И это тот человек, который нашёл и выбрал для учёбы в своём мастер-классе даже и Виктора Пелевина! Разве это не демократизм? Подлинный, честный. Казалось бы, что у них общего? В его духовных теплицах росли и согревались всякие, даже самые причудливые и необычные цветы. Лишь бы жила теплица среди мороза. Пусть и по-гаршински с «*Attalea princeps*»! Лишь бы был плод. Думаю, мы увидели бы совсем иного Пелевина, если бы он доучился у Лобанова. Ярче, содержательней, глубже.

Позже приходил к нам на семинары о. Димитрий Дудко. Невысокий, необычайной крепости и энергии священник, в широкой в пол епитрахили. Семинар в день первой нашей встречи длился часа четыре... Отец Димитрий пытливо и молодо переходил, почти перебежал от парты к парте к каждому студенту в аудитории Литинститута, отдельно каждого спрашивал сам. И отвечал на вопросы с шутками, чем всех нас сразу очаровал. Вразумлял нас, молодых остопопов. Реагировал мгновенно. Это в его-то годы, которые принято называть «преклонными».

Михаил Петрович однажды рассказывал, как в конце 80-х годов оказался с выпускником своего семинара Женей Булиным (ныне протоиерей отец Евгений, настоятель храма Михаила-Архангела в селе Загорново в Подмо-

сковье) и Николаем Тетеновым из США в подмосковном Черкизово, где служил в храме и проводил беседы с молодыми прихожанами священник Димитрий Дудко. «Устали в тот день смертельно, – рассказывал Михаил Петрович. – После долгого ночного разговора лёг я на диван в небольшой комнате батюшки, за тонкой дощатой переборкой, отделявшей нас. Так устали от переездов и выступлений – как говорят, до кровати добраться бы. Проснулся вдруг от какого-то еле уловимого движения, шёпота. Отец Димитрий подождал, пока все заснут, утомлённые заботами и хлопотами дня, встал и – молится, молится, молится...»

Затем я прочитал об этом эпизоде в его книге «Твердыня Духа». И здесь он уже не говорит про усталость. Сколько скромности в этом эпизоде о «недостижимости» священника нам, мирянам, в духовном, надмирном плане. Священник, который, молясь, как бы перемещается в высшие сферы – в сферы Духа. Как непритворно уважал он сан иерейский, монашество, благоволил перед подлинным старчеством. И как чужд был сам всякой гордыни, превозношению. Вот эти строки – сосредоточенная «внутренняя» сокровенная интонация его, которую, конечно, почувствует и читатель: «Уже в конце 80-х годов мы втроём – выпускник Литературного института Женя Булин (ныне отец Евгений), Николай Тетенов из США, редактор журнала «Русское самосознание», и я – приехали в подмосковное Черкизово, где служил в храме Димитрий Дудко. После вечернего богослужения, трапезы с участием большой группы молодёжи – духовных детей батюшки – мы отправились на ночлег. Я лежал на диване, а за перегородкой стоял отец Димитрий и полушёпотом читал молитвы. Днём мы прогуливались с ним по берегу Москвы-реки, удивительно широкой здесь, разговаривали на разные мирские темы. Для меня он был Дмитрием Сергеевичем, чуть ли не коллегой по литературе. И вот теперь, слушая за перегородкой молитвы отца Димитрия, я почувствовал недостижимость его для меня, и все наши недавние дневные разговоры были как будто с другим человеком. Было уже за полночь, глаза мои слипались, одолевал сон, я со всё меньшим вниманием прислушивался, а он всё молился, молился, молился...» («Твердыня Духа» стр. 940.)

Творческий конкурс в Литинститут в 91-м был, к моему удивлению, пройден мною сразу на два потока: к Евгению Сидорову на критику и к Лобанову на прозу. Собеседование было последним из пяти. И решающим – мастер сам выбирал учеников. «...Так у кого же ты желаешь учиться?» – был задан вопрос на этом экзамене. По результатам творческого конкурса и этого последнего экзамена преподаватели, включая «оппонентов», пылливо присматривались к каждому студенту. В ту пору литература и сами писатели были в большой цене. Писатели были интересны, ценимы, уважаемы, они задавали тон и направление мысли, к ним прислушивались. На них настраивались. А.Б. Чаковский – и тот собирал огромные залы. Теперь его вряд ли кто вспомнит, а тогда...

Пройдя творческий конкурс, сдав экзамены, я задумался. А подумать было о чём. Вспомнил Сидорова, какое-то многословие, от которого в душе ничего не осталось. И полнокровные, полные энергии и жизни книги Лобанова. Конечно, я мечтал печататься. И ясно было, что Сидоров (в случае поступления к нему) может открыть широкие врата в издательства. А Лобанов? Лобанов научит писать. И тебя не напечатают, наверное... И, конечно, ты будешь сам биться в редакции. Такому человеку не скажешь: помоги, устрой рукопись.

– У Лобанова. Только у Лобанова, – сказал я приёмной комиссии.

«Оппоненты», Мариэтта Чудакова и Анатолий Приставкин, недовольно переглянулись, заёрзали за широким столом, покрытым зелёным сукном:

- А почему?
- Я хочу быть плотником. Учеником плотника. (Я намекал на Писание.)
- А столяром? – парировал Приставкин.
- Столяр – это иное... Не о столярном рубанке и клее речь...

И я увидел, как он, Михаил Петрович Лобанов, сидя с краю и улыбаясь, подмигивает мне, но так, чтобы никто не мог увидеть. Но так скрыто и задорно, что и мне самому стало весело. Подмигнул мне, чтобы никто не заметил! Было в этом нечто от пушкинской шутки и от есенинского озорства... Какая-то забота отца была в этом забавном подмигивании. Теперь то понимаю, что я волновался перед столь представительной комиссией, в которой не знал и половины докторов наук и профессоров. И запомнил его заключительные слова, сразу снявшие напряжение:

– Хороший плотник, он же и столяр. И критику не оставим, и прозу подтянем. Берём!

Он учил, что литература – не забава, а сама жизнь. Точнее, ток этой жизни, её кровь. Литература (именно так, с большой буквы) не игра в «сюр» и «пост» – поиск самого фермента, наблюдение, способность убеждать образами. Литература – то, на чём воспитываются поколения. Как на его любимом «Тихом Доне», не случайно он и перед самым своим уходом вернулся именно к этой книге. Отними у нас классику: музыку, поэзию, прозу – и мы никто. Не нация. Не оттого ли немцы рассеивают по всему миру свои языковые центры, «Гёте-институты», перевербовывают в свою «веру», добиываются поклонения своей культуре?..

...Однажды он пришёл на семинар чернее тучи. Из лазарета больничного. Было это так. Семинар во вторник накануне отменили, случай – редчайший. Лобанов был во вторник всегда, вёл семинары, что называется «без дураков». Приди я один или любой из нас, он два-три часа, как по обыкновению, вёл бы семинар, не считаясь со временем, для одного. И вот – семинар отменён. Это случилось в канун дня и ночи расстрелов октября 93-го. Мобильных телефонов тогда не было, а оповещали студенты друг друга по стационарным. И вот известие, горькое: Михаил Петрович лежит в клинике с серьёзным заболеванием. Лёгкие. Он периодически ложился на диспансеризацию, но тут открывшиеся каверны. Ноябрь, снова затемнение лёгкого. И вот атака на белый дом – и объявление из деканата: «Лобановцам-семинаристам собраться во вторник на семинар. Непременно». Конечно, тайная радость сначала. «Значит, подлечили...»

И вот вошёл. Высокий, голова по обыкновению чуть закинута назад, но в тот день более обычного, что значило: он внутренне напряжён. Повесил гороховый плащик на вешалку в аудитории. «Все собрались?» – «Все». И вдруг – вскинув брови, стоя: «Стрельба. В столице! И это – в самом центре Европы! В Москве! По своим. По народу! Я никак не мог понять, что это... – взволнованно говорил он нам. – Какой позор на весь мир! Как в какой-нибудь Замбии или Бангладеш! Что происходит?!»

Оказалось, что там, в больнице (куда он периодически ложился и подлечивал лёгкие, хроническое недомогание, мучавшее его), он по окончании процедур вышел в зал клиники. В стационаре смотрели «Новости». Он никак не мог понять, отказывался верить, что это будни Москвы октября 1993-го. В тот же день он покинул больницу, не долечившись. Просто ушёл, кашляя и задыхаясь...

Но об этом мы узнали лишь спустя годы. И я через годы снова переживаю, вспоминая об этом. В этом он весь: ушёл из клиники, не завершив поправку своего здоровья, чтобы успокоить нас, своих учеников.

«За всю жизнь мне так и не пришлось встретить человека, который бы с таким чутким вниманием, граничащим с отцовской любовью, относился бы к творчеству своих подопечных. Для него все мы, невзирая на лица и возраст, национальность, убеждения и на меру таланта, были учениками, его студентами, по-родственному близкими, за которых – и это ощущал каждый – он нёс какую-то высшую ответственность, своим собственным примером являя нам исполнение нравственного закона. В то безбожное, полное политического лицемерия время он был для нас евангельским самарянином, который врачевал наши души, возливая на их немощи вино своей мудрости и елей любви». Прочитал недавно в журнале «Славянка» (2018, № 1) эти слова выпускника семинара Михаила Петровича 80-х годов Сергея Тимченко – предисловие главного редактора к открывавшейся в журнале новой рубрике «Лобановские чтения». Как это верно! Нёс высшую ответственность, всем примером своим являя её исполнение. «Нравственный закон» – как это точно сказано! Мудрость и такт Лобанова были как будто не от мира сего.

Тайна жизни всякого человека «велика есть». А Михаила Петровича Лобанова – тройне... Всё пытался найти, объяснить себе, в чём кроется эта тайна? Тайна его избранничества. В тяжкой боли и последствиях военного ранения? Откуда ему этот дар и наказание – боль русской души за весь свой народ? Эти мука и благодать... За тяжко прожитую жизнь. От стены до стены в нанятой ростовской квартирке – дистанция длиною в жизнь. Оттуда «Твердыни духа», оттуда «В сражении и Любви». Бессребреник. Избранник Божий через страдания. Его сила, его корневая система помогли ему вынести то, что творилось и со страной, и с отдельными людьми. Чтобы учеников вытащить и образовать. Не «образованцами» отпустить в жизнь, не «просвещёнными мещанами».

Скольких он вывел из окружения, сохранив и знамя, и честь?! Сколько их было – спасённых им душ – за пятьдесят один год его преподавания в Литинституте! Из того страшного времени «озверения», окружения, он вывел нас за руки, под руки. Никто не сел. Кто не научился писать, тот не пропал. Порукой тому – одно из последних его интервью с крепким и недвусмысленным названием: «Наш народ попал в талмудистскую западню» (газета «Русский вестник» в № 5 за 2015 год – отрывок из большого интервью выдающегося писателя). Поистине «ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы».

Иногда живу так, как жил он. Точнее, пробую так жить. Пытаюсь... Так, чтобы, совершив тот или иной поступок в жизни или в писании, Видеть и Слышать сквозь тусклое стекло... Так, чтобы никогда не было стыдно за содеянное, за сделанное, сказанное или написанное. И тогда я думаю: если здесь и сейчас я поступлю именно так, а не иначе, одобрил бы меня Лобанов? И как же трудно жить без компромиссов. Тогда не жизнь – а Предстояние, служение. Окопная земляная правда под высоким небом, под звёздами. И нет укрытия ни для одной мысли, ни для одного деяния, ни для одного движения души. Очень непросто жить так. Даже если – только временами. В этом вечном движении и кружении жизни забываешь и отпускаешь момент, как монах порой забывает о чётках. Как сложно, как архисложно жить не минутными потребностями, а вечностью, дыханием вечности. Это как стоять в морозную ночь на камне и молиться. Не отпускают обязанности, привязанности и дела. А как же он? А он?..

А он жил так всегда.

**Иван
ПЛЕШАКОВ**

ПОТАЁННЫЕ ДУМЫ

**События и лица Саратовской губернии
в дневниковых записях (1870–1893 гг.)
А. Н. Минха**

Александр Николаевич Минх

Историкам и краоведам хорошо известно имя замечательного исследователя саратовской старины и крупного общественного деятеля Александра Николаевича Минха. Он родился 4 апреля¹ 1833 г. в сельце Елизаветино (Вербки) Липецкого уезда Тамбовской губернии Род отца, ротмистра Екатеринославского кирасирского полка Николая Андреевича Минха (правильнее Мюнха – von Munch), прослеживался «по крайней мере, от эпохи Крестовых походов». Первым представителем фамилии в России стал приехавший сюда в 1786 г. дед нашего героя, доктор медицины Иоганн-Генрих (Андрей Иванович) Минх. С 1840 г. семья проживала в купленном очень дёшево имении в с. Колено Аткарского уезда Саратовской губернии².

¹ Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю. Хотя А. Н. Минх не склонял свою фамилию, уже его современники не придерживались этого правила. В историографической традиции склонение фамилии давно стало нормой, которой мы не уклонились и в данной публикации.

² О покупке имения см. воспоминания дяди А. Н. Минха по матери В. Б. Бланка (См.: Воспоминания Василия Борисовича Бланка // Русский архив. 1897. Кн. 3. С. 183). История появления Минхов в Саратовской губернии рассказана А. Н. Минхом в дневнике за 1878 г. (См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 147, 213). Подробнее о роде Минхов см.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 4181; Оп. 57 Д. 254; ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1209, 1831; Астафьев Е. В., Плешаков И. Н. Российский дворянский род Минх. К 100-летию со дня смерти саратовского краеведа А. Н. Минха // Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества. Вып. № 5. Волгоград, 2012.

- Иван Николаевич Плешаков родился в 1978 году в Волгограде. С отличием окончил исторический факультет и аспирантуру СГУ, кандидат исторических наук. Имеет порядка семидесяти научных публикаций в центральных и региональных изданиях, в т.ч. журнале «Волга–XXI век». Автор книги «Рать саратовская» (2009), посвящённой военной истории Саратовского края. Живёт в Москве.

Получив домашнее и пансионное воспитание в Москве под руководством капитана наполеоновской армии Адольфа Стори, А. Н. Минх в 1854 г. поступил юнкером в Московский драгунский полк, в конце 1855 г. был произведён в офицеры. После окончания Крымской войны он прошёл курс обучения в Офицерской стрелковой школе в Царском Селе. В 1861 г. Минх вышел в отставку и был назначен мировым посредником Аткарского уезда³. С 1869 г. А. Н. Минх занимал должность мирового судьи в Аткарском, а с 1875 г. в Саратовском уезде. В 1886 г. он стал членом – основателем Саратовской губернской архивной учёной комиссии. В 1888 г. за книгу «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии» Минх получил серебряную медаль Императорского Русского географического общества. С 1896 г. А. Н. Минх находился в отставке. В 1905 г. после неудачной операции он потерял зрение, но и это не заставило его прекратить свои краеведческие изыскания. Скончался А. Н. Минх 21 июля 1912 г. в Аткарске. 24 июля его тело нашло последнее упокоение в фамильном склепе с. Колоно⁴.

На протяжении почти полувека своей жизни А. Н. Минх не расставался с пером и бумагой. Самые ранние дошедшие до нас дневниковые записи относятся к 1850-м годам, времени его военной службы. Характерной особенностью заметок А. Н. Минха являются встречающиеся на их страницах многочисленные карандашные и акварельные зарисовки видов природы, городов, людей, растений, животных и т. п. Эта особенность сближает его дневники с альбомами, популярными в среде русского дворянства XIX столетия.

Записи периода Крымской войны, в которой А. Н. Минх принимал участие в рядах Московского драгунского полка и должности адъютанта, сначала у генерал-майора князя Л. Л. Радзивилла (1808–1884), затем у начальника Евпаторийского отряда генерала А. А. Ржевуского⁵, впоследствии послужили основой для «Походных и боевых записок в Крыму. 1855–1856 гг.». Рукопись с рисунками и чертежами мемуарист переслал историку Н. Ф. Дубровину⁶. В 1911 г. текст хранился в Историческом Севастопольском музее⁷, однако после смерти Н. Ф. Дубровина найти записки не удалось. В архиве Музея-панорамы героической обороны Севастополя материалы А. Н. Минха также не выявлены. Отсутствуют они и в архивном фонде Н. Ф. Дубровина⁸. В 2019 г. в Саратове были выпущены фрагменты черновиков записок

³ Этому важному периоду своей жизни, знаменовавшему собой начало его общественной деятельности, А. Н. Минх посвятил отдельный мемуарный очерк (См.: Минх А. Н. Из записок мирового посредника. 1861–1866 гг. // Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. Саратов, 1911).

⁴ См.: Минх А. Н. Путевые заметки от Москвы до с. Колона. 1869 г. Тамбов, 1904. С. 21–22; Саратовский вестник. 1912. 22, 25, 26 июля; Хованский Н. Ф. Краткие биографии некоторых членов СУАК // 25-летие Саратовской учёной архивной комиссии. 1886 12/XII 1911 г. Исторический очерк. Саратов, 1911. С. 2–22); ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739. Л. 215–217.

⁵ Ржевуский Адам Адамович, граф (1801–1888). С 17 апреля 1855 г. генерал-лейтенант, начальник Евпаторийского отряда.

⁶ Несколько черновых страниц рукописи сохранились среди бумаг А. Н. Минха в Государственном архиве Саратовской области. Московский драгунский полк организационно входил в состав 1-й бригады 1-й драгунской дивизии и вёл боевые действия в районе местечка Саки, близ Евпатории. Представление о содержании рукописи А. Н. Минха могут также дать опубликованные записки другого адъютанта генерала Ржевуского Н. Богдановского (См.: Богдановский Н. Из воспоминаний о Венгерской и Крымской кампаниях // Русская старина. 1893. № 1; 1894. № 8).

⁷ Хованский Н. Ф. Краткие биографии некоторых членов СУАК // 25-летие Саратовской учёной архивной комиссии. 1886 12/XII 1911 г. Исторический очерк. Саратов, 1911; Коновалов Ф. П. Александр Николаевич Минх (1833–1912). Некролог // Живая старина. 1913. № 1–2. С. 201–208.

⁸ Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (далее – РГИА). Ф. 249.

о Крымской войне, сохранившихся в фонде Саратовской учёной архивной комиссии⁹.

С 1861 по 1866 гг. А. Н. Минх служил кандидатом, а потом мировым посредником в Аткарском уезде. Его воспоминания об этом отрезке жизни были опубликованы в изданном в Саратове в 1911 г. юбилейном сборнике, посвящённом 50-летию крестьянской реформы¹⁰. С 1869 по 1896 г. Минх состоял в должности мирового судьи Аткарского, а с 1875 г. – Саратовского уезда. На это время приходится начало его плодотворной деятельности в качестве сотрудника губернского статистического комитета, этнографа и краеведа. В 1886 г. он стал одним из членов-основателей Саратовской учёной архивной комиссии¹¹.

В Государственном архиве Саратовской области сохранился обширный и, по большей части, никогда не публиковавшийся массив документальных материалов А. Н. Минха¹². Возросший в последние годы интерес к личности и творчеству этого замечательного краеведа и общественного деятеля проявился в ряде научных работ, основанных на его дневниковых записках и мемуарных очерках¹³. Неизученность его мемуарного наследия проявилась в публикации в 2000 г. ушедшим из жизни саратовским литературоведом А. А. Демченко отрывков из «*неизданных*» записок А. Н. Минха¹⁴, которые сам автор опубликовал ещё при жизни в 1885 г.¹⁵ Спустя 7 лет этот же текст был опубликован в серьёзном научном издании¹⁶. В то же время почти неизвестными остаются объёмистые рукописные тетради его дневников, которые А. Н. Минх вёл в 1870–1890-е гг. До настоящего времени «Заметки и записки» Минха лишь однажды подвергались пристальному исследованию, цель у которого была достаточно узкой и специальной¹⁷. До сих пор вне информационного поля саратовского краеведения остаются ценные свидетельства об общественной и культурной жизни региона, этнографические зарисовки и суждения автора о политике и международных отношениях, характеристики представителей властной элиты губернии, интересных личностей, неизвестные происшествия и подробности значимых событий в истории края и т.п. Основное место в них занимают записи наблюдений за погодой, хозяйственные заметки, сообщения о важных семейных событиях, поездках, встречах гостей и др. Дневники носят сугубо личный характер и явно не предназначались для чужих глаз. На это указывают содержащиеся в тексте оцен-

⁹ Минх А. Н. Записки о Крымской войне / предисл., коммент. А. И. Пиреева; под ред. Г. В. Захаровой, Г. В. Скорочкиной, В. Н. Токарева. Саратов, 2019.

¹⁰ Минх А. Н. Из записок мирового посредника 1861–1866 гг. // Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. Саратов, 1911.

¹¹ Хованский Н. Ф. Краткие биографии некоторых членов Саратовской учёной архивной комиссии // 25-летие Саратовской учёной архивной комиссии. 1886–12/XII 1911 гг. Исторический очерк. Сост. В. П. Соколов. Саратов, 1911.

¹² В данной публикации были использованы дневниковые записи А. Н. Минха из следующих архивных дел: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 739, 740, 745, 772, 787.

¹³ См.: Миловидова И. Б. Полчаниновская усадьба А. Н. Минха // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 4. Саратов, 1996.

¹⁴ Демченко А. А. Из неизданных записок А. Н. Минха // Поволжский край: Межвуз. сб. научн. тр. Вып. 11. Проблемы истории и археологии Саратовского Поволжья. Саратов, 2000.

¹⁵ См.: Минх А. Н. Саратов 30 лет назад. Очерк 1853 года // Саратовский листок. 1885. 17–18 апреля.

¹⁶ См.: Земли родной минувшая судьба (Саратовская учёная архивная комиссия и документальное наследие края). Саратов, 2007. С. 225–243.

¹⁷ См.: Миловидова И. Б. Полчаниновская усадьба А. Н. Минха // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 4. Саратов, 1996.

ки и высказывания, носящие ярко выраженный эмоциональный характер и резко выделяющиеся на фоне его предельно корректного и в целом аполитичного научного творчества. Скованный в повседневной жизни рамками общественной морали, А. Н. Минх выплёскивал на страницы дневника накопившиеся недовольство и обиды, высказывал мнения, расходившиеся с позицией официальной власти, давал (порой переходя грани приличия), нелестные характеристики своим коллегам и знакомым, представителям губернской администрации и даже некоторым высшим сановникам империи.

Полноценное научное использование дневников А. Н. Минха осложняется условной датировкой многих записей. Автор вёл дневник нерегулярно, часто «суммируя» события за период, прошедший с момента, когда была сделана предыдущая запись. Отдельные места в тетрадях хронологически пересекаются. Пунктуационные особенности текста, в котором, например, точка с запятой имеют значение точки, в публикуемом тексте исправлены по умолчанию. Ценная информация об общественной жизни региона соседствует с хозяйственными замечаниями, сообщениями о состоянии погоды и семейных событиях. Всё это, совокупно с большим объёмом дневника, делает затруднительным его полное издание. По этой причине принято решение о публикации избранных мест текста дневников с необходимыми пояснениями и комментариями. Учитывая известность большинства упоминаемых в тексте персон, биографические справки о них содержат лишь минимально необходимую информацию.

В данной публикации выдержки из дневников не сгруппированы тематически. Подобную систематизацию каждый специалист способен сделать самостоятельно, исходя из профиля своих исследовательских интересов. Показавшиеся достойными быть выбранными для публикации цитаты даются в хронологической последовательности. В текст данной публикации не вошли фрагменты, относящиеся к общеизвестным событиям и происшествиям. Учитывая, что автор дневника наиболее известен своей краеведческой деятельностью, многочисленные записи подобного рода в текст включены не были. Большинство заметок по истории, этнографии, археологии Саратовского края либо публиковались А. Н. Минхом при жизни, либо были введены в научный оборот в последующие годы. По умолчанию опущены записи, пересказывающие мировые и российские новости.

Дошедшие до нас дневники, повествующие о саратовском периоде жизни автора, охватывают период с начала 1870-х до середины 1890-х г. – два десятилетия царствования двух императоров.

В 1870 г. он записывает: «Андрей Константинович Карпов, по смерти первой жены, урожденной Качеевой, от которой имел двух дочерей: Александру (впоследствии вышедшую за Ладыженского) и Варвару (сперва за Левицким, а потом за Мауриным), женился на второй жене, Татьяне Васильевне Есиповой, от которой имел одну дочь Елену, вышедшую сперва замуж за Тарасевича¹⁸, а по смерти его – за доктора И. Р. Иванова¹⁹, детей у неё не было;

¹⁸ Тарасевич Степан Иванович, отставной полковник лейб-гвардии Гренадёрского полка, масон. Участник Отечественной войны 1812 г. Ранен при Бородино. В 1820 г. ему были пожалованы земли в Саратовской губернии.

¹⁹ Иванов Иван Родионович (1798–ок. 1858), коллежский советник. В 1830–1836 гг. инспектор Саратовской врачебной управы. С 1836 г. в отставке.

*Аткарский уездный
предводитель дворянства
В.В. фон Гардер. 1863 г.*

ей отдал отец Воеводчино²⁰, и помещица живёт здесь каждое лето, переезжая на зиму в Саратов. Воеводчино приходом в Белгазу-Маматовку²¹.

Елена Андреевна Иванова – замечательный тип русской барыни; ей лет 65 (в 1870 году), худая, среднего роста женщина, с чрезвычайно подвижным лицом, очень умная и хлебосольная, получившая, как водилось в то время, самое скудное образование. Она не была красива собой в молодости, но, как говорится, была очень живой и острой девушкой; она рано вышла замуж за полковника Тарасевича, и брак этот был несчастлив, впоследствии овдовев, вышла за инспектора Саратовской врачебной управы доктора Ивана Родионовича Иванова, очень доброго, серьёзного и невозмутимо тихого человека, которым вполне командовала и подчас помыкала эта своенравная и капризная женщина. Детей ни от того, ни от другого брака у неё не было. Хоро-

шее состояние, изысканное хлебосольство, ум и способность поставить себя в свете дали ей видное место в Саратовском обществе; все местные сановники, архиереи, приезжие из Петербурга тузы считали обязанностью являться к этой женщине. На её средства отделана и украшена в Саратове Покровская церковь, и она много жертвовала на неё и другие храмы, почему архиереи делали всё в угоду ей (...) а низшее духовенство трепетало Архиерейши (как они называли её).

До продажи имения Беклемишеву²², живя летом в Воеводчине, Елена Андреевна чрезвычайно радушно и так же хлебосольно принимала у себя гостей, в которых недостатку не было. Не по душе пришлось барыне отмена крепостного права; она вовсе не была жестокой и хорошо обходилась с людьми, но тут затронуто было барское самолюбие: она лишилась власти над своими крепостными и дворовыми. Мировых посредников она положительно возненавидела, встречала их даже чудачеством: берёт под платье большую икону Св. Николая Чудотворца, при свидании ей будто делается дурно от страха. Она подымала кверху руки, и из-под платья падает на пол образ. Раньше я был с нею в отличных отношениях, мы считались даже дальней роднёй, но когда мне досталась вся власть при переделе мировых участков, то она называла меня не иначе как «Он» и «Атаман разбойников», так что мы с ней разошлись, и я не бывал у неё всё время моего посредничества»²³.

²⁰ Воеводчино Аткарского уезда Саратовской губернии – ныне в одноимённом районе Саратовской области.

²¹ Белгаза (Маматовка, Козьмодемьянское) Аткарского уезда Саратовской губернии – ныне в Екатеринбургском районе Саратовской области.

²² Е. А. Иванова (урожденная Карпова) продала имение саратовскому помещику Михаилу Николаевичу Беклемишеву, помещику Сердобского уезда и гласному Саратовского губернского земского собрания.

²³ Очень близкую характеристику Е. А. Ивановой дал в своих воспоминаниях другой её саратовский современник В. А. Шомпулев (См.: Шомпулев В. А. Записки старого помещика. М., 2012. С. 133.)

В начале 1874 г.,²⁴ откликаясь на недавно имевшую место очередную катастрофу на Саратовско-Тамбовской железной дороге, А. Н. Минх пишет: «Вообще, чугушка наша построена убийственно дурно, между тем как одна верста обошлась земству около 90000 руб[лей] сер[ебром]. Стоимость баснословная и удивившая едва ли не всю Россию. С этой-то громадной цифры мы должны теперь платить гарантию. Строитель Гладин²⁵ не обращал никакого внимания на сооружение. Вся работа по участкам сдана была подрядчикам за более низкие, но тем не менее огромные цены. Виновато и самое правительство: земство – хозяин дороги, и потому приёмка полотна и сооружений лежала частью на земской комиссии, но правительство предоставило себе право назначить свою комиссию, так что, вопреки всем возражениям хотя и поздно опомнившегося земства и её комиссии, правительство чрез своих членов, осмотрев последние участки, приказало принять и открыть без всяких возражений, не принимая никаких протестов возопивших земских деятелей. Много писали в «Русском мире», «Петербургских ведомостях» и «Отечественных записках» о нашей злосчастной чугушке, много высказано горьких истин о недобросовестных деятелях земства, принявших такое постыдное положение в отношении доверчивых избирателей, но до сих пор изо всего этого не выходит никакого толку. В декабрьскую сессию 1873 года саратовское губернское земское собрание и городская дума, изыскивая средства поправить тугие обстоятельства нашего чугушко-дорожного дела, выписали из Петербурга специалиста(?)²⁶ Барановского²⁷, предложившего проект сооружения железного пути от Саратова на Гурьев, Хивинский оазис и в Индию. Осуществление этого мирового пути, разумеется, поставило бы Саратовско-Тамбовскую дорогу в исключительно выгодное положение, и страх 90-летней гарантии рухнул бы при первом появлении паровозов с Востока и Запада. Земство и дума одобрили проект, избрали уполномоченных: городского голову Гусева²⁸, гласных И. И. Бернова²⁹ и Голицына³⁰ (остряки называли это трио уполномоченных «индийским посольством») – и определили отправить их в Петербург ходатайствовать об утверждении проекта Барановского. Будущее покажет, осуществится ли эта идея, остающаяся пока сладкою мечтою нашего земства».

²⁴ Время записи установлено приблизительно, основываясь на датах событий, указанных в тексте.

²⁵ Концессию на строительство Тамбово-Саратовской железной дороги в 1868 г. получили братья Гладины, коллежский ассессор Мориц Петрович фон Дезен (в его семье воспитана М. К. Тенишева) и отставной поручик Александр Васильевич Лукашевич. Минх пишет об Александре Григорьевиче Гладине, принятом вместе с фон Дезеном и Лукашевичем почётным членом в Саратовское общество бегов. Автор дневника не стал писать, что правителем дел «железнодорожного комитета» был его брат Николай.

²⁶ Подчёркивание и знак вопроса – авторские.

²⁷ Барановский Степан Иванович (1817–1890), педагог, картограф, инженер и изобретатель. Проект С. И. Барановского о строительстве железной дороги от Саратова в Индию широко обсуждался на страницах периодических изданий, не исключая саратовские газеты.

²⁸ Гусев Владимир Петрович, статский советник, купец 1-й гильдии, в 1870–1875 гг. саратовский городской голова.

²⁹ Бернов Иван Иванович, отставной полковник Нарвского гусарского полка, помещик Саратовской губернии.

³⁰ Голицын Лев Львович (1841–1916), князь, землевладелец Саратовской губернии, действительный статский советник, гласный Саратовского губернского земского собрания от Балашовского уезда. В 1872–1881 гг. Балашовский уездный предводитель дворянства, в 1887–1896 гг. Саратовский губернский предводитель дворянства, почётный мировой судья Балашовского уезда, гласный Саратовского губернского земского собрания, член-основатель Саратовской губернской учёной архивной комиссии.

В начале 1876 г., находясь в своём имении в с. Полчаниновка³¹ Саратовского уезда, А. Н. Минх писал о прошедшей зиме: «Зима нынешнего года стала ранняя, в первых числах ноября (1875 г.) лёг снег, установился санной путь, и до 1 марта не было оттепелей. До Рождества стояли сильные морозы и метели. В особенности замечательна своей ужасной силой метель 6 декабря 1875 года. Я приехал в Саратов в возке накануне вечером и застал в номерах Гудкова³² Николая Ивановича Миллер³³ и Михаила Андриановича Устинова³⁴. За чаем они объявили мне, что собираются эту ночь на пикник в село Разбойщину³⁵, вёрст 13 от Саратова, на дачу Гусева³⁶. С ними едут Неклюдовы³⁷, старший нотариус Дыбов с женой³⁸, Алфимовы³⁹, дочь вице-губернатора Набокова⁴⁰, девица Шомпулева⁴¹ и несколько кавалеров. Я высказал им нелепость подобной прогулки ночью в открытых санях, так как шла уже лёгкая погодка, и советовал, ежели они решились непременно ехать, то взять мой возок. Усталый с дороги, лёг я спать в своём номере. Утром коридорный доложил мне, что господа уехали ночью в открытых санях и до сих пор не возвращались. На дворе зги не было видно, окна залепило, и ветер гудел с неистовой силой.

Часов в 10 мне надо было заехать в мебельный магазин Паля⁴² и потом в свою камеру⁴³, куда вызваны были люди Саратовской волости. Швейцар объявил мне, что на биржах⁴⁴ нет ни одного извозчика. Я просил отыскать какого-нибудь, а сам хотел дойти до Паля пешком, так как до него нужно только завернуть за угол на Театральную площадь. Буря бушевала неистово. Не успев сделать несколько шагов, меня сбило с ног, и я едва дотащился обратно до подъезда. Через час нашли мне извозчика, согласившегося по 75 коп. в час свозить меня в камеру и обратно. В городе уже сорвало много железных крыш. Снег и ветер неистово резали лицо, так что мы едва добрались. Часа в 2 возвращаюсь в номер, так как никто из вызванных

³¹ Ныне в Татищевском р-не Саратовской обл.

³² О «номерах Гудкова» см. далее.

³³ Миллер Николай Иванович, отставной поручик, член Сердобской уездной управы, мировой судья 3-го участка Сердобского уезда.

³⁴ Устинов Михаил Андрианович (1825–1904), саратовский помещик, владелец имения при с. Беково Сердобского уезда. Почётный мировой судья.

³⁵ Село Разбойщина (Преображенское) Саратовского уезда, ныне п. Соколовый Саратовского р-на. Известно живописной природой, одно из любимых мест отдыха саратовцев.

³⁶ Вероятно, речь идёт о даче саратовского купца, будущего городского головы Владимира Петровича Гусева (о нём см. далее) или его брата Николая.

³⁷ В Саратовской губернии в этот период жило несколько представителей дворянского рода Неклюдовых.

³⁸ Дыбов Григорий Григорьевич (1841–1914), старший нотариус г. Саратова, присяжный поверенный. В будущем командор Саратовского яхт-клуба и член Саратовской губернской учёной архивной комиссии.

³⁹ Вероятно, Алфимов Сергей Васильевич, отставной подполковник, председатель правления Саратовского-Симбирского земельного банка, вице-президент Саратовского общества охотников конского бега, командор Саратовского речного клуба. Его брат коллежский советник Дмитрий служил в том же банке в оценочной комиссии.

⁴⁰ Набокова Лидия Михайловна, в замужестве Мартынова.

⁴¹ Шомпулева Вера Викторовна (1854–1934), в замужестве Морозова.

⁴² Один из первых магазинов мебели в Саратове, основанный в 1830-х гг. К. Х. Паль, располагался на Театральной площади, современный адрес: дом № 9. Здание сохранилось. В рассматриваемый период магазин принадлежал Мартину Яковлевичу Палю.

⁴³ Камера – здесь в значении кабинета, приёмной.

⁴⁴ Биржи извозчиков – места, где свободные извозчики должны были ожидать пассажиров.

не мог явиться. Моих соседей ещё нет. Перед вечером только приехал Устинов и объявил, что они всю ночь протанцевали в нетопленной даче Гусева. Но, выехав с рассветом, в эту страшную бурю разбились, потеряли друг друга, плутали, и он с m-le Шомпулевой едва набрёл на Монастырскую слободку⁴⁵, где её оттирал в кабаке, и теперь только добрались до Саратова. Куда девались ещё три тройки, он не знает. Приехали Слепцовы⁴⁶ узнать об их сестре. Я послал городского просить к себе полицмейстера В. А. Подгурского⁴⁷ тотчас же и разослал казаков и полицейского Дьяченко⁴⁸ разыскивать пропавших. Метель стала стихать. Часам к 4 утра следующего дня привезли Миллера с обмороженными руками. От него узнали мы, что они сбились и выбились из сил по сугробам, набрали на щиты по линии железной дороги. С ним ехала m-le Набокова, хорошенькая девушка лет 16, в лёгкой ватной шубке, шёлковых чулочках, прюнелевых⁴⁹ ботинках и резиновых калошах. Она стала страшно зябнуть, почему, взяв её из саней, он вышел на рельсы, надеясь пешком дойти до какой-нибудь будки, но в это время порыв ветра сбил его с ног, и, когда он поднялся, то Набоковой уже не было. Он долго ползал по рельсам, искавши её, но не нашёл и набрёл на будку. Оказалось после, что буря сбила её с полотна дороги, и она свалилась в снег, где и заснула. С будки послали отыскивать её. В это время прошёл поезд, усмотревший на откосе женщину, о чём объявил в Саратовском вокзале. Но посланный локомотив не мог уже добраться и зарылся в снег. Между тем только через час нашли несчастную девушку. Посланные с будки люди принесли её совсем окоченевшую и оттаивали руки и ноги в холодной воде. Говорят, жаль было смотреть на эту несчастную. Подгурский взял мой возик и к утру привёз её к бедной матери⁵⁰, которая имела неосторожность отпустить её без себя и в таком лёгком костюме. Несчастливая осталась живая, но пальцы на руках и на ногах совершенно отвалились, остальные пострадавшие поправились, хотя долго болели. Подобной бури, как 6 декабря, не упомнят старожилы. Множество крыш в Саратове было сорвано, не было ничего видно за несколько шагов. В деревнях бушевала она так же страшно».

Этот рассказ, помимо прочего, привлекает внимание в связи с посвящённым этому же происшествию мемуарным очерком В. А. Шомпулева – отца упоминаемой в дневнике А. Н. Минха участницы поездки Веры Шомпулевой – о событиях, имевших место в день, когда православные отмечают День святителя Николая Угодника – самого почитаемого в России святого, написали столичные газеты. О нём вспоминает героиня знаменитого рас-

⁴⁵ Монастырская слободка – название посёлка возле Спасо-Преображенского мужского монастыря на северо-западе Саратова (ныне р-н «Стрелки»), посёлки Завокзальный и 1-й Дачный.

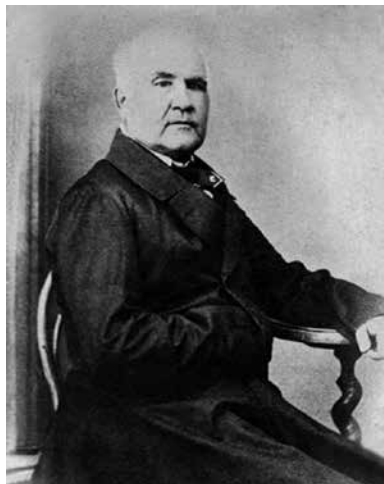
⁴⁶ В Саратове проживало несколько семей Слепцовых.

⁴⁷ Подгурский Виктор Александрович (1830—после 1880), дворянин Нижегородской губернии, надворный советник, исправник Аткарского уездного полицейского управления, почётный гражданин г. Аткарска, с 1875 г. полицмейстер г. Саратова.

⁴⁸ Дьяченко Фёдор Петрович, чина не имел. Его В. А. Подгурский забрал с собою из Аткарска при переводе в Саратов.

⁴⁹ Прочная ткань, использовавшаяся для изготовления дамских башмачков, не предназначенных для носки в холодную погоду.

⁵⁰ Набокова Мария Ивановна, в девичестве Чекини.

Неклюдов Пётр Николаевич

сказа А. Н. Толстого «Отец Сергей»⁵¹. Сравнение дневника А. Н. Минха и мемуарного очерка В. А. Шомпулева позволяет сделать интересное, хотя и вполне предсказуемое наблюдение. Спустя годы Шомпулев называет одного из участников поездки, чиновника особых поручений при саратовском губернаторе Александра Григорьевича Булыгина. В революционном 1905 г. он несколько месяцев состоял в должности министра внутренних дел Российской империи и прославил свою фамилию в названии «Булыгинской Думы». Минх, по свежим следам сделавший о злополучной поездке запись в дневнике, не упомянул ничем не примечательного для него скромного титулярного советника. Зато, в противоположность Шомпулеву, этично воздержавшегося от публичного оглашения печального факта, написал о потерянных пальцах Лидии Набоковой. Этот наглядный

пример прекрасно иллюстрирует принципиальную разницу между «дышащими» текущими событиями дневниками для личного пользования и осмысленно составляемыми спустя годы воспоминаниями для читателей.

После этой записи А. Н. Минх снова возвращается к административным будням: «В начале декабря назначено было в Саратове очередное губернское земское собрание, но оно не открывалось до 8 декабря, так как не было налицо надлежащего количества губернских гласных. По протестам губернатора Галкина-Врасского, действия и выборы Саратовского и Петровского уездных собраний кассированы⁵², почему, собравшись 8 декабря хотя и в надлежащем составе, 34 гласных, мы заявили, что без представителей двух уездов, Саратовского и Петровского, находим неудобным приступить к занятиям. Когда же за отсутствием Галкина, виц[е]-губ[ернатор] Набоков протестовал против этого постановления собрания, многие из нас разъехались, и собрание само собой стало несостоятельным. Против этого сильно выступал председатель губернской управы В. А. Фёдоровский, человек очень умный, но не отличающийся безукоризненной честностью. Он был до этого управляющим по Саратовской губернии и уволен за какие-то тёмные дела.

15 декабря мы опять собрались в Саратове – на дворянские выборы. Я уже пятое трёхлетие (при мне были выборы 1863, 1866, 1869, 1872 и настоящие нынешней зимы 1875 года) езжу на эти собрания. Все они носят один характер. Во времена крепостного права дворянские выборы имели более значения для всех сословий губернии, здесь, кроме предводителей, выбирались председатели и заседатели Гражданской и Уголовной палат и уездные исправники, чего теперь нет, и в настоящее время ограничиваемся выборами предводителей, секретаря дворянского собрания, депутатов и несколь-

⁵¹ Наблюдение о знакомстве Л. Н. Толстого с мемуарным очерком В. А. Шомпулева «Пикник на Николин день», впервые изложенное в комментариях к его воспоминаниям (См.: Шомпулев В. А. Записки старого помещика. М., 2012. С. 17), было подробно рассмотрено А. Литвиной и Ф. Успенским (См.: Литвина А., Успенский Ф. Три судьбы двух сюжетов (Лев Толстой и мемуарные очерки В. А. Шомпулева) // Лотмановский сборник – 4. М., 2014. С. 347–361).

⁵² Кассированы – здесь в значении опротестованы, отменены.

ких мелких чиновников при опеках и полицейском управлении. В то время, когда ещё не существовали железные дороги, в Саратове жило по зимам много помещиков. Выборы составляли эпоху в жизни целой губернии. Тут съезжались дворянские жёны и дочери, давались балы в дворянском собрании. По улицам разъезжали лихие помещицы тройки или допотопные возки. Купечество ожидало это время в три года раз как обильную жатву (последние такие выборы были в 1863 году). Теперь не то: зала дворянского собрания всё так же через три года наполняется мундирами, между колонн на тех же местах, как и прежде, под своими гербами, размежёваны стульями уезды, те же ящики, то же шарокатание⁵³, но нет того интереса, обхватывавшего во время оно⁵⁴ всё население Саратова; нет ни балов, ни вечеров, нет лихих помещицких троек и старофасонных возков, нет старого барства. На хорах⁵⁵ почти совершенно исчезли дворянские жёны и дочери. Буфет дворянского собрания не может, однако, и теперь пожаловаться на плохие барыши, так как он постоянно полнее самой залы собрания. По выборам предводителей даются им в лучших табльдотах Корнеева и Языкова⁵⁶ обеды, которые, смотря по экономичности уездов, стоят от 10 до 25 рублей с человека. По имениям я участвую в двух уездах. В Аткарском выбрали Виктора Викторовича Гардера⁵⁷ на третье трёхлетие. В Саратовском – Александра Ивановича Шахматова⁵⁸ на первое трёхлетие. Аткарский уезд имеет особый характер от других Саратовской губернии, это уезд родственный, как его прозвали: «халатных отношений». Там почти все перероднились с Карповыми, которых мы насчитываем до десятка и к которым по родству и свойству принадлежат трое Гардер⁵⁹, Беклемишев, Измайлов, Мензенкампф⁶⁰ и другие в более близких или далёких отношениях. Поэтому здесь всё заранее предрешено и места разобраны. Оппозицией этого родственного союза всегда является меньшинство, состоящее из 7 или 8 человек, не связанных узами род-

⁵³ Имеется в виду игра в бильярд.

⁵⁴ Устар. речевой оборот. Здесь в значении: одновременно.

⁵⁵ Хоры – балконы внутри зала.

⁵⁶ Здесь в значении ресторанов. Языков Николай Дмитриевич, отставной подпоручик, гласный Саратовской городской думы. Возможно, он же в те же годы содержал в Саратове фотографию. О Корнееве см. выше.

⁵⁷ Гардер фон Виктор Викторович (1839–1908). Помещик Саратовской губернии. Председатель Аткарской уездной земской управы. В 1866–1881 гг. аткарский уездный предводитель дворянства, председатель Аткарской уездной земской управы, участковый мировой судья 3-го участка Аткарского уезда, председатель общества взаимного кредита Аткарского уездного земского собрания, председатель Аткарского уездного училищного совета, позже земский начальник.

⁵⁸ Шахматов Александр Иванович (1826–1896), действительный статский советник, гласный Саратовского уездного и губернского земского собрания, почётный мировой судья, в 1875–1881 гг. саратовский уездный предводитель дворянства. Краевед, член-основатель Саратовского губернской учёной архивной комиссии.

⁵⁹ Братья Гардеры: Виктор Викторович (см. выше), Николай Викторович (р. 1840, действительный статский советник, мировой судья и земский начальник в Аткарском уезде, с 1905 г. – Аткарский уездный предводитель дворянства и председатель Аткарской уездной земской управы, опубликовал исследование об истории рода фон Гардер) и Александр Викторович (р. 1844, отставной поручик, гласный Аткарского уездного земского собрания, погиб во время войны с турками в 1877 г.)

⁶⁰ Беклемишев Михаил Михайлович (женат на сестре братьев Гардеров Надежде Викторовне), Измайлов Дмитрий Лаврович, Мензенкампф фон Александр Францевич – о них см. далее.

ства с Гардерами и Карповыми, а именно: Владимир Андреевич Гартонг⁶¹, я и Слепцовы⁶².

В Саратовском уезде две партии: Шомпулисты и Самбикинцы. Виктор Антонович Шомпулев⁶³ уже два трёхлетия уездный предводитель и вместе с тем председатель уездной земской управы. Красивой и представительной наружности, при ограниченном уме, но умении рисоваться, он имел большой успех у женщин. С женой живёт он врозь. Ближайший сосед его по имени, полковник Генерального штаба Митрофан Николаевич Самбикин⁶⁴, попал в Саратовскую губернию недавно и появление своё ознаменовал рядом очень дельных и резких статей в «Русском мире» по поводу злоупотреблений по нашей земской Саратовско-Тамбовской железной дороге. В статьях досталось многим. На земских собраниях Самбикин считался оратором. Обладая громкой, резкой и даже дерзкой речью, он нещадно громил управы и железнодорожников. С Шомпулевым был он очень хорош, но недавно стал его злейшим и заклятым врагом. Обзывая его вором и мошенником публично в собраниях, он задался целью уничтожить Шомпулева. Перемена отношений бросилась в глаза, и многие, в том числе сам Шомпулев, выяснили мне её: ревность; и так как у Самбикина прехорошенькая жена⁶⁵, за которой стал ухаживать наш ловелас. Личность Самбикина чрезвычайно оригинальна: плотно сложенный, средних лет, живой и энергичный. Голова его восточного типа, с толстыми губами и короткими курчавыми волосами, глаза злые и очень подвижные. Служил он при Муравьёве⁶⁶ в Вильне во время последнего польского мятежа (1862 года), и, говорят, что даже Муравьёв, не отличавшийся кротостью с повстанцами, которых вешал и расстреливал сотнями, и тот принуждён был удалиться от себя Самбикина за его жестокость. Самбикину удалось увлечь за собою недовольных Шомпулевым, баллотиров-

⁶¹ Гартонг Владимир Андреевич, отставной штабс-капитан, землевладелец Саратовской губернии, почётный мировой судья Аткарского уезда.

⁶² Вероятно, имеются в виду гласный Саратовского губернского земского собрания от Аткарского уезда, член Саратовской губернской земской управы, почётный мировой судья Аткарского уезда коллежский регистратор Павел Петрович Слепцов, почётный мировой судья Саратовского уезда, гласный Саратовского уездного земского собрания статский советник Александр Павлович Слепцов, отставной корнет, владелец имения в с. Кологривовка Аткарского уезда. С 1869 г. – мировой посредник 2-го участка того же уезда, гласный Аткарского уездного земского собрания Аркадий Петрович Слепцов.

⁶³ Шомпулев Виктор Антонович (1830–1913), отставной подпоручик, дворянин Саратовской губернии. С 1856 г. – депутат Саратовского губернского дворянского собрания от Кузнецкого уезда, в 1861–1864 гг. Кузнецкий уездный предводитель дворянства, в 1864–1876 гг. Саратовский уездный предводитель дворянства, в 1869–1876 гг. председатель Саратовской уездной земской управы, с 1869 по 1875 г. – почётный мировой судья и председатель съезда мировых судей Саратовского уезда. В 1873–1875 гг. Саратовский губернский предводитель дворянства. В 1882–1883 гг. председатель правления Саратовско-Симбирского земельного банка, в 1891–1902 гг. – земский начальник в Саратовском уезде.

⁶⁴ Самбикин Митрофан Николаевич, умер после 1918 г. Из дворян. Окончил Воронежский кадетский корпус, в 1853 г. – Константиновское артиллерийское училище. Поручик 16-й артиллерийской бригады (сослуживец Ф. И. Абакумова). В 1860 г. окончил Императорскую Николаевскую Академию Генерального штаба (в один год с будущим саратовским губернатором А. И. Косичем). В 1869 г. уволен в отставку по болезни. Гласный Саратовского уездного земского собрания, почётный мировой судья Саратовского уезда. После отъезда из Саратовской губернии служил в Воронеже в почтово-телеграфном ведомстве в чине действительного статского советника. Уволен в отставку по болезни с поста начальника Орловского почтово-телеграфного ведомства в 1904 г.

⁶⁵ Самбикина Зинаида Михайловна. Предположительно, супруга во втором браке. Умерла ок. 1901–1906 гг.

⁶⁶ Муравьёв Михаил Николаевич, граф (1896–1866). Занимая должность Гродненского, Виленского и Минского генерал-губернатора, стал известен жестоким подавлением восстания 1863 г. и антипольской политикой русификации в западных губерниях. Факты самовольных обысков и арестов со стороны полковника М. Н. Самбикина в Поневежском уезде были доведены до сведения министра внутренних дел (См.: РГИА Ф. 908 Оп. 1 Д. 269).

ка предводителя на уездном столе не состоялась, передали её на губернский стол, где был выбран в эту должность Александр Иванович Шахматов. На должность губернского предводителя баллотировались двое: Павел Александрович Кривский и отставной гусарский полковник Иван Иванович Бернов. Последний выбран первым кандидатом и утверждён в звании государем. Тотчас после выбора всё дворянство в мундирах отправилось, по исстари заведённому обычаю, поздравлять Бернова. В зале Гудковской гостиницы встретил он нас несколькими дюжинами шампанского, и затем на следующий день дворянство разъехалось по своим поместьям».

Откликаясь на возросший в Европе и русском обществе мистицизм, интерес к загробной жизни, спиритическим сеансам, вызову духов и душ умерших, А. Н. Минх писал: «Помню я, давно, во дни моей молодости, лет 20 с лишком тому назад, одно время даже в нашей степной губернии, только и было толков, что о вертящихся тарелках, столах, пишущих блюдечках и ящиках и т.п. Приписывали эти явления магнетизму, везде производились опыты. Даже в деревнях работали над верчением столов помещики и помещицы, усиливая цепь босоногой дворней Дуняшек, Малашек, Полек и Акулин. В городах и в позднейшие времена собирались везде сеансы, покупались даже изобретённые каким-то магнетизёром пишущие столики. Столы и тарелки вертелись, карандаши писали. Но затем всё это было забыто до поры до времени. Перелом крепостного права, новые реформы и устройство хозяйства на свежих началах не дали времени нашим помещикам развивать упражнения в верчении столов и прочего».

«Земли в Аткарском, Сердобском и Саратовском уездах до 1873 года стоили невысокой цены. От 30 до 35 руб сер. за десятину можно было купить очень хорошее имение. 1873 и 1874 годах мания на покупки земель в Саратовской губернии возросла до огромного спроса. Везде сновали поверенные и приказчики дворян и купцов, предлагая 50 и более руб. за десятину, так что к 1875 году ценность земель в этих уездах, в более хороших имениях, доходила от 50 до 65 руб. за десятину». Вместе с ценой земли росла и стоимость сдачи её в аренду. Крестьяне очень туго стали брать её внаём, и землевладельцы несли убытки.

«Последние годы газеты наполнены случаями самоубийств. Саратов в прошлом году не отстал от столиц и других городов: фотограф, артиллерийский офицер Муренко⁶⁷ и начальник Телеграфного округа Оппель⁶⁸ застрелились. В феврале нынешнего года отравилась фосфорным настоем от спичек хорошенькая 26-летняя девушка Коновалова, жившая у тётки своей Елены Павловны Зевакиной, как говорят, от любви к двоюродному брату Петину. По поводу этих самоубийств рассказывают, что в Саратове лишил себя

*Самбикин
Митрофан Николаевич*

⁶⁷ Муренко Антон Степанович (1837–1875), отставной поручик артиллерии. Один из первых профессиональных фотографов в российской провинции. С 1861 г. владел фотографией в Саратове.

⁶⁸ Оппель Христофор Алексеевич, надворный советник.

жизни какой-то мещанин, оставив будто бы записку следующего короткого содержания: «Куда господа, туда и я».

Этой же весной А. Н. Минх сделал запись о расплотившихся мошенниках и грабителях. Четверо напавших и спаливших усадьбу Городецких⁶⁹ хотя и были задержаны, но «никак не благодаря полиции, которая в Саратовском уезде крайне плоха и занимается единственно сбором податей, так как за успешность взысканий получает от правительства награды, да и сам губернатор пользуется за это высочайшими благоволениям. До остального же полиции нет дела. Сотники, которые почти в каждом селении – отставные и билетные⁷⁰ солдаты, крайне плохи, почти без исключения пьяницы и служат больше рассыльными становому приставу Балабанову⁷¹, возят ему разные потребности в Саратов и обратно. Кроме сотников учреждены ещё, не знаю зачем, в каждой деревне по одному и по два десятника, обязанность которых заключается в том, чтобы понеделно дежурить по очереди у пристава в с. Вязовка, набивать ему ледники, чистить двор и исправлять другие хозяйственные обязанности. Мне удалось настоять, по крайней мере, чтобы моя Полчаниновка была избавлена от подобной повинности».

В мае А. Н. Минх сообщает о своём участии в саратовских уездных и губернских собраниях. На первом автор был «лучше всех», «огромным большинством» переизбран мировым судьёй. На губернском собрании, открывшем работу 15 мая, «все ожидали, что председатель губернской управы Фёдоровский не удержится⁷². Но он так ловко умел склонить большинство на свою сторону, что был выбран, хотя и слабо, на второе трёхлетие. Это человек чрезвычайно умный, но вместе с тем и выжита 96-й пробы». На заседаниях «коснулись и всегдашней болячки – нашей гарантии по железной дороге, говорили по поводу дороги за Волгу, предлагаемой Барановским, нашли её полезной, но, обжёгшись на Тамбовской, не дали денег на изыскание восточной линии».

В июне А. Н. Минх записал впечатления от поездки в с. Вязовку. В 13 верстах от неё располагалась крупная мельница известного саратовского купца Т. Ф. Болдырева⁷³, который гостеприимно пригласил автора к себе и угостил его. «Сыновья Болдырева, – записал А. Н. Минх, – молодые люди с светскими манерами. Старший же, седой как лунь, – очень чистенький, ласковый, но говорит по оникам⁷⁴ и выражается по-купечески. Жена его, уже совершенно старомодная купчиха с повязкой на голове, и не садилась даже за стол, а подавала нам кушанья». Здесь же автор дневника пишет об известной саратовской народнице Марковской: «Марковская, урожденная Малышева, была известна всему Саратову и околдку как бой-девка

⁶⁹ Имение помещиков Городецких находилось при д. Фёдоровка Полчаниновской волости Саратовского уезда.

⁷⁰ Билетные солдаты – находящиеся в запасе по билету (документу).

⁷¹ Балабанов Иван Петрович, губернский секретарь, становой пристав 2-го стана Саратовского уезда.

⁷² Фёдоровский Василий Александрович, ум. в 1883 г., действительный статский советник, председатель Саратовской губернской земской управы (гласный от Хвалынского уезда и гласный Хвалынского уездного земского собрания), почётный мировой судья Хвалынского уезда, почётный блюститель Саратовской Марининской женской гимназии, член-секретарь правления Саратовского учебно-исправительного приюта, член Саратовского губернского статистического комитета, член Саратовского губернского училищного совета, председатель Саратовского общества вспомоществования недостаточным людям, стремящимся к высшему образованию.

⁷³ Болдырев Трофим Федотович, саратовский купец 1-й гильдии.

⁷⁴ Оник – символ в виде буквы «о», кружка, также обозначал ноль. Возможно, А. Н. Минх имел в виду «оканье» Болдырева.

с ухарскими манерами. Дома она сама на работах возит хлеб, сено. Напялив тулуп, шапку и рукавицы, отправляется с мужиками за брусьями в Саратов. Вышла она замуж недавно за тощенького, белокуренького и тихонького юношу Марковского и одела его славянофилом – в поддёвку и высокие сапоги». Недавно Марковские самовольно устроили плотину и затопили мельницу соседа. Тот отправился ругаться, но получил от Марковской такой отпор, что ушёл «поджав хвост». По его жалобе 22 июня А. Н. Минх, как мировой судья, отправился в сопровождении пострадавшего, местных административных деятелей и понятых осмотреть плотину: «С противоположной стороны явились Марковская с мужем и целая толпа гостей. Мой анненский кавалер⁷⁵ сильно трусил вязовскую новомодную Бабалину. Становой ожидал с её стороны оригинальной выходки, но все ошиблись. Ко мне на плотину очень скромно подошла молодая дама с сильно загоревшим, грубоватым лицом, прилично одетая, и просила допустить на суд вместо неё – мужа. Получив моё согласие, она так же скромно отошла в сторону и не вмешивалась в мои опросы понятых. Видя своего страшного противника таким безоружным, мой Нечепурович до того набрался храбрости и так распетушился, что я насили унял его».

Так, в январе 1877 г. А. Н. Минх откликается на перемещение саратовского вице-губернатора М. Н. Набокова⁷⁶ на пост начальника Калишской губернии. По словам А. Н. Минха, польских обывателей «можно поздравить с таким попадуром; это дурак, пьяница и взяточник».

Несколькими страницами далее автор обращается к личности известного местного коммерсанта: «Корнеев, бывший саратовский сапожник, о котором ходят недобрые слухи о способе его наживы, открыл в Саратове на Немецкой улице большую гостиницу «Прогресс»⁷⁷, ресторан и хорошенький зимний сад, с очень дорогими пальмами, купленными в Быковке [у] Устинова⁷⁸ (в особенности замечательна огромная *Latania*⁷⁹), гротами, киосками и фонтаном. Но гостиница эта набита кокотками, шулерами, а маскарады в зале и саду отличаются развратом и пьянством».

Шомпулев Виктор Антонович

⁷⁵ Кавалер ордена Святой Анны или (для нижних чинов) Знака отличия ордена Святой Анны.

⁷⁶ Набоков Михаил Николаевич (1829–1886), действительный статский советник, саратовский вице-губернатор. Назначен Калишским губернатором вследствие доклада министра внутренних дел императору Александру II указом Правительствующему сенату от 7 января 1877 г. (См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6078. Л. 2об). Двоюродный дед писателя В. В. Набокова.

⁷⁷ Немецкая ул. – ныне пр. Кирова. Домовладение Корнеева выходило как на улицу Немецкую, ныне пр. Кирова, так и на ул. М. Казачью, ныне Яблочкова.

⁷⁸ Правильнее, вероятно, Беково Сердобского уезда Саратовской губ. (ныне в Пензенской обл.) Усадьба помещика Адриана Михайловича Устинова (1802–1883) славилась своей оранжереей.

⁷⁹ Пальмы из рода *Latania* достигают высоты 10–12 м.

4 марта А. Н. Минх пишет о мировом судье 7-го участка и содержателе саратовского театра Н. С. Куприянове⁸⁰, который задерживал актёрам заработную плату, из-за чего случились скандал и драка. Далее автор рассуждает о превратностях, встречаемых с энтузиазмом, но быстро вырождающихся нововведениях в России: «Настало освобождение крестьян в 1861 году – в мировые посредники вступил весь цвет «интеллигентного» дворянства. Государственный переворот сошёл блестяще хорошо, преимущественно на их плечах; дело, однако, ещё не совсем покончено, а уже люди ретируются из посредников, уступая личностям, вроде Карповых⁸¹, Измайловых⁸², Аркашек Слепцовых⁸³ и тому подобных искателей содержания; кой-как протянулось несколько лет с этими ленивыми и далеко не добросовестными истуканами, на которых остался один признак мирового посредничества – вызолоченная цепь на шее, и учреждение это рухнуло». То же самое произошло и с мировыми судьями: «не прошло и двух трёхлетий⁸⁴, как ряды наши стали пустеть, явились дезертиры из мирового института, места их стали набивать опять искателями содержания, вроде Куприяновых, Миловидовых⁸⁵, Григоровых, Синеоковых⁸⁶, Сафоновых⁸⁷, Гриневичей⁸⁸, Мензенкамп[ф]⁸⁹ и тому подобных, которые сильно пошатнули веру в твёрдо-честную самостоятельность мирового судьи». К этому перечню «прыщей мирового института» А. Н. Минх «мог бы добавить ещё десяток фамилий». Были и исключения: «Мы видели недавно в Аткарском уезде уважаемого и честного бедняка, судью-труженика Сергея Гавриловича Воскресенского⁹⁰ (отец его был председателем Гражданской палаты во время оно и отъявленным взяточником⁹¹), но, к сожалению, он вышел [в отставку]». Причиной такого положения А. Н. Минх считал карьерную бесперспективность службы. В итоге места

⁸⁰ Куприянов Николай Семёнович, землевладелец, гласный Саратовского уездного земского собрания.

⁸¹ Карпов Алексей Петрович, губернский секретарь, мировой посредник в Аткарском уезде, позднее – почётный мировой судья в том же уезде.

⁸² Измайлов Дмитрий Лаврович, отставной штабс-капитан, мировой посредник в Аткарском уезде.

⁸³ Слепцов Аркадий Петрович (р. 1844). Отставной корнет, владелец имения в с. Кологрировка Аткарского уезда. С 1869 г. – мировой посредник 2-го участка того же уезда, младший нотариус в г. Саратове.

⁸⁴ Трёхлетие – срок полномочий выборных должностных лиц.

⁸⁵ Миловидов Иван Тимофеевич, надворный советник. Участковый мировой судья 6-го участка, непреходящий член съезда мировых судей Саратовского судебного мирового округа.

⁸⁶ Синеоков Александр Петрович, коллежский секретарь. Участковый мировой судья 6-го участка Аткарского уезда (1880 г.)

⁸⁷ Сафонов Леонид Николаевич, помещик Саратовской губернии, гласный Петровского уездного земского собрания, позже участковый мировой судья 5-го участка Аткарского уезда.

⁸⁸ Гриневич Владимир Козьмич (Кузьмич), отставной штабс-капитан артиллерии, участковый мировой судья 1-го участка Аткарского уезда.

⁸⁹ Мензенкамп фон Александр Францевич, коллежский регистратор. Участковый мировой судья 4-го участка Аткарского уезда.

⁹⁰ Воскресенский Сергей Гаврилович, на 1891 г. – участковый, мировой судья 9-го участка Саратовского уезда, гласный Саратовского уездного земского собрания.

⁹¹ Воскресенский Гавриил Степанович (1806(?) – 1882).

занимали «Фёдоровские, Щепкины⁹², Шабловские⁹³, Юреневы⁹⁴, Кайзеры⁹⁵ и подобные», которые «до конца и останутся извлекающими только свои пользы из общественной среды чиновниками».

В апреле 1877 г. А. Н. Минх сделал запись о губернаторе М. Н. Галкине-Врасском: «Был я у Галкина по делу Фёдоровской волости, но он стал страшно портиться, час от часу делается он всё более чиновником, а начал было хорошо: сошёлся с землевладельцами, усердно ревизовал волости, держал в руках эту общественную язву – полицию, правда, рисовался он всегда на тысячи овациях, которые ему делали частью искренно, частью принуждённо; но теперь, когда его стали раскусывать и всё стало охладевать, наш помпадур-губернатор⁹⁶ начал разные мелкие и гаденькие дрязги; в особенности придирается он к Саратовскому уезду и нашему недалёковидному и самолюбивому предводителю Шахматову (...) Вообще, эта личность думает только подслужиться правительству и получить награду, а не заботится о благе вверенной губернии. Я дал себе слово настоятельно действовать от такой личности».

В те же дни на губернском земском собрании автор встретил В. А. Кривскую⁹⁷, соседку по имению в с. Колоно⁹⁸. «Это была прехорошенькая женщина, но теперь сильно постарела; муж её Павел Александрович⁹⁹ у нас губернский предводитель дворянства; говорят, оба они слишком гордо держат себя в отношении саратовской публики, так что ими очень недовольны и редко кто бывает у них¹⁰⁰».

В начале марта 1878 г. А. Н. Минх делает в дневнике такую запись: «Лет 6 мы останавливаемся постоянно в гостинице Гудкова на углу Немецкой и Александровской улиц¹⁰¹; номера в ней очень порядочные, и хотя есть более

⁹² Щепкин Николай Павлович, действительный статский советник, член Саратовской городской управы, заступающий место городского головы, председатель Саратовского общества вспомоществования недостаточным людям, стремящимся к высшему образованию, товарищ председателя Братства Святого Креста. Его брат Михаил Павлович, статский советник, директор Саратовского губернского попечительного о тюрьмах комитета.

⁹³ Шабловский Александр Яковлевич, ум. 1893 г. Статский советник, почётный мировой судья Саратовского уезда, член правления Саратовского учебно-исправительного приюта для несовершеннолетних преступников, член-основатель Саратовского епархиального Братства Святого Креста и член совета благотворительного союза при братстве.

⁹⁴ Юренев Георгий Николаевич, коллежский асессор, гласный Саратовского губернского земского собрания от Саратовского уезда, гласный Саратовской городской думы, почётный мировой судья Саратовского уезда, член Саратовского губернского статистического комитета. В 1872 г. прокурор Саратовского окружного суда.

⁹⁵ Кайзер Серафим Францевич, коллежский секретарь, почётный мировой судья Саратовского и Аткарского уездов, гласный Саратовского и Аткарского уездных земских собраний, председатель поверочного совета Саратовского судо-сберегательного товарищества.

⁹⁶ Как «великолепного помпадур» запомнил М. Н. Галкина-Врасского и представитель противоположного лагеря – саратовский народник И. И. Майнов. См.: Майнов И. И. «Саратовский семидесятник». Воспоминания семидесятника // Минувшие годы. 1908. № 4. С. 273.

⁹⁷ Кривская Варвара Алексеевна, урожденная Трубачёва, дочь действительного статского советника.

⁹⁸ Село Колоно Аткарского уезда Саратовской губ., ныне в Екатериновском р-не Саратовской обл.

⁹⁹ Кривский Павел Александрович (1829–1905), камергер двора Его Императорского Величества, надворный советник. В 1876–1887, 1896–1902 Саратовский губернский предводитель дворянства. С 1902 г. член Государственного совета.

¹⁰⁰ «Его слишком резкие отзывы о людях, его беспощадные суждения обо всём мелком, низком и бесчестном, его привычка держать себя независимо и говорить прямо в глаза тяжёлые вещи создали Кривскому славу человека гордого, высокомерного, неприятного (...) Человек очень самолюбивый, Кривский любил почёт, но людей искательных и низкопоклонных искренно презирал», – писал биограф П. А. Кривского (Голомбиевский А. А. Павел Александрович Кривский. СПб., 1907. С. 16).

¹⁰¹ Ныне пр. Кирова и ул. Горького соответственно.

шикарная гостиница Вакурова «Столичная»¹⁰² (кроме этих двух в Саратове много гостиниц; очень порядочная Беляева (теперь Девинеева – «Татарская»¹⁰³); с весьма плохим реноме: Корнеева¹⁰⁴, Барыкина¹⁰⁵, также много второстепенных), но мы, землевладельцы, уже так свыклись с гудковской, где все от самого Василия Викуловича Гудкова¹⁰⁶, его управляющего, прислуги... предупредительно встречают и исполняют наши требования»¹⁰⁷. Тогда же А. Н. Минх записывает: «Лет 14 были мы в сильных неладах и не видались со старухой-родственницей Еленой Андреевной Ивановой¹⁰⁸, но она так убедительно просила нас забыть старое и приехать к ней навестить её, что мы с Варей¹⁰⁹ исполнили её желание; старуха была до того рада, что не хотела пропустить ни одного дня, чтобы мы не обедали у неё или проводили вечер. Это замечательная личность Саратова, ей теперь более 80 лет, и когда-то играла она громадную роль в городе: ни один губернатор, архиерей или другое высокопоставленное лицо не являлось в городке, не сделав ей тотчас визита. Очень неглупая женщина, с языком у неё был страшный недостаток: слушать и распускать всякие гадкие сплетни, чем и оттолкнула от себя многих, не утратив, впрочем, до сих пор своей старой известности; так что, хотя изредка, некоторые из сильных мира сего заглядывают к ней. Самодурка и оригиналка в высшей степени, про неё ходят постоянно тысячи анекдотов по городу. Старуха совершенно высохла и плохо видит, но память у неё отличная и язык как бритва; мне передавали, что она в настоящее время стала гораздо осторожнее относиться к сплетням». 20 апреля А. Н. Минху довелось сообщить Е. А. Ивановой о кончине в Санкт-Петербурге её племянника и дяди супруги мемуариста А. И. Лодыженского. С ним у старушки были холодные отношения, и о том, что он с часу на час умрёт, она давно знала. Тем не менее при объявлении печальной вести «началась комедия: притворный обморок, посылка за докторами, попами, знакомыми; слетелся весь город; ни одной слезинки, но гибель кривлянья и аханья».

Далее автор пишет, что, помимо сестры А. Н. Подъяпольской и Шахматовых, у них «нет семейных знакомых домов в Саратове, да таких и нет в городе; всё живёт здесь какой-то странной замкнутой жизнью, и саратовскую публику, как дам, так и мужчин, не встретишь ни на танцевальных

¹⁰² Ныне здание занимает Саратовский государственный аграрный университет.

¹⁰³ Ныне здание на углу улиц Радищева и Первомайской занимает Администрация г. Саратова.

¹⁰⁴ О Корнееве см. выше.

¹⁰⁵ Здание гостиницы купца Г. Барыкина сохранилось в перестроенном виде и располагается на углу улиц Московской и Горького. Гостиница и построенный у Волги «Приволжский вокзал» Барыкина были излюбленными местами девиц лёгкого поведения.

¹⁰⁶ Гудков Василий Викулович (ок. 1811–1881), саратовский купец 1-й гильдии, потомственный почётный гражданин, крупный домовладелец, известный благотворитель.

¹⁰⁷ О гостинице как о «лучшей в городе» писал посетивший Саратов в 1876 г. Н. Юшков: «Гостиница Вакурова, названная им «Столичной», вполне оправдала своё название. Это точно превосходная гостиница, чисто, опрятно и даже роскошно содержимая, с лестницей, устланной коврами и установленной цветами, с воздушными звонками, с ванной, хорошей обстановкой номеров и проч. В ней есть номера во всякую цену – начиная от 60 коп. до 4–5 р. за номер. Нумера даже и в 60 коп., правда, помещающиеся в 4-м этаже, если брать в расчёт и нижний этаж, занимаемый магазинами, очень хороши и удобны. Одно здесь плоховато – это стол (...) Прислуга хороша, очень вежлива и услужлива» (Юшков Н. На пути. Очерки и наброски. Ч. 1. От Казани до Царицына. Казань, 1877.).

¹⁰⁸ Американская авантюристка Анни Лир назвала её в своей книге «царицей Волги». Е. А. Иванову, этот осколок старого русского барства, «некогда славившуюся своим богатством и благотворительностью», скончавшуюся «в глубокой старости», 8 августа 1886 г. отпели в Александро-Невском соборе и при большом стечении народа похоронили на кладбище мужского Спасо-Преображенского монастыря (См.: Саратовский дневник. 1886. 9 августа).

¹⁰⁹ Супруга А. Н. Минха Варвара Ивановна, в девичестве Янковская.

вечерах в дворянском собрании, ни в театре, но зато можно их видеть только в клубах за карточными столами. Семья губ[ернского] пр[едводителя] Кривских почти никем не посещается, это люди слишком глупо напыщенные, оттолкнувшие от себя не только городское население, но и нас, дворян».

В марте 1878 г. Минх дал в своём дневнике оценку делу, известному как «процесс 193-х»: «Недавно кончилось дело «о преступной пропаганде» (...) подсудимой молодёжи было 185 человек: из них 1 приговорён к каторжной работе, 4 – к ссылке в Тобольскую губернию, о 31 суд постановил ходатайствовать у государя о снисхождении, 61 вменён арест в наказание, а 88 совершенно оправданы. Дело это до крайности гадко вздуто и преувеличено прокурором Саратовской судебной палаты Жихаревым¹¹⁰, которому оно было поручено и хватавшего всякого по произволу, что доказывает число признанных невиновными. Жихарев – тамбовский помещик, негодяй, каких мало, как в семейном, так и в общественном быту; говорят, жена его, урожденная Данзас¹¹¹, умерла года два тому назад в Петербургской больнице без всяких средств и призора; саратовцы и тамбовцы, коротко знающие Жихарева, отзываются о нём как об интригане, человеке в высшей степени бесчестном и отъявленном мерзавце; эту личность сильно протезирует и выводит безмозглый немец – министр юстиции Пален¹¹², и в этом году Жихарев сделан сенатором: туда ему и дорога, лишь бы от нас подальше».

Однако антипатия к организаторам процесса не мешала Минху придерживаться консервативных взглядов. В августе 1878 г. он вносит в дневник следующую запись: «У нас в с. Вязовке¹¹³ существует несколько лет гнездо пропагандистов в доме Марковских (урожденная Малышева)¹¹⁴, где обыкновенно летом съезжался всякий сброд Бог весть откуда; станковые, живущие там же, не умеют или не желают разогнать их. Книжки, издаваемые за границей и в секретных типографиях под разными заглавиями, расходятся по окрестности». Далее автор излагает содержание «Истории копейки» – одного из образцов распространяемой народниками пропагандистской литературы.

По всему дневнику А. Н. Минха буквально рассыпаны мелкие подробности и детали саратовской жизни, раскрываются семейные тайны, даются интересные, хотя не бесспорные, конечно, личностные характеристики. Приведём лишь несколько примеров.

В Хмелёвке¹¹⁵ в усадьбе А. И. Шахматова¹¹⁶ жил «очень интересный старик лет 80, Ник[олай] Ал[ексеевич] Всеволожский¹¹⁷, когда-то очень богатый

¹¹⁰ Жихарев Сергей Степанович (1834–1899), тайный советник, сенатор. В 1872–1877 гг. прокурор Саратовской судебной палаты, один из руководителей дознания по делу о революционной пропаганде, известному как «процесс 193-х».

¹¹¹ Жихарева (Данзас) София Карловна (1841–1873).

¹¹² Пален Константин Иванович, граф (1833–1912), статс-секретарь, член Государственного совета. В 1867–1878 гг. министр юстиции Российской Империи.

¹¹³ Село Саратовского уезда, ныне Татищевский р-н Саратовской области.

¹¹⁴ Марковский Святослав Адамович, земский врач, журналист, актёр-любитель. В 1875 г. С. А. Марковский привлекался к суду по делу о революционной пропаганде. Организатор народнических кружков и подпольной типографии в Саратове.

¹¹⁵ Село Саратовского уезда, ныне Саратовского р-на.

¹¹⁶ Шахматов Александр Иванович (1826–1896), помещик Саратовской губернии, член Саратовской губернской земской управы, Саратовский уездный предводитель дворянства, гласный Саратовской городской думы, краевед, один из основателей Саратовской губернской учёной архивной комиссии.

¹¹⁷ Всеволожский Николай Алексеевич, князь, обедневший помещик. Сведения о нём встречаются в мемуарах многих его современников.

человек, но промотавший всё и бежавший в Америку, где в страшной нужде и нищете работал простым подёнщиком». К этому же времени относятся отзывы А. Н. Минха о главных административных деятелях Саратовского уезда. «В июле был у нас Фёдор Иванович Абакумов¹¹⁸, председатель нашей уездной земской управы, человек неглупый и дельный, я говаривал выше, что он женат на дочери Протопопова (внучки Казариновой), бывшего полчаниновского помещика. Предок Фёдора Ивановича – расстрига поп, основавший секту абакумовского толку; сам же он полковник артиллерии, человек учёный, и теперь трудится над изобретением несгораемых соломенных крыш, надеясь открыть производство осенью».

Несколькими строками далее Минх весьма нелицеприятно характеризует предводителя дворянства Саратовского уезда: «Шахматов объезжает и ревизует волостные правления Саратовского уезда, цель благая, но, как недалёкий и крайне себялюбивый человек, А.И. обставил эту ревизию и поездки глупейшей комедией (...) дурак настолько несообразителен, что всем хвастает этими, ими же подготовленными встречами и серебряными солонками (...) Бывало то же и с нашим губернатором Галкиным. Делается это без всякого желания и порыва народного». В другом месте А. Н. Минх характеризует А. И. Шахматова как «сумасшедшего предводителя», каковым его считают многие саратовцы.

В августе того же года А. Н. Минх лаконично отзываясь о городском голове Аткарска дворянине М. П. Гладышеве¹¹⁹: «отставной военный, очень деятельный, но хитрый человек».

В начале октября 1878 г. А. Н. Минх пишет о скончавшейся 28 сентября содержательнице женского пансиона Е. И. Де-Вилляр. Её пансион «считался лучшим в Саратове», а сама она, «добрая и честная старушка», родилась во Франции. «В России была она гувернанткой и учительницей, потом классной дамой и наставницей в Саратовском женском пансионе мадам Flamm¹²⁰ и теперь 12 лет держала свой пансион в доме Багаева¹²¹, который поставила на блестящую ногу; педагогическая опытность, доброта и бескорыстие этой женщины приобрели ей общее уважение и любовь; у неё воспользовалось много бедных девиц бесплатно; всё, что она получала, тратила на улучшение своего училища, так что по смерти её осталось всего 400 руб., которые она завещала беднейшим девушкам Рафалович; всё школьное имущество она отдала директору народных училищ Николаю Ниловичу Панову¹²², прося его и купца Багаева поддержать её заведение. К сожалению, через несколь-

¹¹⁸ Абакумов Фёдор Иванович, отставной подполковник артиллерии, служил в 16-й артиллерийской бригаде. Помещик Саратовской губернии. Владел кирпичным заводом в Саратове, был гласным Саратовской городской думы, Саратовского уездного и губернского земских собраний.

¹¹⁹ Гладышев Михаил Петрович, отставной штабс-капитан, гласный Аткарского уездного земского собрания, член Аткарской земской управы (1872, 1875), почётный мировой судья Аткарского уезда, член Аткарской уездной дворянской опеки, директор правления общества взаимного кредита Аткарского уездного земства.

¹²⁰ Ф. И. Флам – содержательница пансиона в Саратове.

¹²¹ На годичном акте учебного заведения 9 июня 1874 г. отец одной из воспитанниц директор Саратовской мужской гимназии М. А. Лакомте признавал, что Де-Вилляр «вполне заслуживает искреннюю благодарность, так как обстановка её пансиона вполне соответствует современным требованиям науки (...) В пансионе не видно роскоши, всё в нём дышит простотой и естественностью. Немало поразило меня то обстоятельство, что г-жа де Вилляр воспитывает на свой счёт двадцать бедных девушек: видно, что она не ищет материальных выгод. Не могу также умолчать и о хозяйне дома, саратовском купце Константине Никифоровиче Багаеве, который своими пожертвованиями много способствует процветанию пансиона» (См.: Саратовский справочный листок. 1874. 14 июня).

¹²² Панов Николай Нилович, статский советник, директор народных училищ Саратовской губернии.

ко дней после её смерти пошли уже пререкания и интриги, которые, ежели будут продолжаться, грозят падением этому образцовому пансиону. Похороны старушки были блестящие не роскошью обстановки, но сочувствием к ней общества: гроб несли классные дамы и учителя, добрую женщину провожали в последнее жилище с искренними слезами все воспитанницы и масса публики. Её похоронили на католическом кладбище. Мир праху этой честной труженицы».

Вскоре на автора нахлынули воспоминания, в центре которых оказались саратовские губернаторы. О М. А. Кожевникове¹²³ А. Н. Минх писал: «Это был честный, но крутой и взбалмошный человек, небольшого роста, горячий; он любил выпить и хорошо поесть, но подчинённых держал в ежовых рукавицах. После него был Игнатъев Алексей Дмитриевич¹²⁴, добрый, но слабый человек – большой театрал; потом, во время освобождения крестьян (в 1861 и 1862 годах) был Барановский Егор Иванович¹²⁵, которого я застал губернатором при назначении меня из полка мировым посредником, сначала он был красным либералом и восставал против помещиков, но это был человек умный и деятельный; женат он был на ярой польке, которая во время польского восстания надела траур и зналась только с поляками, которых было много в Саратове. Она погубила мужа, который за её проделки был лишён места, занятого Н. М. Муравьёвым¹²⁶ и в 1863 году князем Владимиром Алексеевичем Щербатовым¹²⁷, нашим помещиком и бывшим губернским предводителем дворянства. Щербатов добрый, но пустой человек. Он до того вверился своим служащим и полиции, что позволивший сказать что-либо об них становился его личным врагом. Полиция при нём воровала и ничего не делала. В его канцелярии были растрочены значительные суммы, за это он уволен».

На нескольких следующих страницах внимание привлекают характеристики городского судьи А. А. Навашина («очень пустой и дрянной господин») и биография балашовского помещика и бывшего уездного предводителя дворянства А. П. Коваленко (Коваленкова), о судьбе которого А. Н. Минх пишет довольно подробно, характеризуя его как человека доброго, но заядлого картёжника, спустившего своё состояние¹²⁸.

В ноябре 1878 г. А. Н. Минх оставляет в дневнике запись о своём участии в заседаниях воинского присутствия: «До меня дошли сведения о том, что как в прежних, так и настоящем наборе есть мошенничества и взятки, в которых участвуют не только волостные писаря, но и доктора. Так,

¹²³ Кожевников Матвей Львович (1805–1858(?)), генерал-майор, действительный статский советник. В 1846–1854 гг. саратовский губернатор.

¹²⁴ Игнатъев Алексей Дмитриевич, в 1854–1861 гг. саратовский губернатор.

¹²⁵ Барановский Егор Иванович (1821–1914), действительный статский советник. В 1861–1862 гг. саратовский губернатор.

¹²⁶ Муравьёв Николай Михайлович, граф (1819–1867), действительный статский советник (генерал-майор). В 1862–1863 гг. саратовский губернатор.

¹²⁷ Щербатов Владимир Алексеевич (1826–1888), действительный статский советник, саратовский землевладелец. В 1858–1863 гг. Саратовский губернский предводитель дворянства, в 1863–1869 гг. саратовский губернатор.

¹²⁸ Коваленков Александр Петрович (1834–1902), землевладелец Балашовского уезда Саратовской губернии, губернский секретарь, мировой посредник, мировой судья, Балашовский уездный предводитель дворянства.

будто бы Кнорре¹²⁹ взял с двух немцев задатку по 100 руб. сер[ебром], чтобы показать их большими; я высказал подозрения полковнику¹³⁰ и дал понять о том же Кнорре. Результат набора был утешительный: немцы, давшие задатки, приняты; двое же крестьян, которых семейное положение изменилось перед набором, так, что ежели бы их взять, то у одного оставался бы слепой отец, брат с переломанной ногой и штук 5 малолеток, у другого старики отец и мать и несколько малолеток, так как оба брата его взяты – один в армию, другой в ополчение, и ни один ещё не вернулся, уходил последний; писаря требовали с них взятки и потому скрыли их положение; они жаловались мне, и я, дознав истину, настоял, чтобы они не были приняты, т.е. забракованы, в чём согласилось со мной всё присутствие».

Интересные сведения А. Н. Минх сообщает об известной в Саратове семье дворян и домовладельцев Деконских: «15-го были у нас О. Н. и Григорий Николаевич Деконские... Деконский¹³¹ уже старик лет 50, он был офицером Генерального штаба, человек очень ловкий и светский; первая жена его была урожденная Миронович¹³²; жизнь последней была не блестяща, так как муж её не отличался честностью и нравственностью, впоследствии они жили врозь. От неё остались у Григория Кузьмича трое сыновей, очень пустых малых, промотавших хорошее материнское состояние; на старости лет вдовец женился на Ольге Николаевне Сумароковой¹³³, девушке далеко ещё не старрой, довольно красивой, стройной, умной и с порядочным состоянием; живут они в верстах 18 от нас в сельце Ивановке¹³⁴ Аткарского уезда. Деконский страшный прожектёр; многие из его проектов лопнули; в настоящее время он разрабатывает и дело замены казарм для пехоты – вагонами, которые по накладным рельсам можно переводить на железнодорожные пути; в вагонах, по его плану, могут квартировать до 16 солдат; способ отопления этих казарм-вагонов он ещё не придумал».

Далее в тексте дневника мы наталкиваемся на характеристику автора своего близкого родственника и весьма известной персоны в истории Саратовского края. «18 ноября приехал к нам в гости муж сестры моей Анны Николаевны – Павел Петрович Подъяпольский¹³⁵, он мировым судьёй в Аткарском

¹²⁹ Кнорре Адольф Адольфович, после окончания Дерптского университета состоял врачом лейб-гвардии Гусарского полка. С 12.11.1857 по 3.07.1875 г. служил ординатором в Александровской больнице, уволился «по домашним обстоятельствам». 6 лет состоял земским врачом и 10 лет – дивизионным доктором 40-й пехотной дивизии. В указанном 1878 г. участвовал в ликвидации эпидемии чумы в ст. Ветлянской Астраханского казачьего войска. В преклонном возрасте вышел в отставку и занялся частной практикой. Отзыв А. Н. Минха бросает тень на личность А. А. Кнорре, запомнившегося саратовцам бескорыстным и отзывчивым человеком, не бравшим с бедняков платы и всегда готовым прийти на помощь. Скончался А. А. Кнорре 5 апреля 1893 г. (См.: Саратовский дневник. 1893. 6, 7 апреля)

¹³⁰ Шагубатов Александр Соломонович, полковник. Уволен в отставку генерал-майором с мундиром и пенсией полного оклада 5 августа 1884 г.

¹³¹ Деконский Григорий Кузьмич (1822–1892), из дворян Смоленской губернии. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, подпоручик 8-й артиллерийской бригады, в 1846 г. окончил Императорскую Николаевскую Академию Генерального штаба, с 1853 г. в отставке по болезни в чине капитана. Товарищ председателя Саратовской дирекции Императорского Русского музыкального общества, действительный член Саратовского губернского статистического комитета. Крупный домовладелец г. Саратова. Составитель «Военно-статистического обозрения Пензенской губернии» (СПб., 1849).

¹³² На генеалогическом портале в качестве первой супруги Г. К. Деконского фигурирует некто Екатерина Ивановна Полянская.

¹³³ Деконская Ольга Николаевна, р. 1846 г. Из саратовского дворянского рода Сумароковых.

¹³⁴ Ныне с. Ивановка относится к Аркадакскому р-ну Саратовской области.

¹³⁵ Подъяпольский Павел Петрович, губернский секретарь, участковый мировой судья 2-го участка Аткарского уезда, гласный Саратовского губернского земского собрания от Аткарского уезда и гласный уездного земского собрания. Умер 26 сентября 1896 г. в имении при с. Лисичкино.

уезде, где у него прекрасное имение и большая мельница на р. Медведице в сёлах Лисичкине и Чемезовке¹³⁶. Это добрый и честный человек». В начале 1884 г. А. Н. Минх снова пишет о своём родственнике: «П. П. Подъяпольский, местный помещик и аткарский уездный предводитель дворянства, делает довольно большую запашку, причём держит довольно большое количество рогатого скота и конный завод кровных лошадей (...) Он владеет большой мукомольной мельницей».

К декабрю 1878 г. относятся записи, связанные с поездками А. Н. Минха в Саратов. «3 декабря собрались мы, члены-заёмщики Общества взаимного поземельного кредита, в доме управляющего Саратовским окружным управлением Пав[ла] Ив[ановича] Митрофанова¹³⁷ (...) Митрофанов женат на С. И. Томич¹³⁸; это человек далеко не честный; втёршись в управляющие окружным управлением, он нажил очень хорошее состояние и получает теперь жалованье в 4200 руб., да за свой дом 1200 р. Итого 5400 руб. (...) Всего он получает 7600 р. – цифра очень порядочная¹³⁹, за то только, чтобы выдавать квитанции на срочные платежи заёмщиков, которые вносятся в отделение Государственного банка (...) Нас бесил медный лоб этого мошенника, но – увь! Сменить его мы не имеем права».

16 декабря на заседании дворянского собрания, в котором принял участие и А. Н. Минх, губернским предводителем снова был избран П. А. Кривский, «далеко не любимый губернией, пустой, недеятельный и напыщенный господин, гоняющийся только за лакейскими придворными милостями». В тот же день в собрании «как молния... разнеслась ужасная весть о появлении чумы в Астраханской губ.», названной по имени селения, в котором она вспыхнула, Ветлянской. На борьбу с ней 18 декабря отправились пятеро врачей, включая изгнанного за взяточничество с земской службы А. А. Кнорре¹⁴⁰.

Нашла отражение в дневнике и краеведческая деятельность А. Н. Минха. Рождение одного из интересных, но неосуществившихся проектов, было вызвано знакомством автора с членом губернской земской управы П. П. Пятницким¹⁴¹, который, «как любитель-фотограф, давно занимается снимками видов, которых собралось уже у него 80 сюжетов одного города Саратова. Я выразил ему свою мысль составить текст к этим рисункам и предложил приняться за составление «Живописного обозрения Саратовской губернии», что составили бы первый подобный труд во всей России. Пятницкий с благодарностью принял моё сотрудничество по этому делу, многие, кому я заявлял о предполагаемой работе, сочувственно отнеслись к этому делу и принялись за составление описаний, редакцию которых я временно взял на себя, пока дело не организуется надлежащим порядком. Но нашлись и такие лич-

¹³⁶ Сёла Аткарского уезда Саратовской губернии, ныне Аткарского р-на Саратовской области.

¹³⁷ Митрофанов Павел Иванович, губернский секретарь, почётный мировой судья Саратовского уезда, гласный Саратовского уездного земского собрания, с 1878 г. член Саратовского губернского статистического комитета.

¹³⁸ Представительница дворянского рода, владевшего землёй в Хвалынском уезде. Предположительно, сестра Владимира Ивановича Томича – гласного Хвалынского уездного земского собрания и члена уездной управы, почётного мирового судьи и члена дворянской опеки Хвалынского уезда.

¹³⁹ Исправлено на: «почтенная».

¹⁴⁰ Участие в борьбе с эпидемией оправдало А. А. Кнорре, и в 1879 г. он был вновь принят на службу в земство. В 1893 г. он скончался. В начале следующего года его вдова обратилась к земству за пособием.

¹⁴¹ Пятницкий Пётр Павлович, коллежский советник. В 1875 г. член губернской земской управы. Умер 24 февраля 1882 г. от разрыва сердца.

ности, как В. В. Гардер, аткарский уезд[ный] предв[одитель] дворян[ства] и кандидат университета, который отозвался об этой работе как не заслуживающей никакого внимания, причём в присутствии завтракавших у нас М. М. Беклемишева¹⁴², А. А. Киреева¹⁴³ и П. П. Пятницкого, пошло сострил: «Вы за всё должны быть благодарны, что Вам ни доставят. Я Вам, пожалуй, пришлю историю «о зубе», за которую меня высекли, когда я был мальчишкой, больше же ничего от меня не дожждётся». Ожидать другого от этой, к сожалению, опошлившейся личности было бы и невозможно».

На следующих страницах А. Н. Минх даёт характеристику местным органам периодической печати. «Саратовские губернские ведомости», по его словам, «казённое, сухое издание». «Саратовские епархиальные ведомости» – «журнал духовенства, в котором иногда встречаются исторические данные о духовных учреждениях». «Саратовский справочный листок» – «более других распространённая по губернии газета, она издаётся с 1863 года; «Волга» – небольшая газетка, и «Саратовский дневник», набитый руганью и сплетнями».

В начале 1879 г. А. Н. Минх записывает: «По сведениям из Саратова, городским головою выбран вновь на второе четырёхлетие купец-кабатчик Ананий Иванов Недошивин¹⁴⁴, не совсем хорошая и совершенно не современная личность». Последующие записи, представляющие исследовательский интерес, также оказываются связаны с различными событиями, происходившими в губернской столице.

В первых числах мая А. Н. Минх описал посещение находившегося на берегу Волги «вокзала Барыкина»: «там играет музыка по вечерам, поют арфистки и дают спектакли; до 10 часов можно ещё там быть дамам, общество часть собирается большое и из хорошего круга, но позже – это царство ночных бабочек, ищущих ночных мотыльков».

Далее А. Н. Минх рассказывает в своём дневнике о прощании с губернатором М. Н. Галкиным-Врасским, имевшем место 23 мая 1879 г.: «Чересчур много оваций Галкину, и большая часть их вздута им самим и его поклонниками, ожидающими от него подачи из Петербурга; был он хорошим губернатором и не злым человеком, но чиновничий дух был вполне ему присущ, любовь же к овациям и чествованиям вполне обуяла им. Должность губернатора правит пока вице-губернатор Фёдор Иванович Тимирязев¹⁴⁵, пока человек тихий и добрый».

1 апреля А. Н. Минх откликается на кончину в Москве известного просветителя алеутов митрополита Иннокентия¹⁴⁶. Смерть почтенного старца стала поводом к рассуждению о фамилиях русского духовенства. «Обычай изменять фамилии в семинариях детям духовенства вывелся у нас на Руси

¹⁴² Беклемишев Михаил Михайлович, р. 1848 г. Помещик Саратовской губернии, отставной штабс-ротмистр 9-го Киевского гусарского полка. Женат на сестре В.В. фон Гардера.

¹⁴³ Киреев Александр (1851–1899) или Алексей (1854–1893) Александрович. Помещики Саратовской губернии, владевшие имением при с. Дьячёвке (Рождественское) Петровского уезда.

¹⁴⁴ Недошивин Ананий Иванович (р. 1826), купец 2-й гильдии, потомственный почётный гражданин, в 1875–1891 гг. Саратовский городской голова.

¹⁴⁵ Тимирязев Фёдор Иванович (1832–1897), действительный статский советник. В 1878–1879 гг. саратовский вице-губернатор, в 1880–1881 гг. саратовский губернатор. «Этот Тимирязев был весьма корректный господин, вовсе не боевого и не помпадурского типа; скорее – «просвещённый бюрократ» западно-европейской складки» (Майнов И. И. Указ. соч. С. 273). Семейные воспоминания Ф. И. Тимирязева см.: Русский архив. 1884. № 1–2.

¹⁴⁶ Митрополит Иннокентий – Вениаминов Иван Евсеевич (1797–1879) – просветитель алеутов. С 1868 г. митрополит московский и коломенский, известный духовный писатель.

очень недавно; обыкновенно, когда ученик вступал в семинарию, отцовскую фамилию изменяли и давали подходящую по качествам, как например, Советов, Смиренномудрский, Гераклитов (плаксивый), Дилигентеров (прилежный), Беневоленский (доброхотный), Феликсов (счастливый), Благоднравов и проч.; или по сёлам: Маматовский, Вязовский, Мещерский, Никольский и пр., давались и фамилии: Орлов, Соколов, Розанов, Гиацинтов, Пальмов и пр. Даже родным братьям не давалось одной фамилии, как: Разсудов и Генерозов в Саратовской губернии».

Далее автор описывает впечатления от знакомства с изданной на французском языке книгой известной авантюристки и любовницы Великого князя Николая Константиновича Фанни Лир о её приключениях в России. Несколько предложений в книге посвящены «царице Волги» Е. А. Ивановой, обвинявшей родственников, что они «хотят убить её». «Я вполне верю, что бабушка Алёна совершенно способна на подобный рассказ, называла же она меня во время ссоры, когда я был мировым посредником, атаманом разбойников и официально писала к предводителю Каракозову¹⁴⁷, что ОН (так она называла меня и писала большими буквами) с шайкой разбойников-крестьян хочет убить её! От великого до малого один шаг».

«23 апреля Саратов давал обед генералу Шатилову¹⁴⁸ и вернувшимся к нам полкам 40-й пехотной дивизии, причём устроена была сильная и задушевная орация. Павел Николаевич Шатилов очень добрый человек, он был в Саратове до настоящей Турецкой войны начальником 40-й пехотной дивизии, состоящей из полков: Имеретинского, Кутаисского, Гурийского и Абхазского; дивизия его отличилась при взятии Карса. Во время кампании жена¹⁴⁹ его умерла в Саратове; теперь он назначен командиром 15-го корпуса, в состав которого входит и 40-я дивизия, начальником которой назначен генерал граф Татищев¹⁵⁰».

«28 и 29 мая проходил из г. Пензы в Саратов через Полчаниновку Абхазский полк, мы дали у себя в доме помещение и стол командиру этого полка полковнику Владимиру Александровичу Араблинскому. Во флигеле же поместили полкового квартирмейстера Петра Ивановича Коровина¹⁵¹ и нескольких других офицеров. Араблинский поместился у нас с женой (дербентской ханшей) и детьми (...) Приглашённые офицеры, молодёжь очень порядочная; благодарностям не было конца, и Араблинский просил позволения приказать музыкантам играть у нас в беседке».

По поводу Ветлянской чумы 1879 г. в дневнике мы находим такие слова: «У страха глаза велики: в Саратове заболит ли у кого голова от угару, кричат уже, что чума в городе, как было недавно на горах (...) 27 марта губернатор Галкин-Врасский вернулся в Саратов, и всё успокоилось».

¹⁴⁷ Каракозов (Михайлов-Рославлев) Михаил Михайлович (1834–1877), помещик Саратовской губернии, с 1866 г. первый председатель Саратовской губернской земской управы, Саратовский губернский предводитель дворянства (1870–1873). Родовую фамилию после покушения в 1866 г. его родственника Д. В. Каракозова на императора Александра II высочайше разрешено сменить и именоваться Михайловым-Рославлевым. В 1877 г. добровольцем отправился на Русско-Турецкую войну и в том же году пал в бою.

¹⁴⁸ Шатилов Павел Николаевич (1822–1887), генерал-лейтенант. В 1865–1879 гг. командовал 40-й пехотной дивизией, штаб которой располагался в Саратове. Подробнее см.: Плешаков И. Н. Рать Саратовская. Очерки военной истории Саратовского края. Саратов, 2009.

¹⁴⁹ Шатилова, урожденная Герарди, Анна Францевна. Дочь тайного советника. Мать 10 детей.

¹⁵⁰ Татищев Иван Дмитриевич, граф (1830–1913), генерал-лейтенант. В 1879–1889 гг. командовал 40-й пехотной дивизией.

¹⁵¹ Правильно: Пётр Николаевич. В 1884 г. штабс-капитан, командир 5-й роты 160-го пехотного Абхазского полка.

В дневнике 1880 года привлекает внимание запись от 26 апреля: «Выехал я по делам службы в новое черкесское поселение Большой Дагестан, выстроенное в прошлом году осенью, в 3 верстах от станции железной дороги Марьевки, на голом бугре, саженьях в 100 от речки Идолги. Сюда поселены сосланные с Кавказа бунтовавшие в последнюю войну черкесы (...) здесь 114 дворов, в которых поселены 552 души обоего пола горцев. Как поселение, так и самые постройки крайне неудовлетворительны, выбор места неудачен». В продолжение темы в 1882 г. А. Н. Минх записывает сообщение о том, что вооружённые дубинами дагестанцы группами в 20–30 чел. по ночам безнаказанно обмолачивают зерно у крестьян соседних селений. В следующем году он записывает, что по «высочайшему манифесту от 15 мая 1883 г. горцы, сосланные в 1879 г. из Кавказа в Саратовский и Аткарский уезд, прощены и возвратились на родину, так что возведённые для них казной постройки в селениях Большой и Малый Дагестаны в Марьевской волости Саратовского уезда и Кавказе Аткарского уезда, теперь продаются с торгов на слом».

«Преосвященный Тихон выехал из Саратова 19 апреля по железной дороге на место нового назначения, в Житомир, проводы его были необычайные: огромное количество народа, всё высшее чиновничество и духовенство и военные провожали его до вокзала ж.д., по пути расставлен был Имеретинский полк, на вокзале играла военная музыка, две версты народ бежал за поездом, прощаясь с владыкой. Тихона у нас любили в Саратовской губ., 9 лет занимал он кафедру преосвященного, был очень общителен и доступен каждому, ни светские, ни духовные не могут пожаловаться, чтобы он сделал кому-либо зло; бывши ранее сам священником, он вовсе не был монахом и входил в нужды духовенства. Ему обязаны расширением и улучшением епархиальное женское училище и приют, а вдовы и сироты духовенства – устройством вспомогательных касс»¹⁵². Здесь же Минх помещает стихотворение саратовского купца И. А. Поздеева, посвящённое уезжающему из губернии архиепископу Тихону. А к концу осени вполне определился нравственный облик преемника Тихона – преосвященного Павла. По словам А. Н. Минха, он «распустил духовенство: пьянство и буйство псаломщиков дошло до того, что возбуждено несколько дел». Весной 1883 г. А. Н. Минх записал: «Саратовский архиерей Павел положительно нетерпимый безобразник. О нём ходит много рассказов в Саратове не в его пользу»¹⁵³.

2 июня 1884 г. А. Н. Минх записал: «Я вернулся из Саратова, где был на выборах гласных Саратовского уезда. Выбраны те же и несколько новых лиц, хотя против многих из нас интриговали очень негодные личности

¹⁵² Тихон (Покровский), епископ саратовский и царьцынский с 13 июня 1873 г. по 5 апреля 1882 г. Схожий отзыв о преосвященном Тихоне даёт в своих известных записках современник и знакомый А. Н. Минха В. А. Шомпулев, близко знавший преосвященного: «...обладая всеми необходимыми качествами архипастыря и администратора, был в то же время светским человеком, которого любили и общество, и власти (...) неутомимо посещал не только уездные города, но и сёла, где были церкви, в которых он служил и проповедовал, поэтому его знали как крестьяне, так и помещики. Особенно он любил детей, которых по окончании церковной службы в селениях он отечески ласкал и, благословляя, дарил им крестики и образочки (...) Когда же он в 1882 году был назначен архиепископом волынским и житомирским, то проводы его в Саратове были необыкновенны: не говоря уже о духовенстве, все и вся с губернатором, предводителями и военным начальством собралось в вокзале, а солдаты с разрешения своего начальства выстроились на всём протяжении в две линии от тюремного замка до вокзала и во время проезда его приветствовали громкими криками «ура!» (См. Шомпулев В. А. Записки старого помещика. М., 2012. С. 183).

¹⁵³ Диаметрально противоположный отзыв о преосвященном Павле содержится в уже цитированных выше записках В. А. Шомпулева.

из проходимцев, вроде Соколова¹⁵⁴ (побочный сын почтмейстера Вукотича¹⁵⁵) и Буковского».

25 июня: «Проходил Абхазский полк в Саратов на манёвры. У нас остался полковой командир Араблинский¹⁵⁶ со своим адъютантом (...) Весь день пробыли у нас кроме полковника и другие офицеры, играла музыка, танцевали на площадке перед балконом, гуляли и играли в крокет». 27 июня. Первый эшелон¹⁵⁷ Абхазского полка ушёл, пришёл второй эшелон; наш хороший знакомый полковник Араблинский, прехороший кавалерист и отличный человек, остался гостить у нас до прохода всего полка. Этот день обедали у нас: начальник бригады генерал Коноплянский¹⁵⁸, которого мы также поместили у себя, и несколько офицеров. Эти дни бывали у нас знакомые уже нам офицеры: Моисеев¹⁵⁹, Панафутин¹⁶⁰, Лазаревич¹⁶¹, Ляковский¹⁶² и майор Антонович¹⁶³ и другие». 27 августа: «Вчера прошли на частные работы партии солдат Абхазского полка. Сегодня пришёл первый эшелон, пока идущий очень распушено за отсутствием полкового командира и офицеров, ко мне беспрестанно обращаются сегодня мужики с жалобами на солдат, что они страшно воруют, на пруде улажены снасти с крючками и наживой ловить уток. Мне доставлены улики со свинцовыми пулями полка и оторванными головами птиц, почему я не намерился выдавать благополучной квитанции и привлекаю к ответственности в кражах виновных мародёров, но до сих пор не могу добиться командующего эшелоном».

13 августа 1884 г.: «Губернатор Зубов¹⁶⁴ сделал большую ошибку, назначив секретарём комитета какого-то бездарного и несведущего чиновника – полячка Шимановского¹⁶⁵, почему лучшие члены комитета князь Ф. С. Голицын¹⁶⁶ и Соколов¹⁶⁷ и я бросили работать для этого комитета. Издание Сара-

¹⁵⁴ Соколов Константин Иванович, гласный Саратовского губернского земского собрания (1888 г.)

¹⁵⁵ Вукотич Иван Михайлович, действительный статский советник, отставной морской офицер. Длительное время состоял в должности саратовского губернского почтмейстера, гласный Саратовской городской думы, член Саратовского управления Общества попечения о раненых и больных воинах.

¹⁵⁶ Араблинский Балакиши Али-бек (1828–1902). Полковник, с 1878 г. – командир 160-го пехотного Абхазского полка. Известный военный деятель Российской империи, впоследствии генерал-лейтенант.

¹⁵⁷ В армейской терминологии тех лет эшелон означал отряд, группу, часть осуществлявшего передвижение воинского контингента.

¹⁵⁸ Коноплянский Фёдор Яковлевич (р. 1829), генерал-майор (1878 г.) В 1883–1893 гг. командир 2-й бригады 40-й пехотной дивизии в составе 159-го Гурийского и 160-го Абхазского пехотных полков.

¹⁵⁹ Моисеев Константин Алексеевич, майор, командир 1-го батальона 160-го пехотного Абхазского полка.

¹⁶⁰ Панафутин Андрей Иванович, на 1891 г. – штабс-капитан, командир 13-й роты 160-го пехотного Абхазского полка.

¹⁶¹ Лазаревич Юрий Сергеевич, поручик. На 1891 г. – батальонный адъютант 4-го батальона 160-го пехотного Абхазского полка.

¹⁶² Ляковский Пётр Антонович, поручик. На 1884 г. – делопроизводитель 160-го пехотного Абхазского полка по хозяйственной части, на 1891 г. – командир 4-й роты того же полка.

¹⁶³ Антонович Владимир Францевич, майор, командир 4-го батальона 160-го пехотного Абхазского полка.

¹⁶⁴ Зубов Алексей Алексеевич (1838–1904), действительный тайный советник. В 1881–1887 гг. саратовский губернатор.

¹⁶⁵ Шимановский Феликс Станиславович, коллежский секретарь. Умер в 1902 г.

¹⁶⁶ Голицын Фёдор Сергеевич, князь (1850–1920). С 1875 г. Хвалынский уездный предводитель дворянства.

¹⁶⁷ Соколов Авдий Иванович (1824–1893), статский советник, директор Саратовской гимназии, инспектор Саратовской мужской гимназии, член Саратовского губернского статистического комитета, член-основатель Саратовской губернской учёной архивной комиссии, историк, филолог, краевед.

товского сборника прекратилось, и все трудившиеся для него взяли свою работу обратно, так что комитет довольствуется теперь лишь полицейскими и волостными сведениями. Жалко, так как дело собрания подробных сведений о Саратовском крае при большом количестве сотрудников, обещавших нам своё содействие и частью уже выполнивших обещания, пошло было у нас хорошо, на лад, что в начале стоило большого труда (...) Вообще губернатором Зубовым губерния недовольна (...) вверивается тёмным проходимцам вроде Шимановского и Гладышева».

1 января 1885 г.: «У губернатора Зубова и вице-губернатора Куровского¹⁶⁸ идут страшные контры с губернским предводителем Кривским. Кто прав из них, не разберёшь».

26 января 1885 г.: «Сегодня был у А. И. Шахматова. Мы составили и подписали устав Саратовского историко-археологического общества, учредителями которого: А. И. Шахматов, А. И. Соколов, Ф. Ф. Чекалин¹⁶⁹ и М. В. Готовицкий¹⁷⁰».

31 июля: «Эти два дня я осматривал Радищевский музей в Саратове, устроенный А. П. Боголюбовым¹⁷¹ (...) Саратов обязан Боголюбову вполне, так как без него не дождался бы этому городу ничего научного и художественного. В сравнительно короткое время я не мог ознакомиться с ценными коллекциями музея, собственно, археологический отдел ещё беден и разбросан, но как начало для такого города, как Саратов, надо считать превосходным». 29 сентября он дополняет: «Вообще, музей производит хорошее впечатление. Археологический отдел ещё беден, пожертвования продолжают поступать в него».

19 августа: «Войска перешли из с. Озерок¹⁷² 17 августа в с. Березовку¹⁷³ по р. Медведице; всё время более 2 недель полки: Кутаисский, Имеретинский, резервный батальон, батареи 40-й бригады и сотня казаков (астраханских]) маневрировали в 5 волостях Саратовского уезда (...) Держат они себя отлично: ни краж, ни шалостей не было, сады и засеянные поля оцеплялись караульными, и местные жители вполне довольны порядком и сохранностью иму-

¹⁶⁸ Куровский Евгений Александрович (1845–1909). С 1883 г. саратовский вице-губернатор. В сентябре 1885 г. вышел в отставку. Впоследствии занимал должность воронежского губернатора.

¹⁶⁹ Чекалин Фёдор Фёдорович (1844–1893), юрист. С 1872 до конца жизни служил в должности участкового мирового судьи Кузнецкого уезда Саратовской губернии, член-основатель Саратовской губернской учёной архивной комиссии, автор многочисленных трудов по истории и археологии Саратовского края и Поволжья.

¹⁷⁰ Готовицкий Михаил Викторович (1854–1922), помещик Саратовской губернии, надворный советник, выпускник Лазаревского института восточных языков. В 1876–1882 гг. служил в Туркестане. В 1890–1893 гг. Камышинско-Царицынский (с 1892 г. только Камышинский) уездный предводитель дворянства, мировой судья. Один из основателей и активный член СУАК. Автор многочисленных статей, среди которых есть работы, посвящённые истории и археологии Саратовского края.

¹⁷¹ Боголюбов Алексей Петрович (1824–1896), отставной моряк, академик живописи. В 1885 г. на основе пожертвованной им коллекции в Саратове был открыт первый в российской провинции общедоступный художественный музей, получивший по фамилии деда художника А. Н. Радищева название «Радищевского».

¹⁷² Озерки – село в Петровском уезде Саратовской губернии, ныне одноимённый район Саратовской области.

¹⁷³ Берёзовка 1-я – село в Петровском уезде Саратовской губернии, ныне в Петровском р-не Саратовской области.

щества. 40-я дивизия теперь соберётся под г. Петровском, где уже будут большие манёвры»¹⁷⁴.

25 сентября: «Я был каждый день в земском собрании и несколько раз обедал у губернатора Зубова, как он, так и жена его Марья Николаевна очень любезны и приезжали к моей жене знакомиться с нею; были у нас полковник С. А. Фадеев¹⁷⁵ с милой женой Ольгой Павловной (дочерью генерала П. Н. Шатилова). С А. А. Зубовым и секретарём нашего статистического комитета Н. С. Соколовым составили список членов-основателей Архивной комиссии, которая откроется в Саратове в декабре нынешнего года».

1 марта 1887 г.: «Пред Масленицей уехал в отпуск на 2 месяца наш губернатор А. А. Зубов, а на днях жена его, Марья Николаевна, отправилась в Париж; с прошлого года я и жена хорошо сошлись с Зубовыми. Марья Николаевна первая приехала познакомиться с женой. Это очень хорошенькая и простая в обращении женщина; она очень много сделала для Саратова по благотворительной части. Сам Зубов – добрый и честный человек, в начале на него имели влияние разные проходимцы из его чиновников, почему я несколько лет не бывал у него, но эти проходимцы отплатили ему чёрной неблагодарностью. Зубов их выгнал и всеми силами стал с 1885 года сходить с с лучшими дворянами края¹⁷⁶. Должность Зубова исправляет вице-губернатор А. А. Тилло, огромного роста плотный немец¹⁷⁷, с большими усами, очень экономный и недавно женившийся на маленькой, но довольно богатой купчихе Тюльпиной»¹⁷⁸. 14 декабря: «А. А. Тилло, по неприятностям с губернатором Косичем¹⁷⁹, переведён в Ставрополь, а на место его назначен к нам вице-губернатором А. А. Высоцкий¹⁸⁰, который прибыл в Саратов 12 декабря».

29 октября: «...вместо отказавшегося В. Д. Чеснокова мировым судьёй избран очень нехороший человек А. П. Неклюдов¹⁸¹».

1888 г., 10 января: «Вечером я вернулся в 10 часов (...) В Саратове ждал меня брат Николай. Он ужасно взбешён на земцев, с ним они сыграли отвратительно подлую шутку: вся губерния недовольна председателем губернской

¹⁷⁴ 40-я пехотная дивизия и приданная ей 40-я артиллерийская бригада квартировали в Саратовской губернии с 1866 по 1892 г. (с перерывом на время участия в военных действиях в период Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг.). В рассматриваемый период 157-й Имеретинский и 158-й Кутаисский пехотные полки квартировали в г. Саратове. См. подробнее: Плешаков И. Н. Рать Саратовская...

¹⁷⁵ Фадеев Семён Андреевич (1835–1909), полковник. В 1877–1887 гг. командовал 158-м пехотным Кутаисским полком, квартировавшим в Саратове.

¹⁷⁶ Когда был арестован саратовский народовец П. С. Поливанов, доводившийся ему двоюродным дядей А. А. Зубов жаловался племяннику, что у него из-за дела Поливанова неприятности (См.: Сушицкий В. Попытка освобождения народовольца Новицкого из саратовской тюрьмы // Каторга и ссылка. 1924. № 5 (12). С. 238).

¹⁷⁷ На самом деле род Тилло происходил от французских гугенотов.

¹⁷⁸ Тилло Адольф (Адольф-Вильгельм-Пауль. В завещании подписался Анатолием) Андреевич (1846–1918), в 1885–1887 гг. саратовский вице-губернатор, первый председатель Саратовской губернской учёной архивной комиссии, член Императорского Географического общества, меценат. Супруга Аглаида Петровна Тюльпина, богатая наследница из купеческого рода г. Саратова, меценатка.

¹⁷⁹ Косич Андрей Иванович (1833–1917), генерал от инфантерии, в 1887–1891 гг. занимал пост саратовского губернатора.

¹⁸⁰ Высоцкий Александр Александрович, действительный статский советник, в 1888–1903 гг. саратовский вице-губернатор.

¹⁸¹ Неклюдов Александр Петрович, р. в 1846 г. Помещик Саратовской губернии. В 1872–1875 гг. Петровский уездный предводитель дворянства. Кандидат в мировые посредники по Саратовскому уезду, вице-президент Саратовского общества бегов. В 1884 г. А. П. Неклюдов, получив при баллотировке только 26 (г.е. менее половины) избирательных шаров, не был избран участковым мировым судьёй (Саратовский дневник. 1884. 24 октября).

земской управы М. С. Кропотовым¹⁸² – преглупым и прегадким человеком. Брат 15 лет был земским горячим деятелем, его стали прочить в председатели, но оказалось – забаллотировали, а выбрали опять Кропотова, благодаря тому, что жена его, почти публичная женщина, успела соблазнить несколько влиятельных гласных, как Безобразова¹⁸³, Демидова¹⁸⁴, Иконникова¹⁸⁵ и других, которых поила шампанским с сестрой своей Никифоровой, провела с ними очень частный вечер. Плохо идёт у нас вообще земское дело с такими представителями».

27 октября: «Нехорошая личность этот Панчулидзе¹⁸⁶ и нечестная, это проныра, сильно заискивающая у крестьян-гласных».

25 ноября «Нынешний рекрутский набор в одном Сокурском участке продолжался 7 дней, тогда как последние годы не более 4–5 дней; я не мог быть на наборе по большому скоплению дел в участке, но мне передавали, что военный доктор был чересчур придирчив и браковал из каждой малости; в моё время ни разу за все 10 с лишним лет не доходило не только до льготных 3-го разряда, но и до дальних жеребьёв. В нынешнем же году, не говоря о дальних номерах, пробрали всех льготных 3-го разряда и добрались до второго разряда, из которого взято несколько человек, то произвело порядочный вопль матерей. Надо заметить, что нынешний год забракована масса ягодно-полянских немцев по узкогрудю, тощавости и изнурённому виду, между тем следовало бы обратить внимание на то, что по совету саратовских врачей эти немцы перед набором месяц и более ничего не едят, а пьют в день только по одному или два стакана молока, отчего являются тощими и изнурёнными; поглядите на них через месяц после браковки – опять молодцы, между тем народ кричит, что всё это проделки и взятки докторов. Русского рекрута до сих пор родные, наоборот, откармливали, разве теперь, как узнали советы, данные немцами, примутся за диету, но я уверен, что русский не выдержит и недели, да он большею частью и не тужит, когда идёт в рекруты».

1890 г., 12 марта. «Наша Саратовская архивная комиссия хотя и считает теперь более 100 членов, но в число их набилось слишком много никуда негодного хлама и дряни; секретарь Краснодубровский¹⁸⁷ (попович) пустой говорун, воображающий себя учёным. Много развелось болтунов, но главное

¹⁸² Кропотов Михаил Сергеевич (1843–1903). Помещик Саратовской губернии. Надворный советник. В 1869–1877 гг. участковый и почётный мировой судья в Петровском уезде Саратовской губернии, с 1878 г. председатель Петровской уездной земской управы, в 1881–1889 гг. председатель Саратовской губернской земской управы.

¹⁸³ Безобразов Владимир Владимирович, гласный Саратовского губернского земского собрания, впоследствии председатель губернской земской управы, дворянин и помещик Саратовской губернии. Умер в имении Безобразовке Хвалынского уезда 16 сентября 1894 г.

¹⁸⁴ Демидов Георгий Евгеньевич, гласный Саратовского губернского земского собрания (1888 г.)

¹⁸⁵ Иконников Флегонт Сергеевич, гласный Саратовского губернского земского собрания (1888 г.)

¹⁸⁶ Панчулидзе Сергей Александрович (1855–1917). Саратовский и пензенский дворянин, отставной ротмистр лейб-гвардии Кавалергардского полка, выпускник Академии Генерального Штаба, военный историк, архивист. В 1884–1892 гг. гласный Саратовских уездного и губернского земских собраний, почётный мировой судья, в 1891–1892 гг. Саратовский уездный предводитель дворянства. Либеральный саратовский журналист Н. М. Архангельский отзывался о нём куда лучше: «Панчулидзе – любопытная фигура. Дворянин, кавалергард, написавший «Историю кавалергардов», человек крайне правых убеждений, член охранной дружины императора Александра III, но лично – честный, прямой и джентльмен. Стильная фигура и, надо сказать, среди правых – довольно редкая».

¹⁸⁷ Краснодубровский Степан Семёнович (р. в 1860 г.), из духовного сословия. Преподаватель Саратовской духовной семинарии, член Саратовского губернского статистического комитета, Саратовского Братства Святого Креста, член и правитель дел Саратовской губернской учёной архивной комиссии, автор многочисленных трудов по истории Саратовского края.

дело – разбор архивов – встало, и, несмотря на моё неоднократное настояние, Краснодубровский и не думает присылать мне для разборки архивных дел. Председатель князь Л. А. Голицын ни бельмеса не понимает в архивном деле»¹⁸⁸.

1 мая А. Н. Косич делает запись о нашумевшем на всю Россию «карабулакском деле»: «Сегодня был у меня наш исправник Гребенчуков¹⁸⁹; он прожил с Пасхи в с. Сухом Карабулаке Саратовского уезда: Карабулак, Усовка¹⁹⁰ и несколько других селений нашего уезда принадлежали сперва Апраксину¹⁹¹, а потом перешли князьям Щербатовым; лет 8 тому назад крестьяне добыли какую-то бумажку, из которой заключили, что около десятка тысяч десятин было куплено их предками на имя своего помещика Апраксина; бывший в то время непременно членом уездного крестьянского присутствия, промотавшаяся дрянь Александр Неклюдов взялся схлопотать им это дело, получив предварительно от крестьян несколько тысяч рублей, но ничего не сделал. Крестьяне проиграли дело во всех инстанциях суда, подавали они просьбу государю, и им тоже отказано; подстрекаемые до сих пор разными проходимцами, обирающими их, они продолжают хлопотать и тратиться на это дело, подали прошение на имя датского короля (как отца государыни) и составили весною приговор не допускать князей Щербатовых распахивать эту землю. К ним посланы были 3 батальона Имеретинского полка¹⁹² и полиция; губернатор Косич имел неосторожность обещать крестьянам приехать и рассмотреть их претензии, но не поехал и ничего не предпринял лично, чтобы разубедить мужиков в их бесполезных хлопотах и тратах больших денег. Вообще Косич окружил себя всякой дрянью и не любит выслушивать мнений людей опытных и честных».

Но следом А. Н. Минх воздаёт тому же Косичу хвалу за внимание к изучению местного края, поместив 19 ноября в свой дневник такую запись: «Благодаря саратовскому губернатору А. И. Косичу и редактору Н. Ф. Хованскому¹⁹³ «Саратовские губернские ведомости» второй год стали очень интересны для научного изучения края: в них помещаются постоянно очерки и описания селений и разных уездов в историческом и бытовом отношении, составленные местными жителями и грамотными крестьянами. На это обратило внимание Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии в своём издании «Этнографическое обозрение», даёт рецензии об этих статьях».

¹⁸⁸ Схожее высказывание о бездействии комиссии в деле разработки местного архивного материала почти одновременно с А. Н. Минхом в письме М. А. Лакомте высказывал А. И. Соколов (См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2022. Л. 74).

¹⁸⁹ Гребенчуков Иван Андрианович, р. в 1844 г., из мещан, коллежский секретарь. С 1889 г. саратовский уездный полицейский исправник.

¹⁹⁰ Сухой Карабулак – село в Базарно-Карабулакском р-не Саратовской обл., Усовка – село в Воскресенской р-не Саратовской обл.

¹⁹¹ Апраксин Степан Степанович (1757–1827), генерал от кавалерии, смоленский военный губернатор.

¹⁹² 157-й Имеретинский пехотный полк 40-й пехотной дивизии. Квартировал в г. Саратове (См. подробнее: Плешаков И. Н. Рать Саратовская. Очерки военной истории Саратовского края. Саратов, 2009).

¹⁹³ Хованский Николай Фёдорович (1855–1921), чиновник для особых поручений при саратовском губернаторе, редактор неофициальной части «Саратовских губернских ведомостей», библиотекарь, позднее правитель дел Саратовской губернской учёной архивной комиссии, редактор «Трудов» комиссии, журналист, автор многочисленных трудов по истории Саратовского края.

7 декабря: «6 декабря во всех уездах, кроме Саратовского, выбраны старые предводители. В Саратове же Д. Е. Шевырёв¹⁹⁴, бывший на этом месте три трёхлетия; забаллотированы и выбран интриган С. А. Панчулидзе (выбран незаконно – не съездом, а за губернским столом, не имея своего собственного ценза, а по цензу своей жены). Губернским предводителем выбран тот же князь Л. Л. Голицын, страшная тряпка, но охотников занять этот пост не оказалось».

20 мая 1891 г.: «Несколько лет, как в Саратовском уезде поселился отставной ротмистр С. А. Панчулидзе, в имении своей жены Надежды Борисовны, урожденной Полторацкой (саратовцы прозвали её «змейкой» за её ехидный язык). Человек неглупый, энергичный и ловкий, он успел забрать в свои руки молодёжь и губернатора Косича (порядочную тряпку, совершенно неопытного в управлении краем и только издающего многоречивые циркуляры¹⁹⁵), стал орудовать на уездных земских собраниях и увлёк земство в огромный непосильный расход в 60 с лишком тысяч на постройку 7–8 больниц на небольшой Саратовский уезд».

19 июня: «Я готовлю к сдаче судебские дела, так как с 1 июля мировые судьи упраздняются и вводятся земские начальники. Их будет 8 в Саратовском уезде, вместо 4 мировых судей. Учреждение это мне не нравится – толку мало будет, к тому же земские начальники совершенно подчинены губернаторам и уездным предводителям, а с таким, каков саратовский предводитель Панчулидзе, служить невозможно. Я не подавал на эту должность, и Панчулидзе очень рад этому, со мной он служить не может, так как я бы его самодурства и прихотей не исполнял, за то и набрал же он в земские начальники своих клеветов, кроме двух, попавших помимо его воли: Г. С. Кропотова и А. И. Шахматова, наших дворян, людей умных, честных и дельных».

20 июня: «К нам приехал на весь день из Губарёвки А. А. Шахматов¹⁹⁶, очень дельный и хороший молодой человек, известный уже в учёном мире филолог. Он идёт в земские начальники, не желая служить с попечителем Московского округа Капнистом»¹⁹⁷.

9 июля, Увек: «Здесь неисчерпаемые богатства для археологии, но, к несчастью, за дело взялся совершенно неопытный, воображающий себя учёным, но никуда негодный хвастунишка Краснодубровский – секретарь архивной комиссии, он не ведёт ни дневника, ни точных описаний, ни рисунков, а роет без толку, выбрасывая многие костяки и предметы. Жаль смотреть на это варварское обращение с наукой и стариной».

2 августа «...скверно только, что сумму 74000 руб. на покупку ржи для Саратовского уезда захватил в свои руки Панчулидзе – личность недобросовестная».

29 августа: «Сегодня была дуэль между Абакумовым и Панчулидзевым за полученную последним пощёчину. Очевидцы говорят, что это не дуэль,

¹⁹⁴ Шевырёв Дмитрий Ермингельдович, отставной подпоручик, гласный Саратовского уездного земского собрания, в 1881–1890 гг. Саратовский уездный предводитель дворянства, владелец имения при с. Адоевщино Саратовского уезда.

¹⁹⁵ См.: Косич А. И. Циркуляры, указания и речи начальника Саратовской губернии. 1887–1891 гг. Саратов, 1891.

¹⁹⁶ Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), филолог, крупнейший специалист по истории древнерусской литературы и летописания. В 1891–1893 гг. земский начальник 5-го участка Саратовского уезда, гласный Саратовского губернского и Саратовского уездного земских собраний.

¹⁹⁷ Капнист Павел Александрович, граф (1840–1904). Юрист, с 1880 г. – попечитель Московского учебного округа, с 1895 г. – сенатор.

а кукольная комедия. Старик Абакумов не видит за три шага перед собой, а назначили 30 шагов, которые секунданты постарались увеличить. Стреляли каждый по три раза из гладкоствольных пистолетов круглыми пулями, причём заряды были уменьшены. Абакумов в тот же вечер говорил мне, что не видал, куда стрелял, так как мог едва различить белое пятнышко (кавалергардская фуражка этого труса Панчулидзева). Разумеется, никто не был даже задет, и комедия кончилась шестью пороховыми вспышками. Зато Панчулидзев, доктор Розенталь¹⁹⁸ и секунданты составили и подписали громкий протокол с восхвалением героев – на 30 шагов из допотопного оружия. Губернатор Косич страшная дрянь, и его положительно оседлал этот вор Панчулидзев».

9 сентября Минх «выехал в Саратов в дворянское собрание по поводу плюхи, данной Абакумовым Панчулидзеву».

4 ноября А. Н. Минх внёс в дневник новость об увольнении С. А. Панчулидзева в отставку, а 4 декабря сделал запись об избрании на должность предводителя вместо «негодяя Панчулидзева» П. Н. Корбутовского¹⁹⁹.

Вскоре последовали новые перемены, о которых внимательный наблюдатель не преминул сделать соответствующие записи: 16 декабря: «Генерал-лейтенант А. И. Косич назначен командиром 4-го корпуса и оставляет должность Саратовского губернатора: это был плохой губернатор». 25 декабря: «Саратовским губернатором назначен полтавский предводитель дворянства князь Борис Борисович Мещерский»²⁰⁰. 14 января 1892 г. новый начальник губернии приехал, 15 апреля А. Н. Минх пишет о знакомстве с ним.

Новый, 1892 год не дал много поводов для интересных записей. Обращают на себя внимание следующие: от 14 января: «7 января Казна сдала Саратовско-Козловскую железную дорогу частному обществу Козлово-Рязанской железной дороги, наше земство будет продолжать платить злосчастную и тяжёлую гарантию (ренту) за старые грехи наших воров-воротил».

29 июня: «В народе рассказывают вести из Саратова, что доктора и разные чиновники раздувают холеру, что больных и здоровых ловят баграми, как собак, сажают в «клетки» (фургоны), тащат в больницу и что двух живых людей залили извёсткой и потащили на кладбище, что всё это делают доктор и аптекари, фельдшера и чиновники, чтобы получить по 200 рублей в месяц». 5 июля он записывает ещё один слух о холере: «Между прочим, толкуют, что поджог недостроенной Вязовской²⁰¹ земской больницы сделан по наущению строителей её (Панчулидзев и Марковский), а также бывших тогда врачей, чтобы скрыть своё воровство и злоупотребления, что мужики не стали бы тратить своих 5–7 рублей на керосин, которым были облиты кучи хворосту и стены. Затем, крестьяне толкуют, что при выдаче им хлеба на продовольствие и обсеменение многие господа чиновники крали себе этот хлеб, что и дошло до государя, и наследник ехал в Саратов разобрать дело, но выдумали холеру, и он не поехал, а доктора (...) стали морить народ, чтобы не было свидетелей при опросах. Вследствие таких толков и пошли беспорядки, поджигаемые ещё дурными людьми».

¹⁹⁸ Розенталь Эрнест Карлович (1834–1897), доктор медицины, действительный статский советник, старший врач Саратовской губернской земской больницы, учёный-исследователь.

¹⁹⁹ Корбутовский Павел Николаевич (1828–1902), коллежский асессор. Землевладелец Саратовской губернии.

²⁰⁰ Мещерский Борис Борисович (1850–1904), князь, шталмейстер, в 1891–1901 гг. саратовский губернатор.

²⁰¹ Вязовка – село в Тагитшевском р-не Саратовской обл.

В последнем из рассмотренных записей в данной статье 1893 г. находим данную А. Н. Минхом 3 марта оценку деятельности местных земских учреждений, к становлению и развитию которых автор приложил немало своих усилий: «Земские налоги страшно растут у нас и на нашу Полчановскую дачу, сверх платежа прошлых лет, набавили ещё 50 рублей налога. Много денег бросается зря земским собранием, состав которого крайне плох, и по Саратовскому уезду отсутствует крупное землевладение, забаллотированное в 1891 году шайкой проходимца Панчулидзева. Избраны больше в гласные разные пройдохи, ищущие мест и земского жалования. Состав членов уездной земской управы плох».

Приведённые в данной публикации записи охватывают полтора десятилетия истории России и царствования двух императоров. В них отразились как происшествия саратовской жизни, так и отголоски государственных и даже мировых событий того времени. Очевидная субъективность автора текста не снижает ценности его замечаний, оценок и даваемых им современникам личностных характеристик. В своей совокупности дневники А. Н. Минха рисуют яркую картину провинциальной жизни России последней четверти XIX столетия. Выражаем надежду, что полное издание этого уникального источника – дело недалёкого будущего.

ПЬЕСА

...СЛОЖНОСТЬ ВРЕМЕНИ И СУДЬБЫ

Скажу сразу: пьеса Светланы Панкратовой – нелёгкое чтение. И спектакль по этой пьесе будет нелёгким зрелищем. Потому что здесь нет ни закрученного сюжета, ни невероятных перипетий, ни буйства страстей. Вернее, всё это – и сюжет, и перипетии, и страсти – всё это есть, но не на поверхности текста и действия, а в их глубинах, причём весьма потаённых.

А внешне всё просто. Просто три человека. Просто разговаривают. Просто вспоминают, грустят, радуются, мечтают, надеются... Да, всё просто, но за этой простотой невероятная сложность времени и судьбы. И масштаб происходящего огромен: от частных, казалось бы, даже мелких семейных отношений до глобальных библейских мотивов, войны и мира, Афгана и Чернобыля...

Светлана Панкратова оканчивала мою сценарную мастерскую во ВГИКе. Среди студентов она не была лучшей, не была худшей, а была особенной – ни на кого не похожей. Не хотелось бы громких сравнений, но не могу не вспомнить, что на сценарных обсуждениях в её работах справедливо отмечались интонации Бергмана и Тарковского.

И с тех студенческих времён она пишет по-прежнему глубоко и сложно – собственно, так, как и устроена наша жизнь.

Я желаю талантливому драматургу Светлане Панкратовой умного, внимательного читателя и сочувственного, благожелательного зрителя.

Аркадий ИНИН,
кинодраматург,
заслуженный деятель искусств РФ,
профессор ВГИКа

**Светлана
ПАНКРАТОВА**

КОГДА БУДЕШЬ БОЛЬШАЯ...

(Деление на акты по усмотрению постановщика.)

Действующие лица:

Он.

Она.

Муж.

Пока рассказываются зрители, негромко звучит песня в исполнении Лидии Андреевны Руслановой:

*На улице дождик с ведра поливает,
С ведра поливает, землю прибивает,
Землю прибивает, брат сестру качает.
Ой, люшеньки-люли, брат сестру качает.
Брат сестру качает, ещё величает:
«Сестрица родная, расти поскорее,
Расти поскорее да будь поумнее.
Ой, люшеньки-люли, да будь поумнее.
Вырастешь большая, отдадут тя замуж,
Ой, люшеньки-люли, отдадут тя замуж.
Отдадут тебя замуж во чужу деревню,
Во чужу деревню, в семью несогласну.
Ой, люшеньки-люли, в семью несогласну».
На улице дождик с ведра поливает,
С ведра поливает, землю прибивает,
Землю прибивает, брат сестру качает.
Ой, люшеньки-люли, брат сестру качает.*

На сцене – кухонный стол, по бокам – два табурета. В центре – ручной работы кресло без обивки, похожее на трон. В спинке прорезано сквозное сердечко.

Он сидит в кресле, устало положив руки на подлокотники. Она – на табурете. У Неё в руке – несколько листов с текстом.

Она (*читает*). Когда ты уехал, то я... нет, не сразу, а спустя две недели поняла, что надо жить дальше. Или притворяться живой. Всё, что бы я ни сделала в ту минуту, могло оказаться либо пошлостью, либо глупостью. Нельзя было вцепляться

-
- Светлана Геннадиевна Панкратова родилась в Саратове. Окончила сценарный факультет ВГИКа. Лауреат Всероссийского конкурса им. В.И. Белова, лауреат конкурса им. Ю.С. Самсонова (Иркутск). Публиковалась в журналах «Волга–XXI век», «Наш современник» и др.

в тебя, падать на колени, кричать или умолять, целовать или выпрашивать поцелуй. (Ему.) Скажи мне, это может стать началом пьесы? Романа? Молчишь... Нам всегда не о чем было говорить с тобой. Как ты сейчас уверен в себе. Думаешь, что мы одни. И это только наши с тобой «тёмные аллеи». Гуляя по ним, можно быть жестоким, всё равно никто не узнает, все заняты своими «тёмными аллеями». Но мы не одни. Он здесь, в квартире. Не веришь? (Кладёт листы на стол, выходит.)

Он (достав мобильный). Просто звоню. Завтра. Ты где? На море не ходи. Я сказал, не надо. Холодно уже. У меня нет времени на больницы. В десять чтобы был дома. Алё... Алё... (Убирает телефон.)

Входит Она, за ней – Муж. У Неё в руке – фотография.

Он, поднявшись, протягивает руку. Муж после небольшого колебания жмёт её. Обходит кресло, садится на табурет. Он садится.

Она (сидясь). Не веришь, что это муж. Думаешь, раз умер, то навсегда. Вот наше свадебное фото. (Через стол протягивает Ему снимок.) Нет, ты посмотри, посмотри, он совсем не изменился. Когда он умер, соседка с верхнего этажа спросила: «Ему сколько было, лет тридцать пять?» Ха-ха. А сколько тогда мне?

Он (отстраняя Её руку). Я верю.

Муж. Так и было, мне не давали мой возраст.

Она (рассматривая фото). А знаешь, почему? Потому что я не видела его старым. А ты... (кладёт фото) постарел. Был орёл, а теперь... обмылочек.

Он. Я тоже не узнал тебя.

Она. И я не узнаю себя. Я была сияющей девочкой, правильной и стыдливой. Во мне больше нет стыда, и я смеюсь над правилами. Моя колыбелька превратилась в кресло-качалку, сделанное из колючей проволоки.

Муж (Ему). Что значит – творческая личность. Она как-то сказала об одной похотливой француженке: «Да пусть хоть с Эйфелевой башней...» (Смеётся.)

Он морщится.

Муж. Нет, это смешно. (Пауза.) Если представить...

Она (Ему). Он всегда хохотал над моими плоскими, бабьими шутками. С тобой... Я не помню, чтобы ты когда-нибудь смеялся вместе со мной. (Мужу.) Представляешь, мы ни разу не смеялись вместе.

Муж (ревниво). Но ты помнила его все те годы, что прожила со мной.

Он. Я сам не ожидал.

Муж. По-омнила.

Она. Каждый кого-нибудь по-омнит. Дьявольское сравнение. И счёт – всегда... в его пользу. Всегда.

Он (поднявшись). Э-э-э...

Она. Смыться хочешь, обмылочек. Не-эт. Ты теперь пригвождён к этому трону, прикноплен, прибит, присобачен. Навеки. (Тихо.) Сидеть!

Он (сидясь). Я уже понял это. Я уехал, но и остался. Знаю, что остался.

Она. Не надо было приезжать.

Муж. А чего ты рванул-то к ней? Чего ожидал-то?

Она (Мужу). А чего ты-то рванул к ней? Чего ты-то ожидал?

Муж. Опять! (Ему.) Изю дня в день одно и то же, как заевшая пластинка.

Она (*Ему*). Представляешь...

Муж. Только попробуй!

Он. Я жалею, что приехал, что остался. (*Достав зазвонивший мобильный.*) Да. Соскучилась! Где... Посмотри в гараже. Приеду, найду. Буду завтра. Я сказал: буду завтра. (*Убирает телефон.*)

Она (*Мужу*). Врёт. Он никогда не будет с ней. Он всегда будет со мной. С другими даже когда, всё равно – со мной. Кто бы мог подумать, он хотел на мне жениться!

Муж (*ревниво*). На тебе многие тогда хотели жениться.

Она. Многие, но не он.

Он. Я хотел.

Она. Захотел, да? (*Мужу.*) А знаешь, как всё было? Ты же ничего не знаешь. Ты не знал меня, а я тебя. Я сейчас начинаю понимать, что... (*Ему.*) А давай покажем ему, как всё было. (*Быстро выходит.*)

Он. Сочувствую тебе. С ней сложно.

Муж. Как на пороховой бочке. Нет, по молодости ещё ничего. Но потом... за сорок. Уже не смешно и... глупо.

Он. Как ты выдержал?

Муж. Я и не выдержал.

Он. Прости.

Муж. Хм... Сложно. А чего же ты-то тогда рванул к ней?

Стремительно входит Она с красным пледом в руках.

Она. Косточки перемываете. По-стариковски. Бутылки только не хватает.

Он. Я за рулём.

Она. Ты всегда... за рулём. Встань-ка.

Он поднимается.

Она. Подвинь кресло туда.

Он отодвигает кресло от стола. Она накидывает на кресло плед.

Она. Садись. Нет, ты вольно сядь, расслабься, как орёл на отдыхе. Вот так. Вот так. (*Отойдя на пару шагов от кресла.*) Так... можно начинать. (*Мужу.*) Можно смотреть уже.

Муж садится так, чтобы лучше видеть их.

Она (*кашлянув пару раз, говорит молодым голосом*). Женись на мне. Я стану такой, как ты захочешь. Поступлю в институт...

Он (*с досадой*). Концерт!

Она (*своим голосом, тихо*). Отвечай.

Он (*без выражения*). Мне не нужна умная жена. Мне нужны дети. Много детей.

Она (*обнимая живот руками, говорит молодым голосом*). Ребёнок...

Он. Я заберу его у тебя.

Она (*своим голосом*). Нет, ты тогда смеялся. Смейся.

Он (*насмешливо*). Я заберу его у тебя. Ты сложная. Тебе самой с собой трудно.

Она (*молодым голосом*). Женись на мне.

Он. Нет.

Она (*едва не плача*). Женись на мне.

Он. Нет. Нет.

Она (*своим голосом – Мужу*). Ты видел, видел, как всё было?

Муж. Обычное дело.

Она. Ты говоришь, обычное дело?! Обычное дело, когда «нет» – это «нет». Но когда потом – «да»! Когда уже... Это не обычное дело, когда хотят забрать твоего ребёнка. (*Ему.*) Если бы ты не сказал этих слов, я бы...

Он поднимается, срывает плед с кресла, оглядывается в поисках места, куда бы положить его.

Он (*тряся пледом*). Я всегда помню об этом. Чего ещё тебе нужно? Это мой грех. Я помню.

Она. И я помню. (*Берёт у Него плед, кивает на листы и фото.*) Убери-ка.

Он сгребаёт со стола листы, фото.

Она. Осторожней, пожалуйста. (*Застилает стол пледом, разглаживает. Берёт у Него листы, фото, кладёт возле своего места.*)

Он резко пододвигает к столу кресло, садится.

Она. Ничё так, да, мужики? Вроде, как у костерка мы. Три призрака.

Муж (*садясь удобнее*). Но ты...

Она. Ты думаешь? Ты ошибаешься. Меня давно нет. Он (*кивнув на Него*) ...знает. Он всё знает. (*Ему.*) Иногда мне кажется, что мы с тобой кровники, в том смысле, что мой предок замочил твоего предка, а ты, даже не зная об этом, по наитию, по голосу крови, мстишь мне. Уничтожить меня, но не сразу, а медленно, – это твоя программа-минимум. Или максимум. Да?

Он. Тц-тц...

Она. Цекай, не цекай, а это так. Отсрочка от смерти всегда чревата. Потом – гуртом. (*Мужу.*) И ты... из-за отсрочки.

Он. Судьба.

Она. Ты – моя. Я – его. (*Мужу.*) Только после того, как тебя не стало, я поняла, что все слова – ложь. И твои, и мои.

Муж. Ты ни разу не была на кладбище.

Она. И не буду. Я простилась с тобой на похоронах. Я попросила у тебя прощения. А ты у меня. Ты же прощался тогда. Я почувствовала. (*Ему.*) Последние полгода у нас было как никогда. Да, вечный итальянский дворик, вулкан, дурдом, но в последние полгода – ненависть и тишина. Или нет, равнодушие. Я мечтала о разводе, о том, что вот-вот избавлюсь от его фамилии.

Муж. Мы всегда будем вместе.

Она (*Ему*). И вот холодная война у нас, а за неделю до смерти он принёс сумки с продуктами. Я давно болела, лежала, а тут, не знаю почему, вышла в прихожую, чтобы взять у него эти сумки. И когда брала их из рук его, то такая волна жалости окатила меня изнутри. Я пожалела мужа как человека, ближе которого нет у меня никого на свете. Ребёнок... да. Нет, мужа другой жалостью. Мне бы броситься ему на шею, сказать, что дураки мы оба, что пусть и нет любви, а у кого она есть? Пусть всё было ложью, но это наша ложь, наш призренный костерок, и другого не будет. (*Мужу.*) Ты же понял, что не будет. (*Ему.*) А я не смогла броситься на шею. Пошлёпала на кухню, встала у стола спиной к двери и вдруг поняла, что он... (*Показывает рукой на Мужа.*) ...сейчас зайдёт на кухню. Ему здесь ниче-

го не нужно. Просто постоит, глядя мне в спину, и уйдёт. Так всё и произошло. Он прощался со мной. Он услышал эту волну, надеялся, что она накроет нас обоих. Не накрыла.

Муж. А если бы я вернулся насовсем, не в мыслях твоих, а в жизни?

Она (*мгновенно*). Нет, я бы ушла. (*Пауза.*) Но если бы та волна...

Он (*Мужу*). Сочувствую тебе.

Муж. Посочувствуй себе. Чего ты рванул-то к ней?

Он. А ты... тоже...

Муж. Не подарок? Ты, я смотрю, подарок. Что ты с ней сделал, если она вытащила меня, пригвоздила тебя? Сидим тут как два дурака.

Она (*Мужу*). Оба вы... сделали. (*Взяв лист, читает.*) «Идя на следующее утро сквозь золото улиц, она, одетая в чёрное, словно не видела всё это великолепие деревьев и неба...»

Он зевает.

Она (*Ему*). Хочешь спать? Я могу постелить.

Он. Я гнал без остановки.

Муж. Ты написала это...

Она. После его отъезда. После того, как тебя не стало, я написала другое. Нам было так трудно в 90-е, столько семей не выдержало испытаний. А мы как-то продержались, а когда стало полегче, ты... ушёл. (*Пауза.*) Это заставило меня оглянуться на прошлое. После его отъезда померк весь свет, осталась только я, стареющая, никому не нужная.

Он. Ты молодая.

Она (*читает*). «...Никогда ещё, вплоть до минувшей ночи, не осознавала она всю тяжесть двух, кем-то так удачно соединённых слов. Коротенький всплеск надежды, словно неслышно упавший лист, словно тихий ветерок, качнувший остешумную паутину, словно стон, ещё не отчаянный, не устремлённый к остывающей земле, трепетал в каждой буковке бабьего лета». (*Ему.*) Ты убил во мне женщину. (*Пауза.*) Врачи сказали, последствия сильного стресса. Старость – преисподняя женщины. А по-моему, для вас она ещё страшнее.

Он. Да нет, я чувствую себя на восемнадцать.

Она. Похоронив мать и старших братьев?

Муж. Она права.

Она (*Мужу*). Я прощаю тебя. Это ничего, что я так долго плакала, пока не нашла всё, что нашла. Я не хочу, чтобы моё сердце было как у восемнадцатилетней. Ты вернулся в восемнадцать, но оказалось, что не нужен никому. Ты не валандался со старухами, ты пошёл по молодым. И оказался не нужным им. Бедный ты мой.

Он. Он не бедный.

Она (*Ему*). Ты снился мне стройным, с роскошными волосами. Зачем ты приехал? Я же просила не приезжать. Он (*кивает на Мужа*) выглядел на тридцать пять, но изнутри... После тридцати в нас прибывает смерти. Поясница, бляшки, давление, челюсти вставные. (*Мужу.*) И со всем этим – к молодым женщинам?! Без копы за душой?! Оптимист ты мой.

Он (*Ей*). Тебе не понять...

Муж. А ты рванул к ней.

Он. Не к ней.

Она (*Мужу*). Он ехал к девочке. У него же тоже, видать, проблемы с головой. Он думал, что меня законсервировали. Первое, что он спросил:

«Где твои длинные ногти?» (Ему.) Какие ногти, парень? Я – жена и мать. Даже в постели я навсегда – жена и мать.

Он. Вдова.

Она. Что?

Он. Вдова и мать. (*Достав зазвонивший мобильный.*) Да. Да. Завтра. Куда? С кем? До десяти. Да. Можно. Да. (*Убирая мобильный, говорит с гордостью.*) Дочь. Ей восемнадцать... скоро. Второй курс медицинского.

Муж. Восемнадцать...

Она (Ему). А наш... Врачи сказали, что учиться ему не надо. Полноценно работать не сможет никогда. Ему (*кивает на Мужа*) нельзя было иметь детей. Но семья без детей – как-то странно. Мы рискнули. Всегда есть шанс, один процент... А у тебя здоровые дети?

Он. Нет, почему здоровые? Тоже, знаешь, належались по больницам. То одно, то другое.

Муж. Без этого не бывает. Но так-то, в общем?..

Он. В общем, да.

Она (Ему). За две недели до родов приехала свекровь. Она вообще не истеричка.

Муж. В нашем роду все женщины терпеливые.

Она. Да-да-да, в семнадцать лет – замуж, сразу на севера, пусть за маленького, но уже начальника. «Шиковала!» Так она говорит. Испытание беспросветной бедностью – тяжёлое испытание, не каждый...

Он. Тц-тц, главное – не это. Главное, чтобы заботливый был.

Она (*передразнивая*). Тц-тц... Ты написал мне это, когда узнал, что выхожу замуж. Чуть собачья! (*Мужу, кивая на Него.*) Его я умоляла жениться на мне – не женился, тебя просила не жениться на мне – женился. Ему кричала, чтобы не ехал ко мне, приехал. Тебя просила не ездить... Господи, вы – на одну колодку. Все? Или только вы двое? (Ему.) Так вот, вообще – не истеричка, а за две недели до родов такой тара-рам устроила! Со слезами! С надрывом! Из-за того, что на день рождения её не приехали. Представляешь, я с таким пузом, январь, заносы, живём на другом конце города. После её ухода у меня взлетело давление, через сутки я родила навсегда большого мальчика.

Муж (*опустив голову*). Может, это и не её вина.

Она. Но у меня не было проблем с давлением! Все восемь с половиной месяцев не было! И токсокоза не было! Я расцвела тогда! Я сияла ярче солнышка! И кто знает, если бы не мать твоя... мы бы проскочили!

Он. Мать – это святое. Моя мать после гибели отца на трёх работах работала, но на выпускном я был в самом дорогом костюме.

Она. Мать – это святое! Но и дети – это святое! Для меня дети – святее всех святых. Любые дети святее всех святых.

Он (Мужу). Сочувствую тебе. Представляю себе...

Муж. Чего ты не женился на ней?

Он. А если бы женился, ты бы что? Ты бы... к ней... через четверть века. Хрен редьки... (Ей.) Ну-ну...

Она. Ты смеёшься. Ты сейчас смеёшься надо мной! Ты не понимаешь, что ли, его бы (*кивая на Мужа*) не было, если бы ты женился. Он – это другое. Ты что, совсем уже? В чём моя вина? Ты... ты... (*передразнивая*) чтобы много дете-эй! Двое! Просто взвод! Рота детей! Да двоих и я бы! У-у...

Он. Обстоятельства. И не забывай, когда я мечтал, были восьмидесятые...

Муж. И я ей говорил. Если бы как тогда, мы бы поднялись. А то не успели пожениться – развал, сокращения, безработица. Я чем виноват?

Она. Тем, что женился на мне.

Он (*положив руки на стол, Мужу*). Сочувствую тебе.

Муж. Заело, что ли? Или бляшки? Ты бы это... на обследование. У меня в твоём возрасте всё началось.

Он (*с усмешкой*). Муж да жена...

Она. ...два сапога пара. (*Мужу*.) Помнишь, дядька нам так сказал в ресторане. Мы похожи, но парой так и не стали. (*Ему*.) Мы разошлись по разным кроватям уже через месяц. Ты бы не отпустил меня. А он... он не мог спать с открытой форточкой, намёрзся на северах, а я не могу – в духоте. Ему нужен был телевизор, а мне книги. Хотя книги – его хобби. (*Мужу*.) Знаешь, если муж и жена начинают спать под разными одеялами, пусть и в одной кровати, то это начало конца. А мы... Зачем ты женился на мне? Для разговоров? (*Ему*.) Представляешь, когда мы с ним... когда... то потом он засыпал, повернувшись ко мне спиной. А ты, ты не выпускал меня из своих рук во сне. Да шли бы лесом все эти разговоры, если больше нет рук, которые обнимают всю ночь! (*Накрывает Его руки своими*.) Обними меня. Я все годы скучала по твоим рукам. (*Целует его руки, его ладонью проводит по своему лицу, шеп, плачет*.)

Он. Не плачь. Я не могу, когда женщины плачут.

Она (*плача*). Обними меня, поцелуй. Пусть я старая. Я же не прошу тебя переспать со мной. Просто обними. (*Гладит своё лицо Его ладонями, целует их*.) На короткий миг. Я же столько лет, столько лет...

Муж (*потрясённо, Ему*). Я бы так не смог. Ты... да-а...

Он. Она всегда прогоняла меня. Всегда.

Муж. Характер, да. Но я бы так не смог. (*Закрыв глаза рукой, говорит со злостью*.) Обними же её, ты!

Он. Она всегда прогоняла меня. Всегда.

Она (*плача*). Гнала, но ты... никогда не был только моим. Я знала. Ты же всегда искал ещё кого-то. А я жила одна. Ты и ты – вы оба, вы никогда не жили, чтобы совсем один в доме. Когда каждый вечер возвращаешься в пустую и тёмную квартиру. И всё это так долго тянулось у нас с тобой, несколько лет, и ты не хотел жениться, и эта всегда пустая комната, где только кошка, которая тоже гуляет сама по себе. Ты ни разу не подумал, каково это – жить одному. (*Мужу*.) А ты сказал, что спасёшь меня от одиночества. И... не спас.

Он (*тихо*). Ты сама не знаешь, чего хочешь. Я так и думал.

Она. Зачем ты приехал? Чтобы отомстить, что ли? За то, что гнала?

Муж (*убрав с глаз руку*). За каким ты приехал, если вот так?..

Она. Когда-то я просила тебя жениться на мне. Прошу и сейчас...

Он. Я женат.

Она (*сжав Его руки своими руками*). Нет, не так. Мне не нужно, чтобы ты содержал меня, спал со мной. Я никогда ничего не просила у тебя, ты сам удивлялся, что не просила. Разреши мне жить где-нибудь рядом, так близко, чтобы из моих окон был виден твой дом. Я никогда не нарушу покой твоей семьи. Я же всё понимаю. Семья – это не только жена и дети, но и прочие родственники. Не бойся, они никогда не узнают обо мне. Всё, чего я прошу, – видеть тебя по утрам, как ты выходишь... выезжаешь из ворот. Как вечером возвращаешься. И если иногда ты захочешь обнять меня, просто обнять... то большего мне не надо. Мне не надо большего!

Он. Нет.

Она. Боже, как я смешна. Безднадёжно влюблённый мужчина – это ещё как-то. А женщина, надоедающая своей любовью, – это как та тётка, которая лезет в трамвай, а здоровенный мужик спихивает её с подножки.

Муж (*тихо*). Не забудь записать.

Она. Не моё это. Другая... умная сказала. (*Отпускает Его руки, успокаивается. Мужу.*) Ты всегда переоценивал меня. И гордился мной.

Он достаёт телефон, кладёт на стол, прикрыв ладонью.

Она. Убери. Это только наш костёр, пусть не будет в нём ничего лишнего.

Он убирает телефон.

Она. Вот так. (*Мужу.*) Никто больше не будет так гордиться моими победами. Притащиться в институт, чтобы похвалиться моими успехами. Через столько лет после выпуска! Представляю себе их удивление. Ты был смешным. Не нужно нам было... двум дуракам.

Он. Если бы не я, не было бы этих успехов.

Она. О-ой, глядите-ка! Так вот и вижу себя стоящей перед Богом. Вот говорю, Господи, успехи мои. Так вот, говорю, и прожила... с успехами. Да? Я – женщина! Это ваше дело – творить! Развелось нас, микеланджеллих... на час. Мне бы, чтоб милый рядом. И деток бы... побольше от милого. Ну почему ты не как тот... Полюбил девушку, а она ему: «Согласна быть твоей, но при условии, что уедем на пустынный остров. Навсегда». И он, ничё так, согласился. И долго жили они на том острове посреди моря безбрежного и умерли в один день.

Он. Сказка.

Она. Быль. На тот остров теперь туристов возят.

Он. Я бы не смог. Нет.

Она. Ты бы... вплавь.

Он. Да. Мир повидать...

Она. Себя показать. Вечно ты в витрины гляделся. Аполлон!

Муж (Ему). В витрины, действительно?

Он. Чтобы увидеть, как мы смотримся вдвоём.

Она. Нормально смотрелись! На людей надо было смотреть. Мужики все на меня пялились, девушки тебе улыбались. Мы были вполне подходящей парой.

Муж (Ему). Ты вообще да-а... Я об этом и не задумывался. Как смотримся.

Она (Ему). Тоже... два сапога пара. И с тобой. Сам знаешь. И летел, потому что всегда знал об этом. Прилетел, а сапожок-то сношенным оказался. (*Мужу.*) Он думал, что здесь... (*оглядывается*), а здесь... (*вздыхает*). Деньги – не главное, вещи – не главное. Понимаешь, он уважает себя. Он мне так и сказал по телефону: «Мне есть за что уважать себя». Он многого достиг, а эта наша с тобой нищета, эта я, теперешняя, – удар по его самолюбию. Он перестанет уважать себя, если со мной... такой... Вот если бы...

Он. Тц-тц...

Она (поочерёдно обращаясь к ним обоим). Его письмо пришло на старую квартиру. Индекс – от балды, улица... так она уже давно не называется, перепутал номер квартиры, указал девичью ещё мою фамилию. Соседи передали мне письмо. Не скажу, чтобы я не вспоминала этого мужчину. Иногда, просматривая старые фото. А он... любил меня четверть века. Я позвонила месяца через два. Четвёртого января. Решила заодно поздравить и с Новым годом, и с Рождеством. Он сказал, что так и не женился, и вообще не смог больше серьёзно встречаться ни с одной женщиной. Я сказала, что замужем. (*Мужу.*) Ты ещё был жив. (*Обоим.*) Попросила забыть меня, найти женщину и быть счастливым. Он сказал, что ему ничего не нужно от меня, что он хочет только увидиться перед смертью, что

очень болен, но постарается приехать. Но я и сама болела тогда. И было смешно... немного. И странно. И я поняла, что он придумал меня. Он говорил мне, какая я, а я не узнавала себя. Он выдумал меня. Видел всего лишь месяц, этого мало. Дом отдыха... Мне двадцать, компания чудовая. Было весело.

Он. Он не выдумал. Ты изменилась. Ты забыла, какой была.

Она. А ты не забыл. (*Мужу.*) Когда тебя не стало, я позвонила ему, я тогда всем звонила. Телефон не отвечал. Но в июне этот чудак ещё был жив, присылал мне открытку на старую квартиру. Я так и не увидела её, но знаю, что присылал. А недавно я звонила, номер передали какому-то мальчишке. Лет восемнадцати. А тот... зачем-то любивший меня, наверное, умер. (*Ему.*) Понимаешь, я не хотела, чтобы он увидел меня седой, больной. Я вообще не хотела, чтобы он меня увидел. Он любил кого-то другого. И ты... помнил... другую. Зачем ты приехал?! Зачем ты приехал?!

Он. Успокойся.

Она. Успокойся сам. Офонарели мы здесь все совсем! Мы любим свои грёзы, фантазии, фантики какие-то любим мы. Мы в упор не видим того, с кем у нас всё – стол, дом, постель. (*Мужу.*) Пусть изредка, но всё равно. Мужчина в тебе, а ты не видишь его. Ты в женщине, но не знаешь и не хочешь познать её. В голове – другая женщина, обёртка, обложка, придумка, мечтаньце твоё, мука и сны твои. Господи! Зачем ты тогда поехал к ней?

Он (*с интересом*). К кому ты ездил?

Муж. Не твоё дело.

Он (*достав зазвонивший мобильный*). Да. Да. Я же говорил ему, чтобы не ходил на море. Сколько? Врача вызывала? Что сказал? Завтра буду. (*Убирая телефон, обращается к Мужу.*) Так ты не любил её?

Она. И ты не любил меня. И тот чудак из дома отдыха любил не меня!

Он (*Мужу*). К кому ты ездил?

Муж. Там не любовь, там другое.

Она. Неправда. Там могла быть любовь, если бы она... захотела. (*Ему.*) Представляешь, совпадение! Тот, из Дома отдыха, он почему побоялся признаться мне в любви тогда, у моря? Он старше меня на шестнадцать лет. Сейчас это никого не волнует, да хоть на пятьдесят! Но тогда... А он (*кивает на Мужа*) тоже любил... бабушку, которая старше его на те же шестнадцать лет. Прикольно, да? Баш на баш просто. Хиханьки-хаханьки судьбы.

Муж. Я не любил её. Не любил так...

Она. Да зна-аю! Звонила ей после твоей смерти. Она сказала, что вы просто друзья, а предложение ты делал другой женщине.

Муж. Звонила? Я думал, ты мне друг.

Он. Тц-тц...

Она (*кивнув на Него, Мужу*). Вот он знает, что женщина – никогда не друг. Женщина – это женщина. (*Ему.*) Она не пустила его в свою квартиру, увидела в окно и вышла навстречу с собаками своими, якобы выгуливать их шла. Друзья-а! Эта умная женщина, тридцать лет назад разоидясь с мужем, поставила на всём вашем племени жирный крест. Ей хватило одного, чтобы понять всех вас. Она заменила вас собачками. Какая разница, с кем спать по разным комнатам!

Он. Я не знал тебя.

Она. И я не узнаю тебя. Или... узнаю. Ты же не пожалел ни меня, ни ребёнка. И сейчас в тебе нет жалости. Ты думаешь только о самоуважении. Тебе не в кайф с такой. Ты думаешь, что не нужна никому такая, да? А если никому, то и тебе. Или тебе не в кайф (*кивает на Мужа*)... после

него? Он слабый. Ты сильный. Это всё равно что льву подобрать объедки после шакала.

Муж. Я не шакал.

Она. Да и он не лев. *(Ему.)* Только знаешь, это для нас лев – царь зверей. Но он об этом не подозревает, и когда хочет жрать, то так эти объедочки... За милую душу! Только за ушами пищит! И ты ещё захочешь настоящего! И ты простишь за это настоящее всё. Всё.

Он. Тц-тц...

Она. Что ты всё цекаешь? Зачем ты приехал? Где твой метр восемьдесят два? Я выше тебя теперь, а когда-то... Но мне пришлось вырасти. Если один слаб, то другой обязан быть сильным. А когда «обязан», то... м-м... Один... наш вот так же приехал к актрисе заграничной, с которой лет двадцать назад крутил роман, а она дверь на цепочку открыла, высунула в щель свою пигментированную лапку для поцелуя, и – адьё, мон ами. Он и так и сяк, хоть глазком одним. А она: «Штобы не было разочарований. Двадцать лет назад я была женщиной ищо, таперь мне за семьдесят. Адьё!» Что ты брезгуешь мной? Мне не двадцать, но даже и не пятьдесят... ищо. И если бы я видела тебя хоть иногда, если хотя бы раз в год могла уснуть в твоих объятиях, то... я была бы другой. Понимаешь, другой! *(Мужу.)* Ты сам виноват. Сам.

Он. Успокойся.

Она. М-м... *(Пытается взять Его руку, он отстраняется.)* Так, где? *(Хватаясь за листы как за спасительную соломинку, перебирает их.)* Вот, вот... *(Читает.)* «...А навстречу шли женщины, чьи губы забыли вкус солёного солнца, чьи плечи давно уже обнимала поздняя осень. И ей, сумевшей найти в себе силы, чтобы пережить одну только ночь, казалось, что у каждой из них есть тот, к кому на веки вечные обращены их выцветшие от слёз глаза. *(Положив листы, Ему.)* Адьё, мон ами. Теперь я смеюсь. Слышишь ты, смеюсь! Если бы я умела хорошо писать сценарии, то сочинила бы такой: «Муж и жена, квартира... и комната, в которую запрещено входить мужу. Тот ещё приёмчик в литературе, избитый такой. Там могут быть платья убиенных жён, картины, написанные для того, чтобы потрясти мир или хотя бы соседей, да мало ли что там может быть. Хотя бы и само счастье. Так вот, в комнате, придуманной женой, жила бы её любовь, не в виде «платья» или картинки-фотографии, реальная её любовь. С ней, с ним, у неё было бы всё, а с мужем... всё остальное». Я только никак не могу придумать концовку. Возможно, в финале должно произойти...

Муж. Убийство, естественно.

Она. Да-да, убийство. И муж, и любовь одновременно захотят убить эту дуру бабу. И сделать бы так...

Муж *(радостно)*. Что сначала один убивает, а потом второй...

Она *(мгновенно подхватывая)*. ...не зная ещё, что она уже мертва, убивает тоже. А потом оказывается, что в доме была ещё одна тайная комната, где у мужа было всё. О-о, это тянет на целый сериалище! И с трупом можно было бы пофантазировать. Прятушки, обознатушки разные. Прикольно так. *(Хочочет.)*

Он. Дай ей воды. Или пощёчину.

Она *(сразу успокоившись, Ему)*. Только попробуй!

Муж. Моя смерть потрясла тебя меньше. А ведь это... смерть.

Она *(кивнув на Него)*. Он, перехоронив половину родственников, не потрясён. Почему я должна быть потрясена? Мы не спали под одним одеялом, мы не половинки одного целого, мне не больно. Только странно и страшно. И жалко. Жалко мать, схоронившую сына, хотя она и не заслу-

живает жалости. Она убила моего сына той своей истерикой. Она – человек без сердца.

Муж. Моя мать...

Она. «Моя мать!» Ты всегда называл её так... «мать». А я просила тебя называть её мамой. Эту... мамой. Через полтора года после твоей смерти она приехала с подачками своими. Сказала, что ты ни разу не снился ей. А мне снился. Ежедневно! Восемь месяцев. И она сказала, что ты не снишься ей, потому что она ни в чём перед тобой не виновата. А я знаю, что виновата перед тобой, как и ты виноват передо мной. Но я ни в чём не виновата перед Александром Абдуловым и перед Любовью Полищук, перед Василием Макаровичем Шукшиным и Сергеем Довлатовым, но они снились мне! И... одноклассники мои, умершие мои одноклассники, и умершие соседи. Мне снятся живые и те, кто ещё вчера был жив. А тебе никогда не снились сны.

Муж. Иногда... Чёрно-белые, как ты говорила.

Она. А мне никогда... чёрно-белые. Мои сны не призрачны, они написаны масляными красками. А у твоей матери, как и у тебя, просто нет никаких снов. Никаких. О-о, матери ваши!

Он. Мать – это...

Она. А я кто? И я мать! Что ты дёрнулся-то? И я прежде всего мать! Зачем ты приехал? Ты... ты тоже спишь без сновидений, ты тоже... совсем без сердца.

Он. А ты... с сердцем.

Она. Оно болело в ту ночь, когда ты мчался в мой город. Как же оно болело, а ведь ты сказал, что поедешь домой. Я же просила тебя ехать домой. Моё сердце почувствовало тебя в ту ночь. Всё во мне... (*обнимает живот*) чувствовало тебя. Каждая клеточка. Даже если бы ты жил за миллиарды километров от меня, я бы чувствовала тебя.

Он. В вашей области самые паршивые дороги. Колесо полетело.

Она. Дороги. А дураков везде хватает.

Он. Тц-тц...

Она. Ты – нет, ты – далеко не дурак. Мы с ним... (*кивает на Мужа*) да.

Муж. Умный, честный, неженатый. А если женатый, то...

Она (*живнув на Него*). Он тоже женатый и тоже честный, но у него есть всё, а мы за двадцать лет разжились только гладильной доской. (*Ему.*) Что ты кривишься-то? Думаешь, нашла никудышненького? Я, выросшая на семи ветрах, смотрела на семью. Это добротная семья, многодетная, обеспеченная. Мать – настоящая семьянинка, отец – орденосец, дети, за которых никогда не бывает стыдно, никаких алкоголиков и уголовников. А в остальном разве ж сразу разберёшься. (*Стряхнув что-то со стола.*) Ревность. Она истерила тогда от ревности. Я поняла теперь всех нас, будущих и нынешних свекровей! Эта материнская ревность к ускользающим из-под крыла сыночкам – следствие отсутствия любви. (*Мужу.*) Твоя мать не знала любви. Твой отец любил другую девушку, хотел жениться на ней, но мама его, бабушка твоя добрая, написала, чтобы не смел незнамо на ком жениться, что невеста в соседнем доме подросла. Но та девушка для бабки твоей была «незнамо кто», а для отца твоего «знамо»! И он тоже к ней хоть раз в жизни да съездил! Спорим?

Муж (*тихо*). Перестань.

Она. И мстят свекрови за то, что не их любили те, кому отдали они лучшие годы свои. А твоя... У неё положение в обществе, его надо было удержать. Как же, такая семья! И с семнадцати лет в упряжке! Она же, кроме отца твоего, которому не могла простить любви его, не знала никого. У неё не было любви. Никакой. Уж лучше бы переспала с кем-ником, чем

так беситься. Из двух зол... Но нельзя и рыбку съесть, и... А в те достойные годы о-очень была важна репутация. Карьера – это деньги и всё прочее. Хотя, многие как-то умудрялись сочетать рыбку с хреном. А твоя мать...

Муж. Перестань.

Она. А помнишь, как она приезжала каждое воскресенье? С двумя маленькими дочками, волокла их вместо театра и цирка к нам, а потом сидела и тупо смотрела телевизор, нам на зло, чтобы жизнь мёдом не казалась. Твоя бабка... она же сама нашла себе сноху, а потом обижала, обижала, обижала её. И твой отец. Ты сам рассказывал. Обижал. А ей обидно. Я представляю себе эту её обиду. Помнишь, как она удивилась, что мы за ручки держимся на втором-то году супружества. Ей пригрелись между нами любовь, та самая, которой так и не узнала она. Какой уж тут внук! Что ей до внука! Тогда кричала женщина, оскорблённая женщина! Не мать! Не без пяти минут бабушка, но женщина! И бабка твоя, любимая бабушка твоя... она сына без любви оставила. Как она путает всё, любовь эта, как путает! М-м... (Ему.) Зачем ты приехал?

Он (Мужу). Это страшнее землетрясения.

Муж. А ты, когда ехал, чего ожидал-то? Самого, видать, колбасило, угадал? Она же две недели тебе не звонила, когда ты нашёлся, так ты тогда сам, сам! (Передразнивает.) Почему так долго не звонишь? Трясло, да? Молчи уж. Землетрясение.

Она (Ему). Я же кричала тебе по телефону, что на меня уже не смотрят мужчины на улице. Я же не врала. Не смотрят. Меня больше нет. Я прохожу, а они... Зачем ты приехал? (Мужу.) Он прислал мне два письма, уже из Академии, а я их так и не увидела, была замужем за тобой. А письма, естественно, пришли на старую квартиру. И хотя я то и дело туда наведывалась, соседи... твари эти, из четвёртой квартиры, потеряли его письма. Он не верит, что я их не получала.

Он. Верю.

Она. Заметно.

Муж. А ты что, ты... ушла бы... тогда?

Она. Не знаю, уже был сын... но и без него я не могла. И прожив год с тобой, я стала искать его. Я поняла, что всегда буду искать его. Ты же не знаешь, как всё было. Мы с тобой уже решили пожениться. И вот ты должен был прийти, а я домывала пол к твоему приходу, в бигуди, вся такая смешная. И входит он, уже через порог переступил, со своими метр восемьдесят два, с плечами своими, по которым я всегда буду тосковать. Я обалдела просто, я же написала ему о тебе, о том, что, возможно, выйду за тебя, и месяца три его не было, а тут он словно почувствовал, что мы решили расписаться.

Он. Я ничего не чувствовал. Пришёл, и всё.

Она. И вот я стою со шваброй, чуда такая. И говорю ему: «Сколько же можно ходить, если не собираешься жениться». И он ушёл. А вскоре пришёл ты.

Он. Ты всегда прогоняла меня. Всегда.

Она (Ему). Почему ты не пошутил тогда? Сказал бы, что женишься когда-нибудь. Я бы поверила, ждала бы тебя, сидя на том вымытом пороге до самой смерти. Откуда же я знала, что ты хотел сначала закончить институт, как-то состояться в этой жизни...

Муж (Ему). Да? Всё так и было?

Он. Так и было. Кроме неё, меня никто и никогда не прогонял с порога.

Она. Орёл!

Муж. Но вообще, правильно. Сначала нужно как-то состояться.

Она. Это ты теперь понял? Молодец! Так вот, я послала ему письмо, на которое он не ответил.

Он. После института я жил в молодёжной общаге. Твоё письмо...

Она. И твои письма! Твои письма! Я не получала их.

Он. Я верю. Успокойся.

Она. И ты... успокойся.

Он (*достав зазвонивший мобильный*). Да. Я буду завтра. Сколько тебе надо? Скажи матери, что я разрешил. Завтра. Да, завтра. (*Убирая мобильный*.) Дочь. Обновки.

Муж. Восемнадцать лет.

Он. Давно ли...

Муж. Не говори...

Она. Я поняла, почему мы, женщины, так вот все... Мы – ваши дочери. И мой отец... Красавчик. Представляю себе! За грехи ваши! По делам вашим!

Он (*отшатнувшись*). Перестань.

Она. За грехи ваши мы все прокляты, обречены. Не за Еву, нет! М-м... Зачем ты приехал? Почему я не завела свору собак, чтобы встретить тебя с ними? Ты бы тогда не посмел. А ты вломился... к одинокой женщине, которую некому защитить. (*Мужу*.) Зачем ты умер? Если бы ты был жив, он бы не посмел.

Муж. Ты хотела этого.

Она. Твоей смерти?!

Муж. Чтобы посмел.

Она. Но я же просила развода, я с самого начала просила у тебя развода. Нет! Нет! Не так! У меня не было отца, я решила, что у моего сына, несмотря ни на что, должен быть отец. Но потом, когда ему исполнилось восемнадцать, я поняла, что больше не могу. За усталость не судят! За самоотречение не судят! Это была игра в одни ворота. Может быть, я и заболела тогда из-за того, что не было больше сил. Я бы умерла, если бы осталась с тобой.

Муж. Но умер я.

Он (*Ему*). Сочувствую тебе. Не надо было...

Муж. Это наши с ней дела. Чего ты прилепился здесь, с боку припёка? Сочувствует он!

Он. Прилепился! Она так решила.

Муж (*Ей*). Я не мог отпустить тебя.

Она. Ты привык, что я есть. Ты и женился, потому что привык. Привычка – страшная сила. Мы привыкаем, прилепляемся, не можем отлепиться никак. Потом тонем, как корабли, к днищу которых поналеплялись всякие. Но... если потонул ты, то... получается, что... прилепилась я... или... мы затонули оба... Господи! (*Ему*.) Ты убежал от меня, как от мёртвой. Тебе стало страшно рядом со мной. Ты ощутил ту силу, что способна убить, да?

Он. Разве у мёртвых бывает сила?

Она. А почему мы их тогда боимся-то? Ты хоронил мать. Прости, но ты хоронил мать. И, стоя у гроба её, целуя лоб её, разве ты целовал мать свою?

Он. Я целовал мать.

Она. За полгода до начала нашей холодной войны я не во сне, а будто наяву увидела тебя... неживым. А целых два года перед этим я иногда просыпалась среди ночи, точно от удара. Потом уже вычитала где-то, что это смерть стучится в наши рёбра. В моих снах ты всегда уходил, уезжал

от меня. Незадолго до... смерти ты сказал мне, что мы вечно будем держать друг друга. Ты ушёл, чтобы отпустить меня?

Муж. Я устал.

Она. Мученик. Так сказала твоя мать на похоронах. Ты – добровольный мученик.

Муж. А ты?

Она (Ему). Парни подвыпили, один заявил, что ему не слабо ночью в склеп зайти. Не у нас дело было, в Англии, может быть. Друзья подначили, он пошёл. Один. В доказательство, что осмелится открыть гроб, должен был принести перстень с руки новопреставленного. Парень перстень снял, только хотел от гроба отойти, а тут его кто-то за горло хватя! Он и дух испустил.

Он. Что, покойнику перстня стало жалко?

Она. Шарф смельчака за что-то зацепился. Только и всего.

Муж. Всё не так было. Шарф не сам собой зацепился.

Он. А ты откуда знаешь? А... да. Прости.

Она. Мёртвые сильнее нас. (Мужу.) И ты теперь сильнее меня. (Ему.) И сильнее тебя.

Он морщится.

Она (Ему, кивая на Мужа). Он сделал нас обоих. (Мужу.) Через пятнадцать дней я хотела заняться разводом. Иначе бы я умерла.

Муж. Но умер я.

Она. Правильно, лучше смерть, чем развод. И эта подлая записочка, которую я нашла после твоей смерти: «С сыном я незнаком». Ты так и не научил его играть в шахматы, ты не читал ему книжки. Он вырос, а ты так ни разу и не поговорил с ним ни о чём. Я! Только я была твоим беспощадным солнцем.

Он (Мужу). Зря. Отец – это... Я со своим...

Муж. Я мог бы тебя полюбить! Мог! Но ты... ты...

Она. Но я бы не смогла полюбить тебя.

Муж. Где ты видала одинаковую по силе взаимность? Где? Да и не дай бог взаимной любви! Не дай бог!

Она. Дай бог вот как у нас. Хрен разберёшься. (Ему.) А ты паси, паси доченьку, не нужны ей все эти страсти-мордасти. С рук – на руки, отец – мужу. Так правильно! Так – в Писании!

Он. Да, правильно.

Она. Если бы у меня был отец, ты не посмел бы тогда куражиться. Ребёнка он заберёт! Зачем ты приехал? Ты уже забрал то единственное, что было у меня... моё. У меня же никого не было, кроме того ребёнка. Мать... она...

Муж. Я мог бы полюбить тебя. Но тебя невозможно любить. Ты сплошная сложность. Одна сплошная сложность. С тобой тяжело всегда.

Она. Неправда.

Он. Правда.

Она (Мужу). А помнишь, помнишь, как ты хохотал? Щас. (Поднимается из-за стола, встаёт словно на сцене, декламирует громко, утрированно.) Я просила тебя: не надо / Ни загса, ни в паспорте штампа, / Мы с тобою и так рядом, / Словно стол и настольная лампа. / Мы с тобою и так неразлучны, / И от тела не отлучала, / А теперь нам и ночью скучно, / Если б знала я... О, если б знала... (Поклонившись, садится.)

Муж. Это она через полгода экспромт выдала. Я тогда хохотал. Да... Мы тогда... С ней...

Он. ...не соскучишься.

Муж. А как она меня рисовала! Не поверишь! За пару секунд и так похоже!

Он. За пару секунд?

Муж. Ну! Шаржи! Но – один в один. Удивительно!

Она. Ты сохранил все эти рисунки. Я хотела их выбросить... но не смогла. Ты хранил все мои письма, записочки, списки продуктов, даже те клочки бумаги, где написано: «Будильник поставь на шесть» – ты хранил...

Он (*растерянно*). И у меня... твои письма. И фото... Все спрашивают: «Кто эта красивая девушка?» Одноклассница, отвечаю.

Она. Какая я тебе одноклассница!

Он. А что я должен отвечать? Моя...

Она (*с обидой*). Одноклассница...

Муж. И почерк мой копировала здорово. Не отличишь. Удивительно. А это... это... изобрази ему меня.

Она. Не хочу.

Муж. Она мне сказала, что у неё все парни красивые, а я...

Она (*Ему*). Когда я увидела тебя... такого. То невольно сравнила. Муж постарше тебя, а покрасивше был. Аптекарьша сказала: «Прямо перед глазами ваш муж стоит. Такой красавец был...» Он мне всё лекарства покупал там. Он как-то с годами стал...

Муж. Нашла красавца!

Она. Всегда так говорил, но... ты был красивым. Настоящая мужская красота. Несчастный просто. Несчастный.

Он. Мужчине необязательно... красота.

Она. Да, важнее состояться. Но меня всё равно покорило, что ты пооблетел, поосыпался.

Муж. Изобрази.

Она. При нём не хочу.

Муж. Не разрешила мне после первого свидания её до дома проводить, за два квартала тормознула: «Дальше одна пойду». Я ничего не понял, глазами хлопаю.

Она. Ушами.

Муж. Ушами, да. Здорово она изображала всегда, каким дураком я тогда... Я всегда смеялся.

Она. Мы много смеялись. Ругались, орали как резаные оба, но и... смеялись.

Он. Вот и досмеялись.

Муж. Тебе не понять.

Она (*Мужу, кивая на Него*). С ним мы так – никогда.

Он. Мне повезло.

Муж. Тебе... повезло.

Она (*Мужу*). Почему ты запнулся? (*Ему*.) Ты видел, слышал, он запнулся!

Он. Разбирайтесь сами. Это ваши дела.

Она (*Мужу*). Но мне тоже было трудно с тобой. Мне тоже.

Муж. Не спорю.

Она. И все те, кого ты звал замуж, все те, отказавшие тебе, они знали, что им будет тяжело с тобой. Все ищут лёгкости. Я одна согласилась быть твоей. Я одна. И те, к кому ты пошёл со своими вставными... тоже не захотели быть с тобой.

Муж. И ты больше не хотела. Не хотела.

Она. И я... Ты... умер, потому что понял, что никому не нужен. Господи...

Муж. Ты зато всем нужна. Особенно ему.

Она. Тяжело со мной... Что же вы все не отлепитесь от меня никак?

Он. Все.

Она (Ему). Ты тогда написал в своём письме, что у тебя тоже характер. (Мужу.) А эта твоя, на шестнадцать лет старше, она сказала, что ты не звонил ей тогда, когда мы только поженились, и ты целыми днями пропадал на переговорах. И писем от тебя не получала никаких. Зачем же тот черновик: «Милая, дорогая, любимая, единственная»? Зачем, если ты не ей делал предложение, не её любил?

Он (Мужу). Это всё продолжалось бы и после развода.

Она. Неправда.

Муж. Правда.

Она (Ему). Мы бы с ним пожили врозь, а потом, может быть, к старости, мы бы снова... Он никому не нужен... Да и я... И я...

Он (Мужу). Нет, рубить так рубить.

Она. Зачем ты приехал, рубака? Это наши семейные дела.

Он. Ты позвала. Ты всегда звала. Я будто слышал. И искал тебя. Ты всегда будешь звать меня.

Она. А ты искать.

Он. Нет, больше не буду. Было и... прошло.

Она. Будешь. Глядя на жену свою, будешь вспоминать меня, видя детей своих, будешь вспоминать меня, видя дом свой, будешь вспоминать. И когда хлеб, и воду когда... будешь... будешь...

Он. Нет.

Она. Да.

Муж. Будешь.

Он (Мужу). Не лезь. Это наши с ней дела.

Муж. Ты затесался промеж нас, как... Я же видел тебя ещё до того, как женился на ней. Я видел. И тогда уже понял, что ей всё равно, с кем быть, если не с тобой. Если не с тобой, то всё равно, с кем.

Она. Но всё-таки женился.

Муж. Не твоё дело. (Ему.) Зачем ты приехал? Ты... хуже меня.

Он. Но и ты ехал, летел.

Муж. Там другое. Ты ехал к телу её, которое постарело, к молодости своей, которую не вернёшь. Я ехал к душе, да, к душе. Она... (кивает на Нее) сильнее меня, мне всегда было холодно возле неё.

Она. Спасибо.

Муж. Да. И ты это знаешь.

Она. Ты говорил, что счастлив со мной! Ты говорил!

Муж. Это не счастье. Это судьба.

Он. Судьба.

Она. Судьба – ни объехать, ни обойти. (Мужу.) На твоих письмах, тех, где ты снова и снова звал меня замуж, я писала (пишет в воздухе): «Никогда!» Мне казалось, что стоит только написать, но не помогло. Я не смогла ни объехать, ни обойти тебя. Мне было интересно с тобой, но семья – это другое. Другое! Зачем ты умер? Зачем женился на мне? Смерть возле меня – это, что ли, судьба? (Ему.) Ты приехал, и с тобой нам не о чем говорить. И всегда было не о чем говорить. С ним мы говорили, говорили, говорили. Потом я, начитавшись книг, переросла его. Он, обсмотревшийся телевизора, стал скучен мне. Как и ты... теперь. Звери! (Отвернувшись от них.)

Вы звери, господа! Тот, кто первым начал образовывать женщину, поставил крест на всём человечестве.

Он (*кивая на Мужа*). А его мать? Она жестока, хотя... (*Мужу*.) Прости, конечно, но она не читает. Вообще. Ничего.

Муж. Ты откуда знаешь?

Он. И ты всё знаешь. Мы – призраки.

Она. Мать... поскольку отвернулась от мира, черства сердцем... по необходимости. (*Мужу*.) Это не я – француз гениальный сказал. (*Ему*.) У неё куча детей, внуков. И она приспособилась без любви. Она поняла, что любовь только мешает. Но думала, что наш ребёнок – плод любви. А это уже... непонятушки. И любо-овь, и дитё-о – не больно ли жирно нам будет! Только одну строчку я бы заставила её прочесть. Одну. У безумной любви не бывает плодов. Ты любишь Рахиль? А сыновей тебе будет рожать Дия. Рахиль начнёт рожать тогда, когда пройдёт горячка любви. (*Мужу*.) Помнишь, ты написал, что хотел бы, чтобы я была матерью твоих детей. Каких детей? Тех, что тебе нельзя было иметь? Всё ложь. Письма ваши. Слова ваши. Всё – либо безумие, либо горе от ума. (*Ему*.) Ты побоялся взять умную жену, но интеллект передаётся по матери. У нас с тобой был... были бы очень умные детки.

Он. Горе... от ума.

Она. Зачем же ты приехал к умной?

Он. Ты позвала.

Она. Я звала тебя. Я всегда буду звать тебя.

Муж. А меня?

Она. Ты умер. М-м... (*Нежно погладив листок, читает*.) Имя твоё... Имя-щербет, имя-скала, имя-усмешка, имя-сила. Иногда я вижу себя старухой, умирающей в казённых стенах, жизнь всё возвращает на круги своя, и шепчущей твоё имя. И посторонние люди не смогут понять, кого зовёт эта рухлядь, чьи ноги уже по щиколотку вошли в землю. И я, желающая лишь вечного покоя, буду смотреть на людей и не видеть их лиц, так старательно изображающих участие. А может быть, души пылают лишь у дураков? У всех тех, кто, дожив до бабьего лета, продолжает верить в сказки? (*Положив листы*.) Твоя мать отогревала твои озябшие ноги на своём животе.

Он. Да. Моя мать...

Муж. Всё, села на своего любимого конька. Это – её детство.

Она. Это моё детство. И вы оба никогда не поймёте меня.

Он. Надо всё забыть. И жить дальше. Не надо копаться в прошлом.

Она. Да ты что?! А чего же ты тогда столько раз вспоминал, говорил мне про эти твои озябшие ноги?

Он. Это хорошие воспоминания. К ним стоит возвращаться. Они помогают мне жить.

Муж (*кивая на Неё*.) Поэтому ты не мог её забыть? Летел как подорванный. Воспоми-на-ния.

Она (*несколько секунд смотрит оторопело на них обоих, потом едва ли не кричит*). И я живу своими воспоминаниями! Своими воспоминаниями!

Муж. Ты должна была их забыть.

Он. Должна.

Она. Ну-у вы... оба! Да-а!

Он (*Мужу*). Мы оба...

Муж. Не примазывайся.

Она (*Мужу, кивая на Него*). Он говорит, что в душе большевик, что весь там, откуда мы родом. А сам испугался нашей с тобой бедности. Он

бежал от неё, как... Он ехал к женщине, которой можно похвалиться, которой можно простить старость и лишние килограммы. Его гнало тщеславие. (*Ему, показывая на Мужа.*) Это он – большевик. Он никогда не хотел быть начальником. Он немного странный. Мечтая быть писателем, ничего не писал, жизнь подменил телевизором. Но всё равно он – настоящий большевик. Это кресло он сделал своими руками на моё сорокалетие. И сердечко... своими руками вырезал. А ты – сноб.

Он. Кто?

Она. Сноб. Снобьяра. Уважающая себя сноберятина. Мной нельзя похвалиться. Ни ногтей, ни связей, ни роскоши, ни славы. Ничего! Я – крестьянка, девушка, нет, бабушка с пролетарского района.

Он (*достав звонивший мобильный*). Да. Я же сказал: завтра буду. Ну и что, что завтра уже через два часа. Я буду завтра. Я сказал. Всё.

Она (*закрыв от Него рот ладонью*). Он сказал... (*смеётся*), что дома больше месяца не выдерживает. Обязательно куда-нибудь уезжает. Представляешь?

Он (*убирая телефон*). Что в этом смешного?

Она. Ты несчастлив.

Муж. Она права.

Он. Ты был так счастлив, что умер от счастья.

Она (*Мужу*). Он не большевик.

Муж. Он не большевик.

Он. Я большевик.

Она. Большевики от жён не бегают.

Он. Плоско.

Муж. Нет, нормально.

Она (*Ему*). Сколько у тебя таких, как я, товарищ?

Муж. Зря, не стоит он.

Он (*Мужу*). Ты стоишь!

Некоторое время оба неприязненно смотрят друг на друга. Она, взяв листы, постукивает ими по столу, выравнивая стопку по краям.

Она. Либо ангел сейчас пролетел, либо милиционер, пардон, полицейский родился. Или, наоборот, и пролетел... полицейский. (*Положив листы, Ему.*) О чём задумался, мой генерал? Жизнь, да?

Он. Да.

Она. А может, споем, чтобы не было так мучительно больно?

Муж. Сейчас?

Он. Я помню, ты всегда любила петь. И гитара... Я вспоминал.

Она. Но мы ни разочка не спели вместе.

Он. Я слушал.

Она. Ты, да-а... всегда был немногословным. Я так удивилась, когда услышала твои монологи по телефону. Жаль, в восьмидесятые не было мобильных. Если бы были, мы бы не потерялись. Мы бы с тобой не стали добычей тех тварей из четвёртой квартиры. О-о, как пристально они следят за чужими судьбами! Недавно подловили паренька, к девочке семнадцатилетней ходил, и говорят: «Ты с ней не встречайся, сынок. У неё мать проститутка, а отец алкоголик, подумай, какие дети у вас будут». Мальчик и перестал встречаться. А «проститутка» троих родила, на двух работах погибает, и муж её второй, отец двух младших её детей, тоже работающий, и в жене души не чаёт. Да и проституткой-то никогда не была. Вы ведь все, пока жениться надумаете... той ещё прослывьёшь.

Он. Судьба.

Она. Рок.

Муж. Рок.

Она (сначала напевает тихонько, без слов, потом поёт негромко, фроникновенно).

*Вырастешь большая, отдадут ты замуж,
Ой люшеньки-люли, отдадут ты замуж.
Отдадут тебя замуж во чужу деревню,
Во чужу деревню, в семью несогласну.
Ой люшеньки-люли, в семью несогласну.*

Она (горестно, по-бабьи). Некому было меня замуж отдавать, с рук на руки передавать. Ни отца, ни брата, ни матери... заступницы. Как я ждала её всегда, как ждала. Потом и ждать перестала. Сама себя замуж выдала, сама себе судьбу выбрала.

Он (Мужу). Заметь, только что вы были заодно. (Ей.) Только не плачь. Я не могу, когда женщина плачет.

Муж. А я привык. Эти её перепады настроения...

Она (наигранно, с жестикуляцией). Это пульсация таланта! Это нерв! Это горячая кровь! Чем хуже характер, тем лучше работник! Сложная, но сладкая! Как щербет. (Ему.) А несложные не такие сладкие, да?

Он (улыбаясь). Да. (Спохватившись.) Такие перепады настроения обычно бывают у...

Она. Кто-то сначала говорит «нет», потом «да», кому-то дома не сидится больше месяца, кто-то летит как ненормальный. Кому-то помолчать бы о душевном здоровье.

Он (Мужу). Но ты-то меня понимаешь?

Муж. Я ехал к женщине, которая не плакала. А ты... Она же и по телефону... Как ты мог?

Она (Мужу). Когда я просила тебя не ездить к ней, тоже плакала, но ты... тоже. Не надо теперь. Все мы... только о себе.

Он (Мужу). Вот именно.

Она (Мужу). Как скучны были все ваши, наши праздники. В твоей семье не любили петь. И все эти застолья, эти праздники без песен...

Муж. Нет, иногда мы пели.

Она. Иногда.

Муж. Одну-то песню я всегда пел.

Она. Одну.

Он. Какую, если не секрет?

Она. Угадай.

Он. Мало ли песен...

Она. И у каждого, почти у каждого есть одна любимая. Даже странно. (Ему.) А у тебя какая? Что-нибудь революционное, да?

Муж. Контрреволюционное.

Он. Тц-тц...

Она (запевает в полный голос).

Ой, мороз, мороз,

Не морозь меня...

Муж громко подхватывает, Она теперь лишь подпевает.

*Не морозь меня,
Моего коня.
Моего коня
Белогривого.
У меня жена
Ой, ревнивая.
У меня жена
Раскрасавица,
Ждёт меня домой,
Ждёт, печалится.*

Она замолкает.

Муж. *«Я вернусь домо-ой...»* Ты чего замолчала?

Она. Потому что не вернёшься. Домой.

Муж. Не вернусь...

Он. А у вас нормально так. Слаженно.

Она. Только в этой песне. *(Мужу.)* Ты, когда пел её, всегда так смотрел на меня. С гордостью, что ли. Да... смотрел. *(Вздыхает.)* Иногда подпевал твой отец. Твоя мать не любила, когда он начинал подпевать. Казалось бы, «жена-раскрасавица», а она не любила.

Муж *(растерянно)*. Перед смертью отец жаловался мне на мать. *(Смеется.)* Он уже не мог с ней на один дачный участок ездить. На свой ездил, только бы...

Она. Полвека вместе, туда-суда, туда-сюда перед глазами... одна и та же. И не та.

Он. Полвека – это... Не та!

Она. В этом есть что-то нереальное, в этом «полвека». Когда я в первый раз назвала твоего отца папой, он сказал: «Спасибо». Для меня не было никакой сложности называть свёкра папой. Кого-то же должна была я хоть когда-то называть... папой.

Он. Мой отец...

Она *(Ему)*. Я недавно поняла, что есть что-то странное в наших с тобой судьбах. Мы познакомились с тобой январским вечером, а через шесть лет, день в день, вернее, вечер, родился мой сын. И когда тебе и мне было по тринадцать, не стало наших отцов... Только ты знал своего, а я... совсем не знала. Ты вырос в отцовской любви. Когда он погиб, ты был почти взрослым.

Он. Почти. Почти...

Муж. Не вернусь...

Она. Боже мой, это какое-то неистребимое сиротство. Это моё детство. И снова, снова!

Он. Все мы тут...

Она. С рук на руки... Не знала я защиты отца моего, отказался он от плоти и крови своей. Не знала я любви матери. Сейчас говорит, не я тебя воспитала – государство. А я, говорит, мальчика-сироту растила. У него же мать умерла. А я, говорит, ему на горку сменные варежки носила, чтобы в мокрых рученьки у него не мёрзли. Мать, говорю, а я всё детство – без варежек. Как мёрзли рученьки мои! И по ночам как мёрзла я. И не живота твоего, ни дыхания твоего не было рядом. Как кричала тебе бабка сироты того несчастного, что не понимает, как можно растить чужого ребёнка, а своего... государству сдать. Но не услышала мать моя крика того.

Да и как ей было услышать? И она семьи не знала. Дети войны... Отцы их – и в России, и в Европе головушки свои сложили. Как всё трудно в нашей стране. Многострадальные предки наши. Да и мы... Из беды в беду, из огня да в полымя. Как могла меня мать моя на ноги поставила, в куске не отказывала. Хоть и в казённом доме я выросла, а всё ж выросла. Но отчего же всю жизнь душа мается? Отчего же нет ей покоюшка?

Он (Мужу). Только бы не расплакалась.

Муж. Об... этом она – без слёз.

Он. О чём?

Муж машет рукой.

Она. Говорю матушке: «Не всё знаешь обо мне, не всё ведаешь». (*Раскачиваясь из стороны в сторону.*)

*А она в ответ: «То судьба твоя,
То судьба твоя, судьба горькая.
Разве ты одна через то прошла?
Не могла же я обо всём забыть
И пасти тебя, не спуская глаз.
Позабудь про всё, чтоб не маяться».
Как не маяться, когда в сердце – нож,
А как вспомнишь всё, жить не хочется.
Зачеркнуть бы жизнь, начать сызнова,
Только сызнова не получится.
Ох, тошнёхонько, нету моченьки,
Что без детства я, детства ясного.
Заблудилась, заплуталась...*

Он. К психологу надо было... в своё время.

Муж. Чего теперь...

Он. Я не знал.

Муж. А и знал бы, то что? Молчишь?

Она (*поднявшись, выходит из-за стола, низко кланяется им обоим*). Простите меня, оба простите, что на дороге вашей встретилась. (*Садится.*)

Он (Мужу). Я не пойму, это она серьёзно сейчас? Или опять... Как это у вас... домашний спектакль?

Муж. Это она серьёзно. Чего ты приехал-то, если не знаешь её совсем?

Он. Ты, я смотрю, узнал. И побежал. Ешь с голоду, гуляй смолоду. Ходок.

Она (Ему). Я сейчас ударю тебя.

Он. Слушай, отпустила бы ты меня. Дома ждут. Обещал. Я привык выполнять обещанное. Сижу как привязанный. Перестань думать обо мне.

Она (*передразнивая*).

*Отпусти меня, моя милая.
Мне домой пора, обещался я.
Выполнять привык, что обещано.
А сижу вот тут как привязанный.
Твои думушки крепче... блин, крепче...*

Муж. Крепкого.

Она. Спасибо. Из-за меня, говорит, да?

Муж. Не говори!

Он (*посмотрев на обоих как на ненормальных, Ей – раздражённо*). Перестань думать обо мне.

Она. Сам перестань. Ты думаешь, и я думаю. До смерти нам с тобой думки эти.

Он. Нет, я всё. Я – пас.

Она. Не получится.

Муж. Она права.

Она (*Мужу*). Он думает, раз увидел меня старухой, так и всё. Не-эт, старичок. Ты всё увидел, всё. Теперь-то тяжелее. (*Смеётся старушечьим смехом. Отсмеявшись, говорит серьёзно.*) А хороша я была? Хороша? Хороша. Кабы знала тогда, как хороша. Кабы знала.

Он (*с обидой*). Ты раньше яркая была. Глазам больно, какая яркая. Красилась, пусть. А теперь... Некоторые в твоём возрасте, знаешь...

Она. Зна-аю. И рада бы, да не могу. Сыну моему сейчас столько, сколько тебе было, когда встретились с тобой. Его пора цвести. Его время с девушками... восемнадцатилетними по «тёмным аллеям» гулять. А он... Сыночек мой... Мальчик мой... Мне ли краситься? Мне ли старичков завлекать? А старичок ой как нужен. С готовыми внуками. Внуки – это хорошо. Это как снова жизнь. Нелепая эта вот жизнь. Ну и пусть, что нелепая.

Он. Меня винишь?

Она. Себя виню. Зачем ты приехал?

Муж (*устало*). Ты ни мне, ни ему покоя не даёшь. Письма перечитываешь, фото с видео пересматриваешь. А нас больше нет, мы – призраки.

Он. Но я...

Муж. А ты особенно. И всегда им был. Не тебя она помнила, не по тебе тосковала.

Он (*помотав головой*). По мне! По мне...

Муж. Нет.

Она (*Ему*). Он прав.

Он. Ты никогда не забудешь меня. И сама это знаешь.

Она (*преувеличенно, Мужу*). С тех пор, как ты умер, я перестала читать газеты. Мне некому их приносить. Как мы любили с тобой газеты! Помнишь, как смеялись соседи, когда я, закрыв дверь на цепочку, не пускала тебя в дом, пока не скажешь пароль. Помнишь?

Он. А у вас действительно...

Муж. Мы жили, как умели.

Она. Как не умели.

Он. А какой пароль-то?

Она. Угадай.

Он. Угадай, как зовут мою жену.

Она. Паролем были названия газет, которые он покупал по дороге домой. Или приносил от родителей. Это так здорово – свежая пресса!

Она и Муж понимающе смеются.

Он. А мы с женой как-то...

Звонит мобильный, Он сбрасывает звонок. Некоторое время Муж и Она потрясённо молчат.

Она. Да-а... Здесь, у нас, интереснее. Да?

Он. Не в этом дело.

Муж. Да в этом, в этом!

Она (Ему). У нас как в кино. *(Мужу.)* После твоей смерти я просмотрела старые газеты и поразились тому, что в этой жизни мало что меняется. И десять лет назад говорили о том же, о чём говорят сейчас. И полвека... это не срок. Весь мир, снова и снова... на те же грабли.

Муж. Помнишь, как в том фильме, американском, герой говорит о птицах, которые постоянно гибнут, разбиваясь о стекло на веранде его дома? Сколько их должно погибнуть, чтобы запомнили наконец?

Она (Мужу). А я недавно французский фильм смотрела, про мужиков, которые, когда узнают, что подруга забеременела, так ныть начинают, что не готовы ещё... что и не хотели. Разных национальностей мужики, разных социальных слоёв. Представляешь, во всех странах, во все времена одно и то же, одно и то же... Разбитые стёкла, разбитые судьбы. Какие там полвека!

Он. Полвека – это...

Она. Если есть любовь.

Он. В браке это необязательно.

Она. Обязательно! Обязательно! Когда есть любовь, всё по-другому. Всё вообще! Весь мир! Когда есть любовь, мы не стареем. Совсем.

Он. Он выглядел на тридцать пять.

Она. Он любил.

Он. Но не тебя.

Она. Меня никто не любил.

Он. Но выглядел на тридцать пять. Не зависит это от любви.

Она. Он любил газеты. И я их любила. Мы смотрели в одну сторону. Это тоже любовь, когда... в одну сторону, а не в разные.

Он. С любовью своей... Кто её видел? Кто её трогал? Что это такое вообще? Год можно любить, два, ну три, а потом...

Муж. Чего же ты летел-то тогда? Три...

Он. Нахлынуло. А жили бы вместе... не нахлынуло бы.

Она. Полвека, да?

Он. Да, да, полвека.

Она (Ему) Я не верила, что снова увижу тебя. И иногда думала, что мы... *(Мужу)* с тобой, когда снова сойдёмся, после всех наших поисков и ожиданий, и осознания, что мы... обречены быть вместе, то тогда будем такими... настоящими стариками, что-то понявшими в этой жизни. Мы бы, наверное, много смеялись с тобой над тем, какими же мы были дураками. Наивными и жестокими дураками. Или плакали бы... *(Ему.)* А тебя я вижу старым. Ты проживёшь долго-долго, но не будешь счастлив.

Он. Я уже счастлив.

Она. Тебе это только кажется. Ты не чувствуешь возраста.

Он. Это и есть счастье. Нет?

Она (кивнув на Мужа). Спроси у него. Он знает.

Он. А ты?

Она. Счастье... это когда тебе очень хорошо и немножечко больно оттого, что ты понимаешь, что всё пройдёт. И когда тебе... не всегда восемнадцать. *(Мужу.)* Я думала, что больше никогда не увижу тебя.

Он. Это естественно.

Муж. Не для неё.

Он. Сила воображения?

Она (Мужу). Тот, мой последний сон о тебе. Ты, я и сын... в каком-то доме. Ты такой хороший. Мы же все иногда бываем очень хорошими.

Я попросила тебя: «Останься». А ты ответил, что тебе пора. И мы с тобой вышли из дома, и ты сказал, оглянувшись: «Оставайтесь...» И мы пошли с тобой. Вдвоём. Кругом снег. Двор маленький, на три шажка. Доски забора, иссохшие от миллиона ветров. И калитка... настезь. И мимо неё едут подводы сами по себе, без лошадей. На них – люди, люди... Со своим скрбom немудрёным, только самое необходимое, но почему-то очень яркое. Мёртвый снег кругом, серые доски забора, и эти разноцветные тряпки, посуда, люди... Их много. Они серьёзны. Дорога идёт в гору. Я оглядываю её всю и не вижу ни начала, ни конца. И ты на ходу запрыгиваешь на одну из подвод, и всё. Господи, как же я плакала. Я ничего не понимаю в этой жизни. Ничего. Господи...

Он достаёт мобильный.

Она. Ты прав, ты прав. Главное – успеть.

Он. Странно, отключила.

Она. А сын? Сын?

Он (*неуверенно*). Он болеет.

Она и Муж (*вместе*). Звони.

Он. Недоступен.

Она. Дочери звони.

Муж. Звони.

Он (*показывая телефон*). Отключила.

Она. Она что-то почувствовала.

Он. Дочь?

Муж. Жена.

Он. А что она могла почувствовать? Было и... прошло. Всё прошло.

Она (*тяжело вздохнув*). Здесь интереснее... кино.

Муж. Я знаю, что ты плакала.

Она. Ты приснился так, чтобы я всё поняла о себе...

Он (*показывая телефон*). А если там что-то случилось?

Она. Просто отключили телефоны. Обиделись. Ты умеешь быть жестоким. Ты приехал через год после смерти мужа, я только-только начала приходить в себя. Я говорила тебе, что у меня больной сын и куча проблем. Ты не знаешь этой жизни, когда у тебя страдающий ребёнок. Это совсем другая жизнь. Какие там развлечения, нормальная работа! А ты приехал, чтобы увидеть всё это... (*оглядывается вокруг*) и это... (*показывает на себя*) и уехать. Убежать. И замолчать. А мне уже больше ничего не нужно было от тебя. Ни рук твоих, ни поцелуев. Быть может... голоса в телефонной трубке. Иногда, раз в пару-тройку недель. Но ты словно умер. Я тоже умерла. И воскресла через несколько дней ради сына. Когда у тебя есть дети, трудно добровольно уйти из жизни. Мы призваны служить им до последнего своего часа. Господи, как я ждала твоего звонка. Как ждала!

Он (*убирая телефон*). Было и прошло.

Она. Ты бы видел, как я поднималась. Я словно получила удар в живот. Врачи сказали... последствия стресса. Да, это я уже говорила. И как-то сразу рухнуло всё, что я с таким трудом наладила. Здоровье, работа. И отношения с соседями. Ну почему им всегда так скучно в своих семьях? И привычные мои мысли о тебе, любовь моя рухнула. Я оказалась перед зеркалом, в котором увидела свой настоящий возраст, а не те годы, на которые выглядела. И всю свою будущую жизнь я увидела, где уже никогда не будет настоящей семьи с общими детьми, итальянского дворика, надежд

на то, что можно разойтись в любой момент и найти кого-то ещё. Или того, кто снится тебе четверть века. Теперь я знаю, что итальянский дворик... это не от Бога. Но мы, почти все мы не умеем по-другому. Нам кажется, что страсти – это и есть жизнь. А это не так. *(Пауза.)* За несколько дней я похудела на десять килограммов...

Он. И снова набрала их. Очень быстро набрала.

Она. Это нервные килограммы! Нервные! И не морщись здесь! Думаешь, я не знаю, почему ты заглох, заткнулся, замолчал? Ты испугался. Ты понял, что я, вот такая, с лишними килограммами, с фиг знает откуда взявшимся ростом, с лицом, не тем, какое было двадцать пять лет назад, с замаскированными сединами, я... я... Всё равно, всё равно... И когда я целовала тебя, ты... ты... поплыл, поплы-ил...

Он. Нет, нет. Было и прошло.

Муж. Смени пластинку, пловец.

Звонит мобильный.

Она. Телефон звонит, не слышишь?

Он. Никогда...

Она. Какая же ты...

Он. Ты, ты никогда не забудешь меня. А гнала. И не забудешь.

Муж *(пощёлкав в воздухе пальцами)*. Алё, телефон звонит.

Она *(Мужу)*. Нет, ты понял, да?

Муж. Ну.

Он *(достав телефон)*. Наконец-то! Да не мог я, не мог говорить. Тут дороги... те ещё. Нет, я здесь по бизнесу. Ну помню, всегда помнил этот город. Чего ты хочешь, столько лет... Но сейчас... по бизнесу. Я же сказал: скоро буду.

Она *(взяв фото и глядя на снимок)*. Мне тоже было холодно. Всегда. А в тот день... В тот поздний ноябрьский вечер...

Он *(в трубку)*. Деньги дала? Только из-за этого звонишь?

Она *(глядя на снимок)*. Особенно зябко. Я подумала, что живу как-то не так, что по-настоящему никому не нужна. Ни отцу, ни матери, никому совсем. Мне было очень плохо.

Он *(в трубку)*. Да пусть покупает. Тебе-то! Ей носить.

Она *(глядя на снимок)*. Как тогда, когда мне, пятилетней, хотелось, чтобы меня отпустили, разрешили убежать, спрятаться под стол, забиться под кровать, взлететь в небо, раз и навсегда оставив эту забытую Богом планету.

Он *(в трубку)*. Уснул? Кашляет во сне?

Она *(глядя на снимок)*. Я написала записку...

Муж. Она поразила меня, та твоя записка. Это бухгалтерский отчёт, а не предсмертное письмо.

Она *(глядя на снимок)*. Я должна была объяснить причину? Но её не было.

Он *(в трубку)*. Завтра буду. Через двадцать минут уже завтра? Но оно будет длиться двадцать четыре часа.

Она *(глядя на снимок)*. Дверь я оставила незапертой. Неприятно, наверное... этот грохот, когда выламывают двери, когда соседи, любопытство...

Он *(в трубку)*. Всё. Завтра буду. *(Убирает телефон.)*

Она *(отложив снимок, говорит, глядя на Мужа)*. Я приняла сорок или шестьдесят таблеток, простилась со всеми и легла. И уснула. Меня разбу-

дил он. Не ты, мой будущий муж. А он. Он не приходил месяца два, если не больше.

Он (*Мужу*). Она сказала, чтобы я не приходил больше. За два месяца до этого сказала.

Муж (*Ему*). Но ты... всё-таки...

Она. В тот вечер он пришёл, как чувствовал.

Он. Я ничего не чувствовал, ничего, просто пришёл, и всё.

Она. И всё. И мы пошли в кафе. И мне стало плохо.

Он. Я вызвал «скорую».

Она (*Мужу*). Когда он разбудил меня, первое, что я подумала, – не судьба. Сейчас я понимаю, что кто-то всё время наблюдает за нами. И этот кто-то знал, что я не заслуживаю *такого* конца. Оставленный родителями ребёнок... (*Ему*.) Подруга нашей с тобой молодости сказала недавно, что когда я встречалась с тобой, то была... ребёнком. С высоты нашего нынешнего возраста, это так и есть. Нас было четыреста... подранков в том казённом доме для детей из неблагополучных семей. Четыре сотни маленьких сокрушённых сердец. Герой одного фильма говорит, что такие, как мы... вообще не должны жить. Четыреста душ... не должны. Господи... Кто-то показывал мне, что здесь, на земле, предадут даже своих детей. Чего же ты ждёшь, девочка, от совсем чужих людей? А я не поняла, я ничего не поняла.

Муж. Чужих...

Она. Разве нет? Ни ты, ни он... вы не стали мне родными.

Муж. А почему сейчас-то мы здесь?

Она. Это другое, совсем другое. (*Пауза*.) Мы, не знавшие нормальных семей... не должны жить, а вы, выросшие в понимании нормы, почему же вы такие... Почему? (*Ему*.) В тот вечер ты отыграл меня у смерти... в шахматы.

Он. Я не умею играть в шахматы.

Она. Умеешь.

Муж. Умеешь.

Он (*с удивлением*). Я... в нарды больше люблю.

Муж. Да?

Он. Да.

Муж. Странно.

Он. Странно, что ты камээс по шахматам, а тоже – в нарды.

Муж. И она... в нарды. А ведь, согласись, нарды... там – случай, везение, кости как выпадут. Шахматы – как сама жизнь.

Он (*машет рукой*). А-а, и там не сам себе хозяин.

Она. А потом, потом... Всё самое страшное произошло потом. А если бы, то... Только я одна. Я одна.

Он. Ты одна.

Муж. Ты одна...

Он (*Мужу*). Я не хотел.

Она. Или это всё... так, как нужно тем, кто всегда видит нас. А? Или... как кости выпадут. Как-то глупо всё, да?

Муж. Да, как-то...

Он. Да.

Некоторое время все трое растерянно смотрят друг на друга.

Она (*Ему*). Если ты спас человека, то обязан, понимаешь, обязан следить за его судьбой. Ты вроде как в ответе за того, кого спас. Ты словно Бог получаешься. Я же только недавно узнала, что означает твоё имя.

Муж. И что?

Она (*вслушиваясь в то, что говорит*). Богом послан. (*Ему.*) Да?

Он. Наверное...

Муж. Удивительно.

Она. Ошибка ведёт к смерти...

Он. Что?

Она. Мы отказываемся от того, что посылает Бог. Думаем, что сами с усами. Ломаем судьбу и получаем смерть. (*Мужу.*) Как твой друг. (*Ему.*) У него был друг. У друга – жена, дочь-подросток. Жить бы да жить. Всё у них нормально, хм. Обычный итальянский дворик. Судьба. А он, друг его, взял и всё поломал. Женился на другой. Она родила ему мальчика, совершенно больного мальчика, не такого, как у нас, – совсем-совсем больного. Через три года умерла сама. Через семь... муж. И осталось на земле это никому не нужное растение, ни в чём не виноватый мальчик. Заложник дьявольского сравнения. Как вообще всё...

Муж. Богом послан...

Он. А ты гнала.

Она. А ты отказался от ребёнка, нашего с тобой ребёнка. А ведь он тоже...

Он. Нашего.

Она. Нашего. А сколько времени сейчас? (*Пытается взглянуть на часы на Его руке.*)

Он (*убрав руку*). Семь.

Он (*поднимаясь из-за стола*). Наконец-то! (*Встает лицом к зрительному залу.*) Вот где ещё интереснее кино.

Он. Ещё интереснее?

Она. Красивее.

Муж. Только немое. (*Жене.*) Что, опять?

Она. Ну.

Муж. Втроем?

Она. Ага, наверное, генеральная репетиция.

Муж (*поднимаясь*). Ну-ка...

Подходит к Ней, становится рядом.

Она (*не оглядываясь*). Иди сюда. Это красиво.

Он (*остановившись*). Что там?

Она. Быстрее же, ну! Пропустишь самое интересное.

Он подходит к ним, становится рядом, все трое смотрят в зрительный зал.

Она. Когда-то и я была такой. Только танцевать никогда не любила. Петь – да.

Он. Что это?

Она. Эта соседская девочка всегда танцует. И никогда не задёргивает шторы. Ей лет восемнадцать, она живёт так близко, могла бы стать... моей снохой. Женой моего сына. Второго... или первого.

Он. Перестань.

Она. Или первого.

Он. Музыка не слышно.

Она. Осень. А летом, когда открыты окна, то...

Муж. Да, не очень, но слышно.

Она. Всё-всё, сейчас начнут. И мальчики какие, да?

Он. Когда-то и я был таким.

Она. Да. У тебя было божественное тело. Сейчас уже... и живот, и опавшие плечи. Всё сам, всё сам. Ты приснился мне, сказал, что теперь вот можешь жениться, а я уже замужем была. Три года была замужем.

Он. Я в тот год приехал в твой город, искал тебя... по девичьей фамилии. Приходил на старую квартиру, мне сказали, что ты уехала. А я искал. Именно в тот год, когда приснился тебе. Удивительно.

Муж. Да... Здесь нет ничего тайного.

Она. У этой девочки всегда такой яркий румянец появляется, когда она танцует.

Он. Как у тебя когда-то.

Муж. Какими же мы были!

Она. Если бы знать...

Он. А парня два...

Она. Два.

Муж. Целых два.

Она. Им так далеко до осени...

Муж. Нам, что ли, попробовать?

Она. Ты тоже никогда не любил танцевать. Чего уж теперь-то. Да и не получится у нас так.

Он. Лучшие годы. Другая жизнь. Совсем другая. Помнишь, как я шутил, что мост назовут моим именем?

Она. А я всё спрашивала: «Неужели в вашем городе нет девушек?» Но ты не любил меня, всё-таки не любил. Героически так ездил из своего города в мой и... не любил. А теперь нас разделяют сотни мостов, ты живёшь так далеко.

Он. После института, как распределился...

Она. Какая она, да?

Муж. Да.

Он. Ты была ярче.

Она. Обёртки, фантики.

Он. Всё здесь... фантики.

Муж (*обернувшись к Нему, кивая на Неё*). Она... была послана тебе Богом.

Он. А жена моя кем?.. Что молчишь?

Слышится шум дождя. Медленно гаснет свет.

Она. Вот и дождь. Осень. Когда он умер, была аномальная жара. И кладбище было тихое-тихое, жёлтое от высохшей травы. Там было так хорошо, спокойно. Давным-давно я видела сон, что мы лежим с ним в одной ограде, наши могилки рядом. И два красивых памятника. По датам выходило, что мы долго прожили.

Постепенно шум дождя становится сильнее.

Он. Сны у тебя...

Она. Я рассказала ему тот сон. Он радовался, что... долго. А в последние полгода, когда я болела, я сказала ему, что если умру, то пусть меня похоронят где-нибудь... на другом конце кладбища. Я больше не хотела с ним лежать в одной ограде, не хотела.

Темнота. Сильный шум дождя. Звонит телефон. Постепенно шум дождя становится слабее.

Её голос. Да, слушаю.

Его голос. Здравствуй.

Её голос. Здравствуйте.

Его голос. Это я.

Её голос. Не узнаю...

Его голос. Я должен увидеть тебя.

Её голос. Кто это?

Его голос. Я. Я должен увидеть тебя.

Её голос. А-а... ты. Увидеть? Зачем? Было... и прошло.

Его голос. Я должен.

Несильный шум дождя. Появляется свет. Она стоит, смотрит в зал. На сцене всё по-прежнему, только стол ничем не накрыт. Входит Он.

Он. Здравствуй.

Она. Здравствуй.

Он (*оглядывая её с ног до головы*). Ничего не понимаю, ты стала как тогда.

Она. Когда я встречаю бывших одноклассников, то сначала тоже не узнаю, а потом... это они, всё те же. В прошлый раз ты увидел меня через четверть века, вот и обалдел, а теперь... будто всё вспомнил. Ведь прошёл всего год.

Он. Да, год. Всё было как во сне. Я словно был здесь всё время и... (*Оглядываясь.*) Ты одна?

Она. Он больше не приходил. И не снился мне больше. Садись.

Они садятся за стол. Он – в кресло, она – на табурет.

Он. Здесь ничего не изменилось. Хотя какой-то ремонт могла бы...

Она. Ты всегда был необыкновенно чистоплотен и аккуратен. Образцово-показательная комната, костюм без единой соринки. Мы уехали отсюда. Я никогда не любила эту квартиру. Её выбивала свекровь в начале 90-х, а после смерти сына забрала. Она всегда считала её своей.

Он. Но вы с сыном тоже имели право. Нужно было через суд.

Она. У неё молодые дочери, моложе меня. Мой сын не должен оставаться один, когда меня не будет. Всё-таки родня...

Он. Всё верно. Хотя...

Она. После твоего отъезда я, много думая о тебе, понимала, что сочинила тебя, но, видно, за четверть века так привыкла к мыслям о тебе, к хорошим мыслям, что никак не могла возненавидеть тебя за твою жестокость, за каприз – захотел и приехал, не подумав. Моя жизнь всегда была для тебя пуляком.

Он. Как и моя для тебя.

Она. Возможно, ты прав. Сейчас я жалею тебя, того, молодого мальчика, с твоими непростыми детством и юностью, с твоей... всё же правильно-стью, совестью. То, что было между нами, какой-то морок. Мы оба словно поддались чему-то... недоброму, да?

Он. Я не знаю.

Она. Ты продолжал мне снится. В этих снах мы любили друг друга, но потом ты всегда уходил.

Он. Ты, наверное, прогоняла.

Она. Нет, ты сам. Так странно, сначала мы вместе, потом... я остаюсь одна, хожу по улицам, каким-то незнакомым мне, лестницам, пытаюсь звонить по телефону. И не могу дозвониться до тебя.

Он. Я снился тебе молодым?

Она (*высокомерно*). Конечно. Я бы перестала уважать себя, если бы... с таким. Никогда не ходи на свидания к мужчинам с седой грудью. Тоже умная одна сказала. (*Грустно.*) Ерунда какая-то. Этим седым мужчинам тоже хочется немного тепла. И стареющим женщинам. Всем нам хочется только одного – тепла. И рук, которые всю ночь держат тебя в своих объятиях. Я когда-то от одной услышала, тоже вдовы: «Я у своего Серёженьки двадцать лет на рученьке проспала». Не на подушке – на рученьке. Если есть рай, то пусть он будет таким. Ты же понимаешь, что не был суперменом... во всех смыслах. И никакой страсти у меня к тебе никогда не было.

Он. А что же было?

Она. Не знаю. Но только не страсть. Страсть... это... Нет, что ты. Тогда, когда ты приехал через четверть века, я целовала твои руки, лицо, поредевшие твои волосы, но... не губы, нет. Если бы ты остался... Я же тебе об этом говорила тогда... Ты бы вот уснул, гнал же как ненормальный. Ты бы вот уснул, а я бы могла сидеть рядом с тобой, и всё. Или лежать рядом, и всё. Помнишь, как в молодости, когда ещё... И мы просто спали рядом друг с другом. Ты... рядом. Как часть меня. Как часть моей жизни, моей молодости. И старости моей.

Он. И старости моей...

Она. А чтобы всё было у нас... наверное, мне бы пришлось ещё какое-то время посидеть рядом, как верной собачонке, пока ты спишь. И так было бы правильно. А сразу... нет.

Он. Но в твоих снах... мы любим друг друга.

Она. И я люблю эти сны. Но в своих снах, во всех за всю жизнь я ни разу не испытывала стыда. Даже в юности, когда я краснела от слов и взглядов. Наяву краснела, а во сне... никогда. Сны – это что-то другое. Это не совсем мы.

Он. А в таких своих снах... ты всегда только со мной так?

Она. Да. Только ты. И я. И никакой страсти. А только словно... То же самое, наверное, испытывают безногие, видя себя во сне... на своих двоих. А ты спросил меня тогда: «Что, так и не нашла никого лучше меня?» Ты же всё понимал. При чём здесь – лучше, хуже. Все мы ищем своё. Но даже если находим, то...

Он. Да...

Она. А ты неплохо держишься... несмотря на беду.

Он (*отшатнувшись*) Откуда ты знаешь? Из газет?

Она. Какие газеты, что ты? Я так и не читаю их больше. Как отрезало. Но это неплохо. В духе времени. Скоро их совсем не будет. Дьявольский интернет скоро заменит всё, даже руки, которые обнимают тебя всю ночь. (*Отстраняясь от Него.*) Ты правильно делаешь, что не показываешь никому, как тебе плохо. Иначе добьют. В нас не осталось жалости. Мы не видим лиц, не слышим того, что говорят. Нам не жалко умерших. Мы даже рады, говорим: «Отмучился». И ты... зря приехал. Что будет, то и будет.

Он. Не надо... так. (*Посмотрев на пустой табурет.*) Может, в комнату пойдём? Мне всё кажется, что он здесь.

Она. А где же ему быть, конечно, здесь. Он навсегда там, где я. Его лицо я могла нарисовать за пару секунд. Твоё... если даже буду очень ста-

раться, не смогу. Я часто вижу тебя во сне, но не знаю твоего лица, не знаю тебя. А его я знала как саму себя. Он иногда был смешным, ты никогда не бываешь смешным, я никогда не смогу изобразить тебя. И мой мальчик. Мой мальчик... он никогда не даст мне забыть о своём отце. Никогда.

Он. Мой мальчик...

Она. Мой мальчик... *(Пауза.)* Один знаменитый актёр чуть не сто лет назад жил, по большой любви женился на актрисе, она оставила свою карьеру ради него – так любила. Десять лет у них не было детей, потом наконец родился сын. Тот актёр так был горд своим сыном, красивым, умным, ребёнком любви. На совершеннолетие отец подарил сыночку ключи от собственной квартиры. Там всё и произошло. Что-то вроде «русской рулетки». Лучше бы уж в нарды играли. Мать парня обезумела от потери сына и вскоре умерла от опухоли мозга, а отец – от сильной дозы снотворного. Но у него никого не осталось больше на свете... из любимых людей. А зачем жить, если нет любви.

Он. Ты, как все женщины, придаёшь слишком много значения любви.

Она. Знаю, у вас всё дифференцировано. Только кто-то летел как ненормальный ко мне. Что, тоже лучше никого не нашёл за столько-то лет? Ни бизнес, ни чины не могут заменить... верно? И в этой истории не женщина умерла от сильной дозы снотворного. Мне ещё школьная зубная врачиха говорила, что вы, мальчики, хуже переносите боль. И, видимо, одиночество.

Он. Надо жить дальше. Бог дал, Бог взял...

Она. Мы с мужем многого не знали друг о друге. И о тебе я мало что... хотя столько ночей... Ты воевал, а что я знаю о твоей войне?

Он. Моя мать думала, что я служу в Германии – так я писал ей в письмах. На конвертах же – только номер части. Она бы не пережила.

Она. На той войне ты нечаянно убил женщину. Но была ночь. Там, в Афгане, очень тёмные ночи. Ты никогда не говорил о своей войне. Наверное, было очень страшно. Но ты всегда умел преодолевать страх. И когда дежурил по ночам в отряде дружины, в своём городе за мостом, то... всегда шёл на хулиганов, никогда не убегал. Знаешь, я тоже такая, непредсказуемая. Вообще трусиха жуткая. Но пару-тройку раз было... Какая-то злость появляется, когда понимаешь, что какое-то что так запросто может сделать с тобой или с твоими близкими или друзьями что угодно. И тогда уже не боишься.

Он. Ты очень красивая сейчас. И молодая, как тогда.

Она. Ты всегда будешь видеть меня такой. А я постарела навсегда, после того, как ты уехал. Ты обещал вернуться через месяц. Но дороги. Ох уж эти наши вечные дороги! И сейчас ты не хочешь говорить о войне, об армии. Ваша сложная мужская жизнь...

Он. У вас своё тоже...

Она. Нет, я всегда понимала, что у вас... И случись что, только вы, мужчины... Ты сильный. Я бы прилепилась к тебе, я бы до последнего своего вздоха смотрела на тебя снизу вверх, но ты не сумел прилепить. Не захотел.

Он. Ты не поняла.

Она. А муж не выдержал сложностей вашей мужской жизни. Ты только не думай, что он был слабаком. Не думай. В армии он был сержантом, командиром отделения. Не велика ступенечка, первый шаг всего, но всё-таки...

Он. Главное – начать.

Она. Но сломался. Врачи сказали мне, что там ломаются те, кто и должен сломаться. Наследственность. Так что свекровь не очень-то и виновата в той своей истерике. И она... Этому миру давно снесло крышу. Здесь больше нет нормы, нет любви, одно сплошное бездорожье. Как эти все... бредём Бог знает куда. Несёмся сквозь ночь. И сильные женщины... нас теперь так много. Разве это правильно? Но что же делать, если так мало осталось настоящих мужчин?

Он. Ты всегда всё принимала близко к сердцу и всегда много думала.

Она. А надо просто жить. Это ты хотел сказать?

Он. Надо просто жить.

Она. Почему же ты не живёшь просто, а снова мучаешь меня, снова думаешь обо мне? Иногда мне кажется, что и он думает обо мне. Умер, а думает, где-то там, где всё ясно, где нет «тёмных аллей». Где живы убитые на войне и павшие в семейной битве. Как ты думаешь, там он ждёт меня или другую женщину?

Он. Тебя. И тот чудак, который помнил тебя двадцать пять лет... тоже тебя.

Она. Он сказал, что его на мне замкнуло. А меня на тебе. И я приду только к кому-то одному. И каждый приходит только к кому-то одному. Получается, что кто-то обречён на вечное одиночество. Господи... Быть может, мы всё это выдумали и там нет ничего, ничего нет.

Он. Есть.

Она. Если ты так говоришь, то, значит, и ты... и ты не просто живёшь, а тоже... пытаешься понять, да?

Он. Значит, так.

Она. И что ты понял?

Он. Приехал за тобой.

Она. Поздно. Я же говорила тебе, что не хочу жить одна, что выйду замуж, вот и вышла.

Он. Уйди от него. Думаю, он не заплачет.

Она. Мужчина с седой грудью?! Ещё как заплачет! Я его последний костерок.

Он. Мало ли женщин. А мы должны быть вместе.

Она. Даже если... было и прошло?

Он. Даже если было и прошло.

Звонит телефон.

Она. Извини. *(Встаёт, отходит в сторону, говорит в трубку, отвернувшись от Него.)* Да. Конечно. Как нет? *(Смеётся.)* Старость – не радость. Это я о себе. Торопилась. Посмотри в том блюде, что на подоконнике. Есть? Ну извини. Да, обычно – на столе, а сегодня так. Таблетки? Пила. А ты?

Он, сцепив руки в замок, тяжело постукивает ими по столу.

Она *(в трубку).* А настой принял? С вечера сделала. Где? Тама, у шкафчике. *(Смеётся.)* Как маленький. Что? Что? Да ты прожуй сначала. Вкусно? Чай налей, что ты, как этот, на ходу. *(Передразнивает.)* Неохо-ота. С соком хоть, греть не надо. Когда-а? Ну задерживаюсь. Стра-ашно одному? *(Смеётся.)* А? Да, он у меня такой, особо не поговоришь. Правильно, не доставай его вопросами, сам найдёшь, что тебе нужно в интернете этом.

Он, расцепив руки, смотрит на часы.

Она. Ты давно пришёл? И уже звонишь. Отдыхать ложись. Осень. Нужно больше спать. *(Смеётся.)* Да. Да. Конечно. Ну всё. Всё. Я же сказала, иду.

Она идёт к столу, садится..

Он. Твой?

Она *(перестав улыбаться).* Мой? *(Пауза.)* А, да. Как маленький. Напекла, положила. Найти не мог, да?

Он. Повод.

Она. Мне кажется, я и замуж-то снова пошла только для того, чтобы снова было кому печь. Сын это всё не любит. Для себя одной... как-то странно. Я мужу через день... оладушки, пирожки, сырнички, шарлотку. Он любил. И не толстел. *(Пауза.)* А ты сегодня без телефона? Тебе никто не звонит.

Он. Выключил.

Она. Чтобы не мешал?

Он. Чтобы не мешал.

Она. Этот разговор для тебя важен. *(Улыбнувшись.)* Как же тебе сейчас страшно. Но и это пройдёт. Ты просто начинаешь платить.

Он. Ты так хочешь, чтобы я заплатил?

Она. Я подставила тебе вторую щёку, и ты снова ударил. Разбил её в кровь, как и первую. Третьей у меня нет, а судьба непременно свела бы нас ещё раз, непременно. Я защитилась как могла... от новой встречи с тобой. Я не знаю, что я ещё должна сказать, чтобы ты больше не мучил меня.

Он. Но ты не знаешь, не знаешь... каково это, когда твой сын вроде жив, а не живёт. И неизвестно, что будет дальше.

Она. Ты так думаешь? А мой сын разве живёт? И тот мой ребёнок. *(Пауза.)* Только тогда я не жалела его, если только совсем чуть-чуть, каким-то шестым чувством, материнским инстинктом. Но не сердцем. В сердце было только одно – страх, что ты можешь забрать его у меня. И что бы я тогда? Я всё представляла, как бегаю возле твоего дома, как пытаюсь увидеть моего ребёнка.

Он. Ты совсем, да? Я, что, не дал бы тебе увидеть твоего ребёнка?

Она. Нашего! Все те, кто забирает у матерей их детей, они... не дают им видаться. Они порочат матерей. Мать – первая заступница на земле после Бога. Да кто вы такие, что нарушаете то, что заповедано... По телевизору вон показывают, как вы... сильные, успешные... выкрадываете детей, запрещаете...

Он. По телевизору! Наша жизнь... не по телевизору. Я бы...

Она. И ты бы! И ты бы! А у меня никого не было, кроме того ребёнка, совсем никого. И ведь я не сама... Ты! Ты вёл меня... на казнь эту. Сам. Как ты мог? Как не разорвалось твоё сердце?

Он. Я потом... как отвёл тебя, потом уснуть не мог, всё думал...

Она. И потому пришёл утром?

Он. Я... опоздал. *(Пауза.)*

Она. Убийство... это всегда... так быстро. И то ли есть вина на мне, то ли нет. И невозможно забыть. И жизнь без матери – это не норма. Тот ребёнок вырос бы таким же, как я. Понимаешь? Он тоже был бы... из неблагополучной семьи.

Он. Я бы никогда не сдал его...

Она. Но нельзя лишать матери, отца просто так, по прихоти. Что-то нарушается, прерывается связь, та, которая складывалась бы в отношениях, пусть и в трудных, но она была бы. А если, то... (*Декламирует почти с надрывом.*) «Вот наши матери, они стары, / Мы им нужны теперь, старухи тоже, / Мы льнём друг к другу обожжённой кожей, / Не принимая правил злой игры...

Он. Это?..

Она. Да какая разница! Муж... он, когда мы принесли нашего сына из роддома, спросил: «Интересно, каким он будет, когда вырастет?» Я тогда вздрогнула. Я думала о том же самом. И миллионы родителей, наверное, думают о том же. Каким он будет потом... Когда рос мой мальчик, я удивлялась каждый день, каждую минуту. И словам, и поступкам, и росту его... этому движению вверх, удивительному дыханию жизни. Ты вот... у тебя, в общежитии твоей студенческой, в комнате всегда были цветы...

Он. У меня и сейчас повсюду цветы: в саду, в доме... Это...

Она. Парень, прошедший войну, и вдруг – цветы на подоконнике. Ты же любил их за это же самое чудо. Что вот... ничего нет, потом росток, потом листик, другой, и, если повезёт – цветок, аромат, нежность или яркость. И каждый цветок неповторим. А ты решил...

Он. Я решил. Но я... Мне...

Она. А я будто вижу его иногда. И всё думаю, что вот таким он мог бы быть. И где-нибудь... где-нибудь он есть. Наши дети ждут нас... там. И нерождённые ждут. Так что... даже если что... верь, ты ещё увидишь своего сына.

Он. Твой муж был прав: рядом с тобой холодно.

Она. Ты хочешь обвинить меня в том, что у тебя случилось.

Он. Я не виню тебя. Я виноват. И многое сейчас зависит от меня, а я не могу забыть твои слова... «молись за своих детей». Вспоминаю – и будто лишаюсь сил. Дети... как ты могла?

Она. И ты не пожалел моих. Ты приехал... Ты не подумал, что парень остался без отца, что только я теперь... И мне вдруг стало казаться, что твой приезд, вернее, твоё молчание после, это как знак мне: пора, мол, старушка. Мне дали отсрочку для надежд, для того, чтобы жила как-то иначе, а я так и не сумела жить, не принесла никому счастья. И, может быть, соседи из четвёртой квартиры не так уж и не правы, когда вмешиваются в судьбы таких, как я. Нежеланные, нелюбимые, кого мы можем согреть? Мы – льдинки с пылающими от обид сердцами. Если бы ты видел, как я поднималась, как...

Он. Ты уже говорила это.

Она. Я говорила это себе, ты не мог слышать.

Он. Я слышал, я был здесь... и твой муж был здесь.

Она. Ты приехал после его смерти.

Он. М-м, я вместо того, чтобы силой своей поддерживать сына, вспоминаю тот приезд мой сюда и всё, что было у нас тогда... и вину свою, грех свой.

Она. Да, когда мы правы, то мы словно вырастаем, и тогда никакие бандиты, никакие сплетни, никакие болезни...

Он. И я слабею от этой вины своей. И когда я и кто-то ещё, кто сильнее меня... когда мы тянем моего сына... каждый в свою сторону, то я... я боюсь, что...

Она. Ему ввели не то лекарство, такое бывает, редко, но бывает. Ты же этого так не оставишь? Нужно – в суд.

Он. О чём ты говоришь! У нас небольшой город, а моя дочь, ты же знаешь, в медицинском. Всё завязано на родственных связях – институт, больница...

Она. Понимаю.

Он. Жену всё это подкосило.

Она. Она тоже в тяжёлом состоянии?

Он. Не знаю... Она всё время молчит, словно винит меня. Не упрекает, но...

Она. А зачем же ты приехал за мной? Будем жить все вместе?

Он. Ты же хотела... рядом, чтобы видеть меня. Мне теперь кажется...

Она. Я не смогу... теперь. Я замужем.

Он. Брось его.

Она. Нет.

Он. Переезжайте вдвоём, втроём.

Она. Ему там не климат. У него – сердце, давление. Может быть, даже бляшки. Он наш ровесник, так что...

Он. Ты будто злорадуешь сейчас. Но ты... Как ты можешь? Мой сын...

Она. Ну что ты! Молись за своих детей. Ни больше ни меньше. Мы плохо молимся, мы мало любим их... Да и духовные законы никто не отменял. Там всё так сложно, в законах этих. К примеру, ты, глядя на чужого сына, подумаешь: «Невзраченький какой, а мой-то! Ого-го!» И всё! Болеть начнёт красавчик твой. У нас нет никаких *своих* детей, понимаешь? *(Пауза.)* Кто вам сказал, что эти дети ваши? *(Пауза.)* Нас просто проверяют детьми. И кто чем гордится, тот того и лишится. Не пожалеешь чужого ребёнка, и твоего... А ты... своего. Ведь это так страшно...

Он. Сейчас ты добиваешь меня.

Она. Разве ты не видишь, я плачу. Плачу оттого, что четверть века любила фантик, обёртку, бессердечную пустышку любила я. Все вы не стареете, всем вам в душе восемнадцать, вы все любите жизнь, ох, как любите! А единственная на земле жизнь, достойная вечной любви, – это дети. А вы оказываетесь незнакомы с собственными детьми.

Он. Но я же тебе говорил, что... детей своих люблю. Это я, я тебе говорил.

Она. А я понимаю, что ты любишь детей своих, и не представляю себе, как можно не любить своих детей. Ты приехал и понял, ты всё понял, но ты как за спасательный круг цеплялся за свою любовь к детям.

Он. Они обнимали меня, когда были маленькими, они сидели у меня на коленях. Они скучали...

Она. И, соскучившись, бежали к тебе навстречу на своих слабых ножках. И ты знаешь, ты знаешь, как подступает к горлу ком, когда видишь эти их слабые ножки. И если скажут тебе в тот миг, что вот, отдай жизнь свою, сейчас отдай, но ребёнок твой проживёт долго-долго... без страшных болезней, без большого горя... И... отдашь.

Он. Ты жестока.

Она. И всякий любящий своих детей уже заслуживает осторожно с ним обращения. Даже те твари из четвёртой квартиры. И я никогда не скажу им, что они бессердечные люди. Потому что они всё делают для своих детей. И любят их. И от этого их дети смотрят на мир совсем другими глазами, им плевать на нанесённые им обиды. От всех обид они отмахиваются, словно от ничтожных мух. И идут по жизни лёгкие и красивые, защищённые и обогретые. И от этого всем на земле только лучше. У таких детей никогда не появляется чувства безысходности. И смерть от «русской

рулетки» нисколько не похожа на самоубийство. Так... дуэль с жизнью. И пусть и дальше живут себе недремлющие наши соседи. Пусть живут.

Он. Да если бы не они... У тебя был бы другой сын, не такой...

Она. Да-а, мог бы быть другой, даже если бы на земле никогда не существовало квартиры под номером четыре.

Он. Всё произошло так быстро, месяца через два после того, как вернулся от тебя...

Она. У того, кто отвращает лицо своё от скорбящего, омрачатся дни его.

Он. Всё стало рушиться: бизнес, здоровье. Потом... сын.

Она. У того, кто не слышит гласа страждущего, сыновья в темноте, ощущают будут искать домов своих... *(Пауза.)* Но ты не переживай. Всё правильно. Фармакология за последние годы... Поразительные результаты, сказочные просто! Даже... *(обнимает свой живот)* всё умершее от горя можно возродить и заставить работать. Ты ещё... всё сможешь, всё.

Он. И соседи... Одни там... приезжали в наш город на отдых, дом рядом, и потом, когда я у тебя был, увидели машину мою возле твоего дома. Я, конечно, выкрутился – бизнес, мол. Но, как говорится, осадочек остался.

Она. А-а, так вот откуда и мои соседи всё узнали. А твою жену осчастливили подробностями?

Он. Нет, что ты! Но как тесен мир! И сын... И так быстро всё, одно за одним, одно за одним. Почему раньше... духовные законы твои не работали?

Она. Мои?! Спасибо. Общие! *(Пауза.)* Все эти годы я прощала тебя, помнила, но прощала. Мы были слишком молоды. И ты, и я. Я перестала прощать, всего лишь перестала прощать. Я до сих пор не понимаю ничего. Ничего. У тебя же были слёзы на глазах, когда ты рассказывал мне про то, как убил женщину. Как ты прижал меня тогда к себе. Ты же мне ничего не рассказывал о войне, только это. Ты жалел её, потому что она была молода, что, может быть, у неё были дети или могли бы быть. От тех твоих слёз у меня разрывалось сердце.

Он. Не надо об этом.

Она. Я не поеду с тобой. Я нужна тебе для спасения. Мной согрешил, мной и спастись нужно. Всё верно, Лев Николаевич.

Он. Ну что ты опять... Не дави. Неподальёку от нас продаётся очень хороший дом. С садом. Твоему сыну будет там хорошо. И этому твоему... с седой грудью.

Она. Дом. Я никогда не думала, что с мужем может что-то случиться... дома. Когда он задерживался допоздна, я всегда волновалась. Но когда он входил в дом... *(Пауза.)* Я не поеду. Я простилась с тобой. И потом, что я буду делать там, в твоём городе?

Он. Писать книги. Творчеством своим заниматься.

Она. Нет никакого творчества. Ты прочитал мою повесть?

Он. Сразу, как приехал от тебя.

Она. Ты заметил?

Он. Что?

Она. Там концовка – точь-в-точь как у нас с тобой...

Он качает опущенной головой.

Она. Не хочешь отвечать. Снова страшно, да? Вот оно... творчество. Через месяц после того, как ты уехал, я проснулась среди ночи, поняв,

что за три года до нашей встречи словно предвидела, словно знала, чем всё закончится. Это не я сочиняла, не я... И разговор в конце повести. И морда, залитая слезами... И голод... И сын... И... бежать вслед за машиной. Всё, как у нас было. Ну прямо, как надиктовал кто... прозорливый.

Он. Да, это меня как обухом по голове. Только за машиной ты не бежала.

Она. Я бежала, ползла по дороге, потом по мосту, сдирая кожу на локтях и коленях. Я могла бы проползти сотни мостов. Но ты бы так и не оглянулся.

Он. Я не имею права оглядываться.

Она. Теперь ты это понял. Молодец! После твоего отъезда я спросила у врача: «Почему в моей жизни всё так сложно и запутанно, а в том, что пишу, – складненько так, по полочкам?» Он ответил, что там я – всему хозяйка, почти всему, а тут... воля – на волю, слово против слова, и что получится, один Бог знает. Да?

Он. Наверное. Я далёк от творчества.

Она. Далёк. Один из твоих бизнесов связан со штамповкой поделок, а другой... (*передёргивает плечами*) со свежеванием, кровью...

Он. Кто-то должен заниматься и этим. Не всем же...

Она. ...книжки писать. Эта книга принесла мне одни страдания. Не будь её, муж бы не почувствовал себя совсем несчастным. И не умер бы. Это же его мечта была – стать писателем. Но дети из благополучных семей редко... И когда я писала эту повесть, я думала о тебе. Может, муж почувствовал, как сильно... я помню тебя, что и двадцать лет совместной жизни...

Он. Но к той, своей, он ездил ещё до того, как была написана повесть.

Она. То – святое, что ты! У него тогда был трудный период в жизни. Умер друг, тот самый, о котором я говорила. Потом любимая бабушка. Он ведь тогда... плакал. Я хотела обнять его, прижать к себе, но он ушёл в другую комнату. Он не дал мне пожалеть себя. Видишь, как у нас всё было. Так бывает, когда... без любви. Но тогда я очень переживала. Тогда ещё не могло быть и речи о разводе. И сын... сидел как воробышек. У нас потом, после приезда мужа, такой разбор полётов был! Сначала орали, конечно. Потом плакали, смеялись...

Он. Итальянский дворик.

Она. Ну да. А после того, как вышла повесть, он... он вдруг увидел, что время... оно уходит, ушло, а он ничего не написал, да и, скорее всего, не смог бы написать. Он был болен. И совсем не знал жизни, почти не знал. И бросился догонять давно ушедший поезд. А молодые женщины всё и сразу поняли про него. Но и он понял, что...

Он. Не надо, успокойся. Чего теперь-то...

Она. Он понял, что только я... Только я... Нелюбимая, старая, умная, но только я... Как мне не хватает его. Не рядом, вообще. Только он знал что-то такое обо мне... Он до последнего покупал книги. Я говорила, что всё есть в интернете, а он покупал и покупал. Теперь я их читаю и становлюсь ещё умнее. Когда я тебя увидела, то почти сразу поняла, что никогда... никогда ты... Ты мне сказал, что я всё время плачу, прямо как твоя мать после гибели твоего отца.

Он. Это тяжело.

Она. Ты жалел свою мать, обманывая её, что служишь в Германии, но почему ты убежал из дома, уходил ночевать к родственникам, когда она плакала одна в пустом доме. Ты же был самым младшим, любимым её

ребёнком. Старшие уже жили своими семьями. Как ты мог убегать от её слёз? Господи, как ты мог!

Он. Это тяжело. Я мог бы... умереть от тех её слёз.

Она. И знакомые мне через три месяца уже говорили, что пора перестать плакать. И муж золовки прямо возле... тела сказал, что я как-то странно всё воспринимаю. Вроде как смерть – это обычное дело. Люди, вы что?! Да как бы мы ни жили, это же был человек, и вдруг... нет его. Нигде на земле нет. А приходил каждый вечер домой, даже когда... по этим... по своим пошёл, он всё равно каждый вечер приходил домой.

Он. Тебя, наверное, боялся.

Она. Не-эт! Не-эт! Это ты не можешь больше месяца быть дома, а он... И этот стук входной двери на протяжении двадцати лет. И шаги, и кашель, и дурацкий громкий смех, когда он смотрел телевизор. И чувство вины... как же? Разве его, этого чувства не должно быть? Со мной трудно, да, но и я, и я пахала... и срывалась, и орала. И он орал, и ему было трудно на этой земле, которая тоже так одинока во Вселенной. И она не молчит: и извержения вулканов, наводнения – это её крик и её слёзы отчаяния. Даже если я не хотела, никак не хотела выходить за него и в первый раз ушла из ЗАГСа, словно предвидя все будущие трудности, то... всё равно, всё равно... Как не винить себя? Мы все виноваты друг перед другом. Все. И перед землёй, и перед Вселенной...

Он. Ну это уже...

Она. Из-за нас, из-за всех нас всякая тварь донине стенает и мучается. И эта Вселенная, как ты не понимаешь, её вот такой не было бы, всё было бы по-другому, она стала такой для нас. Из-за нас. И вот я, он... столкнулись среди миллиардов себе подобных, среди вечности и... не сумели. Ты потому и уезжаешь каждый месяц из дома, чтобы не прилипнуть намертво. Ты... когда у тебя такое! И – «Бог дал, Бог взял»...

Он. Перестань.

Она. Не перестану. И не надо мне здесь... Прописные истины. Все эти священные книги. Мы смотрим в эти книги, но живём как фиги, фигурки. В них, в книгах этих, во всех, о прощении, о долготерпении, о «не судите, да не судимы будете». А я не прощаю, я не долготерпелива, я сужу. И меня судят, и меня не прощают. А если бы все, все долготерпели безропотно, то что? Что? Ответь мне.

Он. Трудно с тобой. Моя жена никогда...

Она. ...Это всё оно, творчество, так и лезет из ушей. И для него надо много головы и сердца. И надо писать, оставляя в чернильнице куски мяса, куски собственной плоти.

Он. Запиши. Хорошо сказано.

Она. Это сказал мужчина. Я бы так не смогла.

Он. Твоя книга...

Она. Книга... Не будь её, ты не примчался бы ко мне. А так... получил бандероль и – пое-э-хал. Благо, адрес на обёртке увидел, да?

Он. Да.

Она. Бойтесь исполнения своих желаний. *(Пауза.)* Дети, выросшие на обочине жизни, так мечтают о настоящей семье. И я мечтала. А Тот, Кто всегда видит нас, показал мне: вот тебе, девочка, семья. В ней... и мать, и отец, и куча детей, и крепкие стены. *(Усмехается.)* Тебя там только не хватало.

Он. А как жить без желаний?

Она. Я знала, что рано или поздно увижу тебя. Загадала на медальон, тот, что ты мне подарил. Я однажды потеряла его, когда переезжала со ста-

рой квартиры. Через неделю нашла возле клумбы. Никто не подобрал. Как-то всё...

Он. Судьба.

Она. Творчество. *(Пауза.)* Творчество... Это – чернильница, полная слёз. О чём я буду писать, живя в двух шагах от тебя? О ком? О нём? Но смерть... это такое обычное дело. И когда-нибудь моё сердце перестанет плакать, и ты... будешь так близко.

Он. Сын...

Она. Я бегу от мыслей о его судьбе, иначе...

Он. Прошу тебя. Мне кажется, что земля превратилась в песок, что я снова должен пройти перевал, что я снова в Афгане. Что если... то у меня останется только дочь. Как тогда жить? И жена... Я никогда не смогу её... такую бросить. Она как не в себе. И жениться снова, чтобы снова дети... это так трудно – поднимать, растить детей. У меня уже нет сил.

Она. Да и я не смогу уже родить нормального ребёнка, так, поскрёбышка какого-нибудь.

Он. Вот видишь...

Он пытается взять Её руки в свои ладони. Она высвобождает свои руки.

Он. У тебя по-прежнему маленькие руки.

Она. У всех, кто живёт сердцем, маленькие руки. Они не приспособлены для разделки туш.

Он. О чём ты?

Она. Я всё хотела сказать тебе... Всё хотела...

Он. Ну говори, говори...

Он берёт Её руку, Её ладонью проводит по своему лицу, целует ладонь.

Он. Ну говори, говори...

Она *(невольно приближаясь к Нему).* Я скажу... скажу...

Он. Если ты откажешься, то... Если ты откажешься... Мой сын...

Она *(резко подавшись назад).* Отпусти.

Он удерживает Её руку.

Она. Отпусти.

Он *(отпуская).* Ты права, мы просто будем жить рядом.

Она. Мы больше не будем... рядом. Я всё никак не могла сказать тебе... тот ребёнок... посланный Богом... он никогда не был твоим.

Он. Я не понял.

Она *(не глядя на Него).* Я думала... ты не посмеешь. Первая моя любовь... Хотя бы из жалости женишься. Я пришла за подачкой. Я не думала, что ты сможешь убить ни в чём не повинное своё, своё дитя. Мне не нужно было, чтобы ты любил меня. Я бы любила за двоих. Я не могла себе представить свою жизнь без тебя и... *(Пауза.)* Соврала. Ты ни в чём не виноват.

Он. Я ни в чём не виноват? *(Достает телефон, включает.)* Почему ты не сказала этого тогда, когда я приехал? Из-за тебя я... Мой сын... мой сын...

Она. Ты ничего не понял... Ничего...

Он *(в трубку).* Я буду завтра. Да. Да.

Медленно гаснет свет. Тихо-тихо звучит песня: «На улице дождик...»

**Валерий
КРЕМЕР**

С любовью к людям и России

В.И. Вардугин. Экскурсант. Воспоминания. — Саратов, «Новый ветер», 2020.

Владимир Ильич Вардугин — личность хорошо известная не только в Саратове, но и далеко за его пределами. Журналист, краевед, писатель, занимающий активную жизненную позицию, неустанный радетель за сбережение культурных ценностей России.

И вот вышла его новая книга, одна из многих, которые он написал. Он всегда рассказывал о замечательных людях, каким-то образом связанных с саратовской землёй или с участием саратовцев в решении глобальных задач, например, освоение космоса.

Эта книга иная. Цель её он обозначил в предисловии:

«Довелось стать свидетелем интересных событий, побеседовать с неординарными личностями, пообщаться с теми, кого назвал бы гордостью страны».

Почему экскурсант? Это тоже объясняет автор: *«Экскурсия. Гости города с теплохода. С любопытством разглядывают Саратов, внимательно вслушиваются в объяснения гида, стараясь запомнить факты и цифры. Не так ли и я всю жизнь, вот уже без малого полвека, только и делаю, что всматриваюсь и вслушиваюсь, вникая в то, как люди работают. Вечный экскурсант!»*

И действительно, можно только позавидовать Владимиру Ильичу в удивительной возможности пообщаться с такими уникальными и яркими личностями: академиком Семёновым, музыкантом Паницким, скульптором Клыковым, академиком Угловым и многими другими.

Несмотря на то, что это мемуарная книга, она построена не по хронологическому, а по тематическому принципу. Эта история написания книг, которых у Владимира Ильича немало, отражена в разделах «За куписами», «Саратовские писатели», «Города, где я бывал», «Мимолётные встречи» и другие.

В основном герои книги связаны с саратовской землёй, большинство из них — это

известные общественные деятели, артисты, литераторы, приезжавшие в Саратов, например, поэт Андрей Вознесенский, актёр Дмитрий Золотухин, сыгравший молодого Петра Первого, актёр и режиссёр Николай Бурляев.

Глава «Настоящий русский мужик» посвящена встрече с замечательным актёром Александром Михайловым, который десять лет проработал в Саратовском драмтеатре. Тогда никто не предполагал, что он станет главным героем таких любимых зрителями фильмов, как «Любовь и голуби», «Мужики!..», «Одиноким предоставляется общежитие»... Очерк о нём автор назвал девизом забайкальских казаков, которым артист очертил и свой творческий путь: *«Сердце — людям, Богу — душу, чести — никому».*

В мемуарной книге нет сюжетной линии и постоянных главных героев. Для Владимира Вардугина всё главное. Он обо всех пишет с любовью, живо и интересно. Чего только стоит эпизод с двойником Ленина, когда автор просыпается в поезде и думает, что находится в мавзолее, потому что рядом с ним... Ленин.

И таких весёлых эпизодов в книге много, ведь у Владимира Ильича прекрасное чувство юмора.

Конечно, он лишь отчасти экскурсант. Это несколько праздное любопытство. А Владимиру Ильичу важно встретиться с людьми, пытающимися изменить нашу жизнь к лучшему, по-настоящему талантливыми и любящими свою Родину.

«Широк диапазон моего общения с прошлым и будущим. От бесед со столетними стариками, младшими современниками Менделеева, Чайковского, Чехова, до тех, чей славный путь завершится в XXII веке» — так заканчивает своё произведение автор.

Есть книги, которые читаешь на одном дыхании и жалеешь, что они когда-то заканчиваются.

Книга «Экскурсант» из числа таких.

*Александро-Невский собор в Саратове.
Фото из дневника А.Н. Минха*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – В. В. Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Е. С. Данилова.

Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.

Корректор – Е. Н. Березина.

Подписано в печать 25 февраля 2021 года.

Дата выхода в свет 26 февраля 2021 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/25021

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410056, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2021.

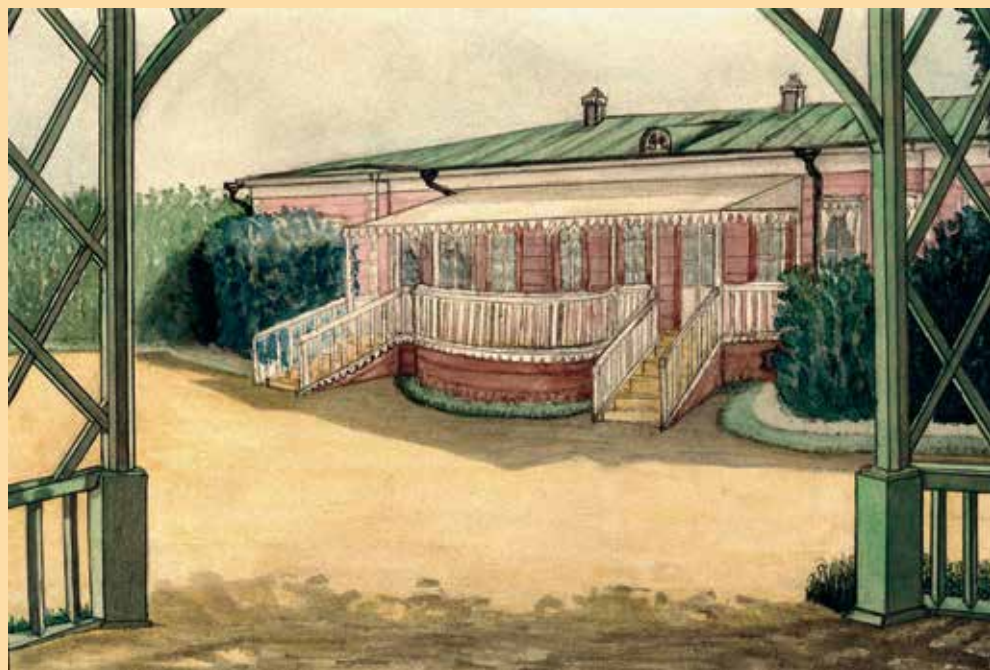
© «Волга–XXI век», 2021.

**СОБЫТИЯ И ЛИЦА САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ А. Н. МИНХА**

Соборная площадь в центре г. Саратова.
Собор Александра Невского.
Рисунок А. Н. Минха

Дом А. Н. Минха в с. Колоно

Дом А.Н. Минха в с. Колено Аткарского уезда.
Рисунок А.Н. Минха, 1864 г.

